

Юрий МЕДВЕДЕВ

ОГНЕМ ОПАЛЕННЫЕ

(О КАЧКАНАРЦАХ — УЧАСТНИКАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Работники библиотеки
Крестова Г.К.
© Огородники

Увечером
автор Л. Шелле
Сквозь лесик Гатчинский
июнь 2000?

870-10-42

Эк
Юрий МЕДВЕДЕВ

63.3(2)622.2р36
мчз

ОГНЕМ ОПАЛЕННЫЕ

(О КАЧКАНАРЦАХ — УЧАСТНИКАХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Юношеская
библиотека

н/р

ЖИВЫМ И ПАВШИМ!

Поколению фронтовиков Великой Отечественной войны, детям войны, вдовам войны, солдатским матерям, труженикам военного тыла посвящаю!

Автор.

О себе

Бывший житель Челябинской области, уроженец г. Карабаша.

В Качканаре с 1964 года.

Бывший машинист шахтного электровоза, универсального и горного экскаваторов, крана, бульдозера и др.

Бывший офицер.

Бывший мастер производственного обучения и преподаватель общественных дисциплин.

Бывший член Союза журналистов СССР.

Бывший литературный сотрудник, корреспондент, ответственный секретарь, редактор радио и газеты.

В настоящее время пенсионер. Занимаюсь литературным трудом...

Юрий МЕДВЕДЕВ.

**Верховный Главнокомандующий,
Генералиссимус Советского Союза
Иосиф Виссарионович
СТАЛИН**

ГЛАВА 1

На войне, как на войне

Полуокоп, полублиндаж — минометная ячейка. 82-миллиметровая труба миномета. Чтобы опустить в нее мину, надо встать во весь рост. А в земляной бруствер вливаются пули немецких снайперов. Дзинькают над головой, посвистывают около уха. Одна из пуль перебивает "нитку" телефонной связи, по которой корректируется минометный огонь. "Куда же стрелять? В белый свет?..." И в это время раздается оклик командира, благо он рядом — в соседнем окопе: "Черепанов, ко мне!" Уползает Черепанов, а его место занимают связисты. И вдруг позади — взрыв. Прямое попадание снаряда в ячейку, в связистов. В его ячейку...

"В рубашке" ты родился, Виктор, на секунду смерть опередил..."

Виктор Николаевич Черепанов не знает, точно ли он родился в "рубашке". А я не знаю, точно ли говорили ему однополчане про эту самую "рубашку" в 42-м, а может быть в 44-м году. Наверное, все же говорили. Или просто думали про себя. На фронте ведь не до сантиментов. Да и подобных случаев с фронтовиками-окопниками хоть пруд пруди.

И вновь повторяется нечто подобное. Приказ командира роты: "Черепанов, найди старшину, мины кончаются!". Не успел Черепанов пробежать несколько шагов, как началась бомбежка наших позиций, а часть их расположилась прямо в деревне. Черепанов упал и прямо перед собой увидел крышку погреба. Откинул ее и тут же отпрянул. Тесно прижавшись друг к другу, в клуне сидела женщина и трое детишек. На него смотрели четыре пары расширенных от ужаса бомбежки глаз. Хлопнув крышкой, Черепанов кубарем скатился в дымящуюся воронку. По соседству ухнул очередной взрыв, взметнулись вверх доски и окровавленные детские тела...

Вот и еще одна "рубашка", будь она проклята. Лучше бы меня накрыло в этой клуне, думал Черепанов. К смертям на фронте привыкают быстро. Каждый день видишь смерти здоровых мужчин. Но вот женщина, детишки. Беззащитные, слабые существа. Нет, к таким смертям нельзя привыкнуть.

...Третий эпизод из "счастливых рубашек" Черепанова особый. Если два первых повествуют о чистой случайности — остаться в живых, то этот уже не случайность, а смекалка русского солдата, которая позволила избежать, казалось бы, неминуемого плена или смерти. В очередной раз где-то перебило связь. Черепанов направился устранить обрыв провода. Не доходя нескольких метров до обрыва, остановился, почувствовав

что-то неладное. Интуиция подсказала единственно верное решение. Потянул провод на себя. Он легко подался. Мелькнули силуэты немцев, мгновенно развернувшись в цепь. Черепанов быстро вернулся назад, вызвал отделение автоматчиков. Пятеро немцев, имевших задание взять “языка”, который “добровольно” пришел бы в плен, просчитались...

Последние победные месяцы войны. Счастливые потому, что явно ощущалось дыхание победы. Несчастливые потому, что именно в этот период Черепанов был дважды ранен. Первый раз на подходе к Берлину. Второй — буквально за несколько дней до штурма Рейхстага.

Черепанов поливал немцев свинцом из своего “Дегтяря”. Пулемет вдруг заклинило. Сдернув его с бровки. Черепанов втиснулся в дно траншеи, попытался устранить перекос. Но не тут-то было. Слишком узка траншея — неудобно. Нужен простор. Приподнялся, бросил пулемет на бровку, протянул руку, тут в нее и хлопнуло...

“Сквозное пулевое ранение левой кисти с повреждением кости” — гласит справка полувековой давности.

А вот еще одна справка: “Слепое осколочное ранение мягких тканей в области шеи справа”. В двух-трех миллиметрах от сонной артерии... Это, видно, четвертая счастливая “рубашка”.

Берлинское метро. Где-то затопленное по приказу Гитлера водами Шпрее. Где-то сухое и дымное, оцетинившееся пушками, пулеметами, автоматами. Взвод младшего лейтенанта Черепанова продвигался все дальше и дальше, и все меньше оставалось бойцов. Вот и командир выбыл из строя. Осколок фаустпатрона приковал его к госпитальной койке. На этот раз в огромном, чужом, разгромленном городе, до которого он шел четыре года. Из окна был виден решетчатый купол Рейхстага с победным знаменем наверху.

Рейхстаг. На колоннах его расписались друзья-минометчики. Обидно было, что не успел поставить свою подпись. Но война вносила коррективы в судьбу каждого бойца и в последние ее дни, и в последние секунды.

152-я дивизия. 646-й стрелковый полк. Фронты. I Украинский, III Белорусский. Города: Мурманск, Москва, Гомель, Харьков, Варшава, Кенингсберг, Берлин... Города, где служил, города, которые освобождал.

Морозы, жара, снег, слякоть. Мозоли на руках и ногах. Горы перелопаченной земли. Опаленные порохом лица. Блиндажи, траншеи, окопы, ячейки, ходы сообщения, землянки, доты, дзоты. Ранения и смерти. Голодные дни. Наркомовские стограммовки. Редкое счастье — помывки в бане. Одиночные и братские могилы. Лопнувшие барабанные перепонки. Вой моторов и бомб. Шелестение снарядов и цвиканье пуль. Заветные треугольнички писем...

Война! Во всей ее неприглядности, трагичности, безысходности, горя, проклятий, героизма и трусости, здравого смысла и бессмыслицы...

Война! Она, хотя прошло полвека, была, вроде, вчера. Хотелось бы о ней забыть ветерану. Да разве такое забудешь, особенно в бессонные долгие зимние ночи.

Начинал войну Виктор Николаевич сержантом, командиром отделения минометчиков.

Закончил офицером, командиром взвода. Для него война закончилась только в 1946 году. После победы над Германией была еще и победа над Японией...

Условно жизнь Виктора Николаевича Черепанова можно разбить на отдельные четвертушки.

Первая. 1916—1941 гг. Начало жизни. Окончание “университета”, длиною в 4 класса. Приобщение к вольному старательству. Служба в армии. Женитьба. Рождение первого сына.

Вторая. 1941—1966 гг. Война. Инвалидность. Повседневный тяжкий труд. Рождение второго сына.

Третья. 1966-1991 гг. Работа на производстве и общественная работа. Выход на пенсию. Болезни от старых ран. Многолетнее ожидание благоустроенной квартиры. Проблема дров. Проблема воды. Холодный пол в старом деревянном доме.

Четвертая: 1991 — ... гг. Тяжкий труд во имя хлеба насущного. Бесконечные хвори. И тот же холодный пол. И то же ожидание квартиры. Радость общения с внуками и правнуками. Эпоха “демократов-радетелей” за судьбы россиян, особенно за судьбы стариков. И недоумение по поводу того, что натворили “демократы”. И обида за развал великой державы, за которую он проливал кровь. И страх из-за того, что не доживет до заветной квартиры. И слабая надежда пожить в раю, так как в преисподней он уже пожил...

Боевой путь минометчика Черепанова не был усыпан розами, но наградами его не обходили. Их целый иконостас. Слава III степени, “Отечественная война” I степени, “Красная звезда”, “За отвагу”, “За оборону советского Заполярья”, “За взятие Кенигсберга”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”... За каждой из наград — солдатский подвиг, не всегда броский, не всегда яркий, но всегда пропитанный запахом горелой земли, пороховой гари, пота и окровавленных бинтов.

Жизненные “четвертушки” В. Н. Черепанова начались с деревни Осинов Луч (близ Нижней Туры) в самый разгар первой мировой войны в январе 1916 года. При Советах Осиновку постигла участь десятков тысяч российских деревень...

Вся округа около Нижней Туры была богата золотом. Поэтому практически каждая семья Осиновки промышляла добычей драгоценных металлов. Вольными старателями был и дед и отец Виктора. Повзрослев, он тоже подался в старатели.

Сейчас золото в основном добывают промышленным способом при помощи мощной техники — драг, гидравлик, бульдозеров и экскаваторов. А совсем недавно главенствовал исключительно физический труд — труд старателя, овеянный дымкой легенд, преданий.

Работали сначала на пару с отцом. Верной помощницей была лошадь. Бьют шахту, вывозят породу к речке, промывают...

Жили безбедно. Зарабатывали до 45 рублей в месяц. Вообще-то труд старателей оплачивался бонами — особая валюта, кредитная бумага, суррогат денег. Килограмм пшеничной муки высшего сорта стоил 12 копеек, обычной — 6 копеек, литр спирта высшего качества — 90 копеек.

На Именновский Виктор Николаевич пришел в 1935 году. Напрямки от Нижней Туры

— 25 километров. Пришел за призрачным “золотым” счастьем. Пришел, да так и остался на всю жизнь. Были лишь перерывы на время действительной службы в армии да войны.

В то время названием Именновский обозначался лишь один барак. После войны он превратился в довольно солидный поселок — с клубом, магазином, пекарней. Появились паровые драги. Для их работы нужна была уйма дров. Заготавливали их вручную — пилой и топором, вывозили лес на лошадях.

Незадолго до войны женился Виктор на своей односельчанке Лиде. Только что завязавшуюся любящую семью разлучила война.

Лишь в 1947 году вновь началась мирная жизнь бывшего минометчика. Напрямую золото он уже не мыл, но имел к нему самое непосредственное отношение. Работал мастером лесоучастка, заготавливал дрова для драги. А вскоре узнал про будущий Качканар. Строил железнодорожную ветку Азиатская — Качканар, очистные сооружения, станцию “Комбинатская”, железнодорожные пути к аглофабрике, ТЭЦ...

Обычная жизнь трудового человека, бывшего воина. Бескорыстного, общительного, открытого, авторитетного. Жители Именновского дважды избирали его депутатом качканарского городского Совета. Много лет он был председателем уличного комитета, а в последнее время он глава местного самоуправления (староста) поселка Именновский.

В одной некогда популярной песне, посвященной солдатам Великой Отечественной войны, есть слова: “Мы пол-Европы по-пластунски пропахали...” Вернее не скажешь. Именно не прошли, не пробежали, не проехали, а пропахали. Грудью, брюхом, коленями, лбом, зубами. Пропахали, оставляя за собой кровавый след, след собственной крови, след крови товарищей по оружию, след справедливости, гуманности, повседневного героизма — не книжного, не киношного.

Земля, пропитанная человеческой кровью. Кровью советских солдат. Кровью немецких солдат. Соотношение: пять к одному. Пять погибших русских солдат — один немец. Десять погибших россиян — два немца. Дорогая цена. Скорбный итог.

Историки еще не поведали истинную правду о той страшной невиданной войне. Только на памяти моего поколения, родившегося за пять — десять лет до Великой Отечественной войны, фальсификаторы различного толка четырежды переписывали (и переписывают) на свой конъюнктурный лад события полувековой давности. При Сталине, при Хрущеве, при Брежневе, при Ельцине...

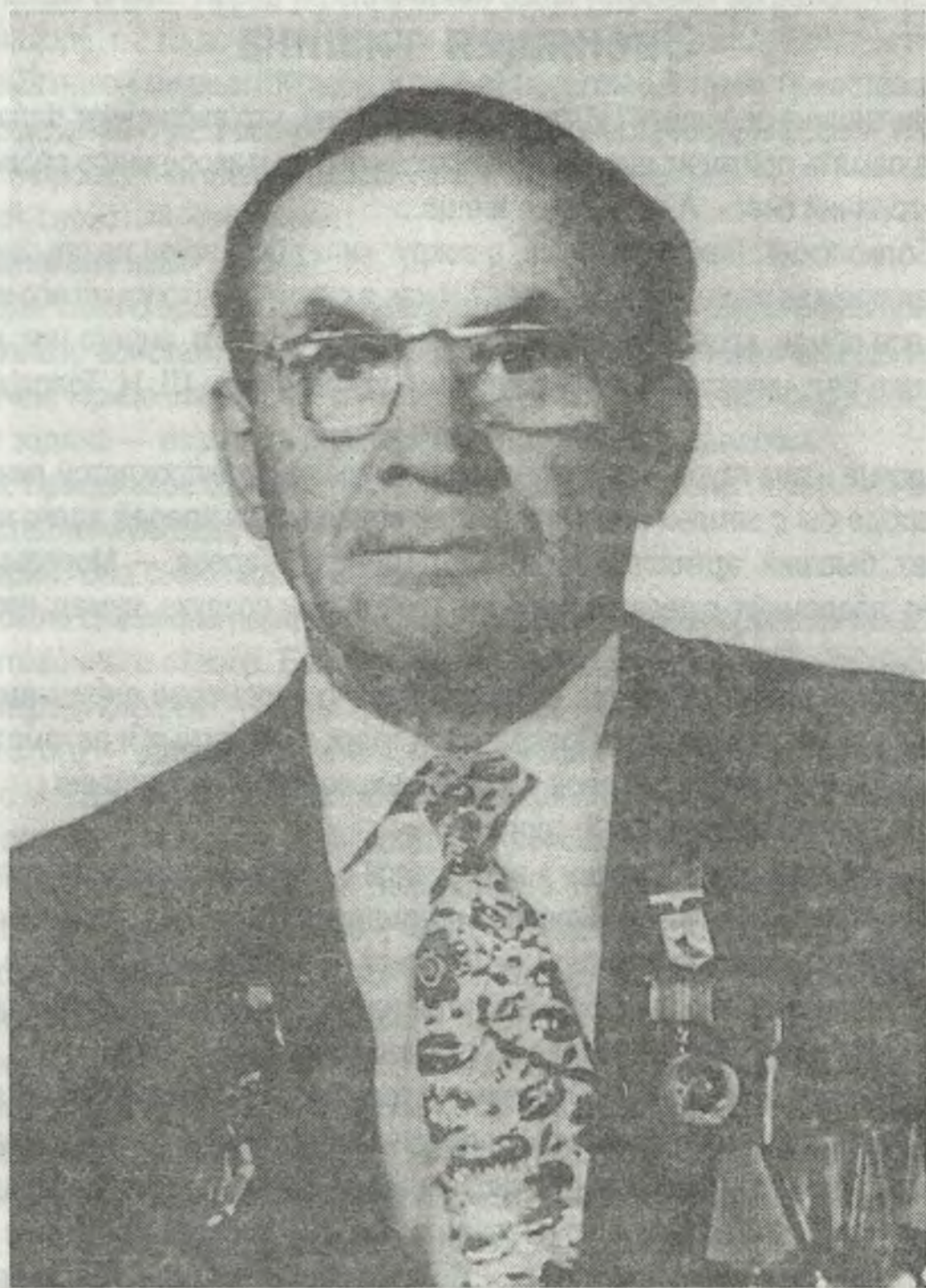
Истинная же история вот она — передо мной. Человек, родившийся 80 лет назад, своими глазами видевший и ощутивший всем существом своим “прелести” невиданного витка истории: две мировые войны и гражданскую войну, утопическую попытку построить самое справедливое человеческое общество. Да утопическую ли? И под занавес — последнее десятилетие, события также неординарные, при которых без объявления войны, при отсутствии якобы войны люди гибнут также, как и на любой войне...

Пути господни неисповедимы. А исповедимы ли пути людские? Если существует бог, то почему он допускает убийство человека человеком? Если есть истина, то почему

вместе с ней одновременно существует ложь? Если есть правда, то почему наряду с ней существует полуправда и неправда?

Услышит ли ясный ответ на эти вопросы бывший минометчик Виктор Николаевич Черепанов?..

Увы, не услышит, Виктор Николаевич Черепанов ушел из жизни в начале февраля 1996 года. То есть, в то время, когда книга готовилась к печати. Вечная ему память!

**Михаил Гареевич
ГАРЕЕВ**

ГЛАВА 2

Звенящая тишина

Бывает ли тишина звенящей? И такой оглушающей, что вибрируют барабанные перепонки? На память приходит еще одно, казалось бы, противоречивое сравнение. Бондаревский «горячий снег». А потом еще и еще...

Андрей Болконский. Лежит раненый, а вокруг кипит бой, но он не слышит его. «Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения». (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

— Два месяца наша гаубичная артиллерия лупила по этой проклятой линии Маннергейма, все вроде бы с землей перемешали, а продвинуться вперед долго не могли, — рассказывает бывший артиллерист Михаил Гареевич Гареев. — Морозы стояли лютые. Я как-то вздремнул с десяток минут на открытом воздухе, думал, что не отогреюсь...

В один из дней марта 1940 года было заключено перемирие с финнами. Смолкли орудия. Перестали падать бомбы. Прекратился треск пулеметных и автоматных очередей. А в ушах стоял неумолчный звон. Оглушительно-звенящая тишина.

Я мысленно добавил: и снег был горячим.

В силу журналистской профессии я встречался с десятками, если не сотнями фронтовиков — участниками войны с Японией и Германией. А вот с участником еще одной войны, о которой мы редко вспоминаем, — Финской — практически впервые. Эта война в некоторой степени была для большинства нашего народа странной, непонятной, загадочной. Но все тайное когда-то становится явным.

Чего мы добились в той войне? Отодвинули границу от Ленинграда. Но какой ценой? Только совсем недавно стали появляться правдивые публикации о той войне, о том, как плохо мы к ней подготовились, о многочисленных жертвах и о том, как сбили с нас великодержавную спесь. Крохотное по сравнению с СССР государство. Три с небольшим миллиона жителей. «Да мы их шапками...» Докидались «шапками». Под конец кампании (так обычно историки именуют Финскую войну) мы вынуждены были перебрасывать воинские части с Дальнего Востока.

Линия Маннергейма — полоса железобетонных и гранитно-земляных военных укреплений. Названа по имени маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма (1867 — 1951). Она была дважды прорвана советскими войсками во время советско-финляндской войны 1939 — 40 гг. и во время Великой Отечественной войны в 1944 году.

Линия состояла из полосы обеспечения (предполья), передовых оборонительных полос, первой (главной), второй (промежуточной) и третьей (тыловой) оборонительных полос и Выборгского укрепленного района. Система обороны линии Маннергейма опиралась на естественные препятствия озерно-лесной и болотистой местности Карельского перешейка. В систему укреплений входили долговременные огневые и дерево-земляные огневые сооружения. Все они взаимодействовали между собой фланговым и косоприцельным огнем. Перед укреплениями были устроены заграждения: до 12 рядов каменных надолб, от 15 до 45 рядов сети проволочных заграждений, противотанковые рвы и система полей минных фугасов. Каждый населенный пункт представлял собой как бы узел укреплений с радиосвязью, запасами горючего, боеприпасов и т. п. Во многих местах были проведены железнодорожные и шоссейные пути.

Такой вот слоистый «пирожок».

А что же имели наши войска?

Танки. Для такого орешка, как линия Маннергейма, им трудно было принести существенную пользу войскам. Как свидетельствует М. Гареев, танки иногда использовали в роли тягачей. Прицепляли к ним сани с взрывчаткой. Прикрываясь броней, позади шли саперы. Их задача — взрывать вражеские доты. Иногда удавалось.

Авиация. Прицельное бомбометание при тогдашнем уровне техники не всегда оправдывало поставленную задачу.

Артиллерия. Она свою задачу выполнила неплохо.

Пехота была снабжена лыжами, на них устанавливались бронешитки с амбразурками для винтовочного ствола. Боец, лежа на лыжах, отталкивался руками и ногами и двигался вперед. Эффект — горы трупов. Наших трупов.

А после этого — долгая и мучительная звенящая тишина. И горячий снег...

Беседа с М. Гареевым прерывается небольшой паузой. Ветеран запомнил какой-то факт. И это неудивительно. Ведь события происходили 55 лет назад. А самому ветерану — 80. Мой взгляд упирается в лежащую на столе московскую газету, где жирно траурным пятном выделяется слово «ЧЕЧНЯ». Час назад я прочитал статью о зверствах дудаевских боевиков и в сотый раз узнал, как издеваются над военнопленными. Одного кастрировали, другого четвертовали, третьего...

— Вот ведь до чего дошло, Михаил Гареевич. Ну, фашистские злодеяния над нашими пленными еще можно как-то понять. Суть фашизма такова. И виновато в первую очередь было наше правительство, которое не присоединилось к Женевской конвенции о военнопленных и бросив их таким образом на произвол судьбы. У Гитлера руки были развязаны... Но как понять подобные зверства, происходящие сегодня? В собственной стране?

Сказал, спросил и подумал, что вопрос в общем-то, как это не дико звучит, банален. А разве гражданская трехлетняя война происходила не в собственной стране? И разве зверства двух противоборствующих сторон не были нормой? А разве борьба с басмачами в 30-х годах в средней Азии — не гражданская война? На ней что, зверств не было? Или война с кулаками...

— Да, да, — очнулся от задумчивости Михаил Гареевич. — Я вот как раз вспомнил...

Лучше бы не вспоминать. Одним словом, был свидетелем жуткой картины. Наш дивизион продвинулся вперед и наткнулись мы в лесу... К деревьям за руки над головами были привязаны около двадцати наших солдат. На телах мы не обнаружили ран. Только вот лица у некоторых были порезаны круговыми движениями финских ножей. Скальпы... Эти люди были заморожены живыми. На любой войне звереют люди.

И мелькнула в моей голове сумбурная, не совсем еще оформившаяся критическая мыслишка в собственный адрес. Ишь, формулировочку вывел. Дескать, «суть фашизма такова». Длинно и вопросительно-утвердительно мусолил тему, которую бывалый человек обозначил одним коротким резюме: «На любой войне звереют люди»...

В жизни М. Г. Гареева было три войны. Та, о которой рассказывалось выше, — вторая. Первая же — освобождение Западной Белоруссии.

В памяти моей сохранился рисунок-плакат, вошедший когда-то во все учебники новейшей истории СССР. Советский солдат-освободитель крепко обнимает освобожденного западного белоруса (украинца). По прошествии многих лет я понял, что дело было не только в «освобождении». Основная причина, конечно, отодвинуть границы. За Бугом уже стояли немцы. Надо было занять «мертвую зону», сделать ее буфером. Только дураку было невдомек, что вот-вот начнется война с Гитлером.

...М. Г. Гареев в 1936 году закончил учебу в Исовском техникуме. Был первый выпуск. Через год ушел на действительную военную службу. Служить начал в Белоруссии в местечке Уречье.

— Как вас встречали западные белорусы?

— Я бы не сказал, что здорово торжественно. Но и эксцессов особых не было. Поляки ушли, не оказывая сопротивления. Одним словом, прогулялись...

Как бы не успокаивали наш народ пактом о ненападении, в воздухе ощущалась тревога. Самоуспокоенности не было. Такие вещи, как предстоящая война, ощущаются людьми также, как приближение грозы, бури, дождя, а животными — неминуемого землетрясения, или извержения вулкана. И объяснить это не сложно, по крайней мере, в отношении человека. Мы ведь частица природы.

Весь период своего существования человечество постоянно ведет борьбу за выживание, а самый распространенный метод борьбы — война, которая, видимо, заложена в человеческих генах. Были войны скоропалительными. И семилетними, и столетними. Они под такими названиями и вошли в историю.

Фатальная неизбежность войн до сих пор довлеет над человечеством. И когда я вновь и вновь наталкиваюсь на горьковское «Человек — это звучит гордо!», то поражаюсь двусмысленности подобного утверждения. Пусть писатель не произнес их напрямую, а вложил их в уста одного из своих героев. Но ведь вложил-то их человек, прошедший жизненные адские «университеты», который делал даже попытку самоубийства будучи разочарованным действительностью. Он, Горький, хорошо знавший ужасы русско-японской, первой мировой, гражданской войн, произнес знаменитую фразу, ставшую афоризмом, но не ставшую истиной. Ему бы пережить еще ужасы Великой Отечественной и дожить до чеченского кошмара... Может быть он изменил бы свое мнение

о «гордом» человеке. Человек зазвучит гордо тогда, когда найдет способ избавиться от войн.

Да самое ли умное существо на Земле — человек? Наличие высокоразвитого мозга — это еще не основание для того, чтобы утверждать, что гомо сапиенс — самое умное существо.

Такие мысли навеял мне Михаил Гареевич Гареев в результате нашей беседы.

Третья война началась для него 22 июня 1941-го, закончилась через два года под Орлом на Курской дуге.

— Был крошечный ад, — рассказывает бывший командир огневого взвода отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона лейтенант М. Г. Гареев. — Наш взвод закрепился на высотке. Налетела стая стервятников с крестами на фюзеляжах. Представьте себе, видел летчика, как вот вас сейчас вижу... Самолеты пикировали, бомбили, поливали нас свинцовыми струями. А нам и деваться некуда. Летят оторванные руки, ноги, головы, кровавые ошметки того, что было одеждой, обувью...

Очнулся я на госпитальной койке. Страшная головная боль и совершеннейшая неподвижность. Полгода лежал недвижим. Потом узнал, что после ранения унесли меня ребята на тягач. Не верили, что выживу. Увезли в госпиталь. Рана? Страшная рана. Вот, могу показать справку.

Потрескавшийся и выцветший документ 52-летней давности бесстрастно свидетельствует. «Лейтенант М. Г. Гареев (перечисляются степени ранений. Подчеркнуто «Тяжело». — Ю. М.). Проникающее ранение черепа с поражением головного мозга и вегетативным расстройством».

— Чтобы удалить осколок, потребовалась долбежка. Убрали часть кости. А вместо нее оставили кожу... И началась череда госпиталей. Сибирь, Урал и др. Комиссовали.

Вернулся в родной Ис. Поработал на гидравлике. В 1958 году приехал в Качканар. Работал в отделе оборудования горно-обогатительного комбината, горным диспетчером на Главном карьере, бригадиром путейцев на том же карьере. Перенес инсульт. И все последние годы засыпал с головной болью. В 1975 году вышел на пенсию.

— Война не красит человека, — подчеркнул ветеран.

— Но по вашему виду этого не скажешь, — не совсем тактично заметил я.

— Не вы первый говорите. Мне — 80. А дают — 60. Секрет? Никакого секрета. Обязательная утренняя физзарядка. Не пью спиртное. Не курю. Работаю по мере сил на даче.

— Ваше отношение к современной жизни в России?

— Я ведь за Советскую власть воевал. Родился при капитализме, а потом большую часть жил при социализме. Умру, вероятно, при диком капитализме. Вот только вопрос, мы что действительно живем при капитализме? Но это же пародия. Я шел в магазин и видел на каждой вещи ценник, постоянный. Это был порядок. А сейчас? Телевидение превращается в божий храм. Зачем насильно навязывать веру? Тот, кто истинно верует, обойдется и без евангельских телечтений!

Вот так кратко Михаил Гареевич определил свое отношение к настоящей жизни в России.

А в глазах немой и вечный вопрос бывалых фронтовиков: за что воевали?

И мы замолчали. И наступила тишина. Звенящая тишина.

А за окном лежал снег. Обычный. Холодный. Потому что было утро. В обед зазвене-ла капель. Сияло солнце. Очередная весна Победы вступала в свои права.

Юношеская
библиотека

Александра Ивановна и Василий Емельянович
ХОРУЖЕНКО

ГЛАВА 3

Судьбы лихолетные

(РАССКАЗЫ О ВАСИЛИИ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЕ
И АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВНЕ ХОРУЖЕНКО)

В МЯСОРУБКЕ ВОЙНЫ

Для одних война началась сразу же с обстрелов, бомбежек, атак и контратак. Это на границах. Те, кто был в тылу, услышав сообщение о начале войны, собирались на организованные или стихийные митинги, шли в военкоматы, записывались добровольцами, других ожидали повестки о мобилизации.

Для деревенского паренька Василия Хоруженко война началась именно с митинга. 19 июня 1941 года он, допризывник, был призван на трехдневные военные сборы, учился стрелять из винтовки, пользоваться противогазом, оказывать первую медицинскую помощь и т. д. То есть надо было сдать нормы на значок ГТО — «Готов к труду и обороне». Уже этот факт говорил, что страна упорно готовилась к войне.

Такой значок после войны имел и я. Но была еще ступенька к нему: БГТО — «Будь готов к труду и обороне». Военное дело серьезно изучалось как до войны, так и после нее.

...Услышав о начале войны, комиссар сборов повел допризывников на митинг, затем — в военкомат, откуда молодежь разошлась и разъехалась по домам. Велели ждать повесток.

Шла война, а сборы продолжались ежемесячно. Василий Емельянович Хоруженко вспоминает: «**Мы так уставали, что даже на вечерки не ходили**».

20 декабря 1941 года 19-летнему Василию Хоруженко вручили повестку. Сборы были недолгими: пара белья, портянки, ложка, продукты на десяток дней. Прощание с родителями и деревней, через которую он вернется лишь через пять лет. А дальше Кустанай, Курган. И учеба, учеба пехотному делу. Бесконечные марш-броски, сон на полу и на земле, рытье окопов, учебные атаки и контратаки.

25 марта 1942 года эшелон тронулся на Запад. Вот и хмурая, затемненная Москва. В небе качаются аэростаты воздушного заграждения. И снова я в путь. Калининская область. Пошли. Услышали первые разрывы бомб и снарядов. Остановились, начали окапываться.

И вновь эшелон. Направление на Тихвин. Бомбежка. Паровоз отцепили и отогнали от эшелона. Солдаты высыпали на землю, начали стрелять по вражеским самолетам из карабинов и пулеметов.

Первые болезненные вскрики, первые убитые и раненые...

Добрались до станции Вишера, разгрузились, подались в лес.

Минометная рота. В каждом взводе по четыре миномета. В расчете пять человек. Миномет разбирается и упаковывается в три вьюка. Ствол — наводчику, двуногий лафет — заряжающему, опорную плиту — первому подносчику. На дорогах месиво из снега и грязи. Укладывали гать из круглого леса. Тяжело доставалось лошадям — часто ломали ноги.

562-му стрелковому полку, входившему в состав Волховского фронта, отдан приказ о наступлении. Придали ему три танка. Поставили на броню по одному 82-мм миномету. Расчеты тоже на броню взобрались.

Пошли вперед быстро, танки маневрировали, пытаюсь ускользнуть от снарядов вражеских пушек. Но вот один из снарядов перебил гусеницу «Т-34». Танк дважды крутанулся вокруг своей оси. Расчет посыпался с брони горохом. Налетела эскадрилья «юнкерсов». Расчеты разбежались по окопам, благо их тут было нарыто немало. **«Мы чувствовали себя так, как будто кто-то давил на нас сверху, — вспоминает Василий Емельянович. — Было желание зарыться еще глубже в окоп. Некоторые «герои» говорят, что человек быстро привыкает к бомбежкам и обстрелам. Потом, дескать, не страшно. Неправда это. Ведь каждый человек хочет жить».**

После прорыва блокады Ленинграда дивизия, в которой служил В. Хоруженко, поредела. Мясорубка войны делала свое черное дело.

Однажды полк пошел в наступление на деревню, занятую нашими бойцами, и окруженную немцами. Сил было маловато. Командир роты приказал сложить минометы в кучу и засыпать их снегом с тем, чтобы налегке идти в атаку. Оставили даже вещмешки и котелки. Взяли с собой только стрелковое оружие да гранаты.

Кольца уже не было. Обнаружили убитых и раненых, подбитый танк. Ушли немцы на другие позиции. Нашлись танкисты, отремонтировавшие танк. Стали отходить. Тут-то пуля снайпера и нашла Василия. Ранило в грудь навывлет. Знакомый солдат помог добраться до медсанбата. Сделали операцию, погрузили в санитарный поезд, следующий до Рыбинска. Разбомбили санитарный поезд. Перегрузили раненых на другой. Поехали в Казань.

Около трех месяцев пролежал Василий на госпитальной койке. Ровно за два года до победы выписали его. Попал в Москву на переформировку.

В. Е. Хоруженко: **«В начале июля 1943 года начал воевать под Курском в составе 7-го механизированного корпуса. Воевали мы на Орловско-Курском направлении до самого Днепра. В ноябре после освобождения Киева наш корпус вышел на пополнение в районе города Нежина Черниговской области. Задача нашего зенитного полка — охранять танки во время наступления, охотиться за немецкими танками, с чем мы неплохо справлялись. Уничтожали и немецкую пехоту».**

Война никогда не изгладится из памяти Василия Емельяновича. Разве забудешь, как на Брянщине из освобожденных деревень высыпала толпа беженцев. В это время налетели «мессеры»... Стоит мальчик, на руках у него ребенок. Рядом тележка со скар-

бом. На земле лежит убитая мать. Выжженные дотла деревни, сиротливо торчащие печные трубы...

После освобождения Нежина корпус встал на переформировку. Он стал именоваться 7-м гвардейским Нежинско-Кузбасским механизированным корпусом, а полк — 288-м гвардейским ЗАП (зенитно-артиллерийский полк).

«Наш корпус возили по фронту для обмана немецких штабов. Побывали в Белоруссии, Прибалтике, на Украине. Когда перешли польскую границу, то корпусу дали задание уничтожить немецкую группировку. Справились с этим успешно».

Как вспоминает Василий Емельянович, за границей сплошного фронта уже не было. Воевали колонна на колонну. Бывало так, что параллельно советской двигалась немецкая колонна с танками. Завязывали бой. Здесь решающую роль играло количество. У кого больше солдат и вооружения, тот и выигрывает.

Начинал войну Василий Емельянович минометчиком, закончил — зенитчиком. Били по вражеским самолетам — охотникам за нашими танками. Это основная задача.

Зенитная артиллерия была полуавтоматической, снабженной 37-мм осколочными и бронебойными трассирующими снарядами. При встрече с немецкими танками отсекали от них десант пехоты. Сбивали, естественно, и самолеты. На счету орудия В. И. Хоруженко пять сбитых вражеских самолетов. Представляли его неоднократно к боевым наградам. Увы, шло наступление, в спешке его терялись наградные документы. Слава богу, не все. Орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» — свидетельство героизма сержанта Хоруженко.

С 1943 года корпус был в составе 1 Украинского фронта. Командовал им Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Петрович Корчагин. Корпус так и назывался — корчагинский. Он форсировал Днепр, Вислу и Одер. Его путь лежал от Великих Лук до Берлина и Праги. При этом освобождено от врага 28 городов, 650 населенных пунктов Калининской, Псковской, Орловской, Брянской, Черниговской, Киевской областей, громили врага на территории Польши, Германии, Чехословакии. Из 17 фашистских знамен, захваченных в боях, 11 в числе других двухсот были брошены к подножию Мавзолея на Параде Победы 24 июня 1945 года. 11 раз были отмечены благодарностями Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Таков далеко не полный путь солдата, дожившего до Победы и до 50-летия ее.

УШЛИ И НЕ ВЕРНУЛИСЬ

Помнится осенью 1988 года мне позвонил ветеран войны и труда Василий Емельянович Хоруженко: «Ты много пишешь на военно-патриотическую тему. Есть, на мой взгляд, интересный материал. Приходи, посмотри. Может быть тебя заинтересует...»

Я пришел, посмотрел. Меня заинтересовало.

...Передо мной потертый, истрепанный по краям и сгибам лист грубой пожелтевшей бумаги. Он разграфлен на пять колонок. На одной из них обозначено: «Кличка лошади, собаки и т. д.». На второй: «Время поступления». На третьей: «№ денника (станка, клетки) в стационаре»...

Только что выйдя из боя и зная о том, что следующий может разгореться с минуты

на минуту, кавалерист Федор Комаров вырвал из первой же попавшей ему на глаза ветеринарной книги чистый лист и начал писать письмо сумбурно и торопливо.

Стояло жаркое лето 1942 года. Федору исполнилось 35 лет. Через год с небольшим он погибнет смертью храбрых.

«Здравствуйте, дорогие родители! В первых строках моего письма спешу сообщить, что я пока жив-здоров, того и вам желаю.

Здравствуйте, сынок Юрик и дочка Неля, жена Галя, сестра, свояченица, племянница. Передайте привет Ивану Степановичу Бухарову и его жене Нюре, деткам и всем родным и знакомым. Письмо писал в саду под яблоней на Украине. Еще спешу сообщить о том, что последнее письмо получил от сестры Шуры (Александра Ивановна Комарова-Хоруженко — Ю. М.).

Только что вошли из боя под Харьковом.

Ну, и за это письмо очень благодарю. Читал его три раза. Спасибо за помощь фронту, за то, что не считаетесь с трудностями и даете нам танки.

Твое письмо, Шура, меня так взволновало, что вся моя усталость отвалилась. На фронте танки, сделанные вашими руками, делают большие чудеса, бьют немцев и давят немецкие танки беспощадно.

Очень много рассказывают эпизодов о качестве наших танков.

Я, Шура, не жалею своих сил и крови для уничтожения фашистов. Но и очень доволен, что вы работаете хорошо на благо защиты нашей Родины, и что вы вступили в партию большевиков. И я думаю, что вы еще крепче возьметесь за перевыполнение планов по выпуску танков на заводе ЧТЗ.

Ну, Шура, еще я сообщаю, что от тебя получил за все время два письма, и от жены два письма, и от Вали четыре письма, и от племянницы Нади одно, и от племянника Пети одно письмо, за которые благодарю вас всех.

Благодарю, Шура, что ты не забываешь моих детей и помогаешь.

Новостей у нас нету. иду в бой.

С приветом Федор Комаров».

В крепкой крестьянской семье Комаровых, жившей в одной из деревень Оренбургского уезда, росло шестеро детей. Разница в годах между ними была ощутима. В 1918 году, когда родился последний ребенок — Егор, старшему Якову исполнилось уже 22 года. Именно по нему, участнику Великой Октябрьской социалистической революции, большевику, организатору и председателю одного из первых колхозов Оренбуржья, и равняли жизнь его братья и единственная сестра.

Нет уже на карте деревни Милеевки, в которой жила семья Комаровых. Одной из первых открыла она мрачный список покинутых деревень, счет которым теперь равен десяткам тысяч... На месте Милеевки раскинулись целинные нивы. Но память о ней, о большевике Якове Ивановиче Комарове жива, хотя ушел он из жизни более полувека назад. Сгорел от туберкулеза, когда ему было 38 лет.

У Шуры Комаровой оставалось еще четыре брата. В тот год, когда не стало Якова, Григорию исполнилось 29 лет, Федору — 27, Ефиму — 20, Егору — 16. А до начала войны оставалось семь лет...

Все братья и четыре их сына (армейское отделение!) в разные годы войны ушли на фронт. Пятеро из восьми не вернулись. Погибли у Шуры все четыре брата и племянник Петр (сын старшего брата Якова).

Ушли и не вернулись. Они были в расцвете сил, было им по 25-35 лет. Все могли бы жить, растить хлеб и детей своих, нянчить внуков и правнуков. Но они ушли защищать Родину, нас, живущих ныне на земле. Ушли и не вернулись.

Но вначале были письма — скромные солдатские треугольнички, складываемые из листов разноформатной бумаги, грубой и жесткой, как пропитанное солдатским потом и кровью серое сукно шинели. И в каждом из них были обязательные слова. «Только что вышел из боя», «Иду в бой». Или, как писал Федор Иванович Комаров: «Новостей у нас нету. Иду в бой». А то, что он только что вышел из боя — это для солдата не новость, а обыденная тяжелая работа. Ограничивается солдат лишь скупой строкой: «Не жалею своих сил и крови для уничтожения фашистов». Он беспокоится о здоровье всех своих родных и знакомых, восхищается тем, что его сестренка Шура шлет фронту танки.

Скромными были русские солдаты. Во все времена. И мы вправе гордиться этой национальной чертой русского воина. Скромность и повседневный героизм всегда были у него неразделимы. Об этом можно судить хотя бы по такому газетному заголовку, который совсем недавно был еще дежурным в прессе, как «Награда нашла героя»... Не герой ищет награду, а наоборот.

У Александры Ивановны Хоруженко хранятся фотографии погибших братьев. Все они в военной форме — до войны в деревнях не фотографировались. Некому было фотографировать и нечем. Война запечатлела их лица, а потом и братские могилы... Одну из них лет десять назад неожиданно обнаружил муж Александры Ивановны — Василий Емельянович, когда ездил на очередную встречу с однополчанами, защищавшими и освободившими Ленинград от вражеской блокады.

...В конце 1941 года в семью Комаровых пришло одно из первых горестных сообщений: «Ваш сын Ефим Иванович пропал без вести...» В семи километрах от Тихвина строители, копая котлован, обнаружили останки двухсот советских воинов. По «смертникам» — капсулам-патрончикам — удалось установить данные некоторых погибших. Был среди них и Ефим Иванович Комаров.

Останки героев перезахоронили, отдали воинские почести, соорудили памятник, выбили на нем фамилии солдат. В краеведческом музее на месте бывшей деревни Астрачи отвели специальный стенд героям. С великим волнением слушал Василий Емельянович о подвигах своего шурина, с которым, оказывается, воевал на одном фронте и который более сорока лет считался без вести пропавшим.

Известна могила и Федора Ивановича Комарова, похороненного в селе Белорутье Смоленской области. Но неизвестны могилы Егора и Григория, племянника Петра...

Беспощадный счет смертям, погибшим близким родственникам, воевавшим за правое дело, открылся для Шуры Комаровой сразу же, как она начала осознавать мир. Уже в раннем детстве она слышала про своего деда Изота, погибшего на русско-турецкой войне, которая была поистине освободительной по отношению к народам балканских стран, страдавшим от турецкого ига.

Прошло с тех пор более века. Много событий мир пережил за это время. Октябрьская революция, гражданская война. Отгремели две мировые. Человек покориł космос. Но по-прежнему гибнут люди. Афганистан, Вильнюс, Тбилиси, Баку, Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия, Чечня... Десять лет назад смертью храбрых пал в Афганистане Константин — сын Нелли Федоровны Комаровой (Пашниной) и внук Федора Ивановича Комарова. Потеряла Нелли Федоровна отца и сына. Жестокая, несправедливая эстафета...

Во время войны горе было всенародным. Но случались и светлые мгновения. Так было и в жизни Александры Ивановны, когда на Челябинский тракторный приезжал танкист — старший лейтенант Михаил Яковлевич Комаров. Второго сына большевика Якова Ивановича Комарова смертельная пуля миновала. Он успешно воевал, дослужился до чина подполковника, награжден многими наградами.

Остались в памяти и светлые радостные дни весны 1945 года, весны победы.

А до этого — долгие дни и ночи, когда она молодая, хрупкая женщина своими руками собирала самое грозное оружие войны — танки.

Как самую ценную реликвию хранит Александра Ивановна комсомольский билет, врученный в 1938 году. В самое тяжелое для страны время стала она коммунистом и высокое это звание пронесла через всю жизнь. И идут к ней письма со всей страны. Пишут дети и внуки, родные и друзья.

На дверях квартиры, где проживают Александра Ивановна и Василий Емельянович Хоруженко, светится красная звездочка — дань уважения живым, тем, кто на фронте и в тылу ковал победу над врагом. Это дань памяти героям, которые ушли на войну и не вернулись.

ГЛАВА 4

Огонь партизанского костра

Привожу текст письма и сознательно не выправляю орфографические, стилистические и другие ошибки с тем, чтобы читатель почувствовал акцент немецкого переводчика и ту эпоху, которая ушла в историю совсем-совсем недавно...

«Здравствуйте, уважаемый друг Виктор Иванович Спирин»

Солдаты, унтерофицеры и офицеры караульной части имени «Фрица Шменкеля» и все чекисты округа Карл-Маркс-Штадта шлют Вам, дорогой Виктор Иванович, сердечный, братский боевой привет.

Получили Ваше письмо под Новым годом, вызвало оно большую радость. 22 февраля по случаю убийства незабываемого партизана, товарища и друга Фрица Шменкеля состоялась в нашей караульной части торжественная линейка. На этой линейке прочитали Ваши сердечные и поощрительные слова всем товарищам караульной части. В память о Фрице Шменкеле мы возложили, по Вашей просьбе и от Вас, живые цветы у бюста Фрица Шменкеля.

Уважаемый Виктор Иванович!

Мы, солдаты караульной части имени Фрица Шменкеля, молодые, но каждый из нас вполне сознает ту большую ответственность, передана нам партией и всем народом. Мы знаем войну только из фильмов, книг и рассказов наших отцов и дедов. Благодаря героической, самоотверженной борьбы тысяч мужественных борцов и коммунистов наше поколение не знает войны — самое большого несчастья человечества. Никто от нас не знает ни голода, ни нищеты, росли все под мирным небом.

Несмотря на это знаем все, какое значение имеет задача, навсегда надежно сохранить мир. Сохранить мир, конкретно для нас значит, каждый миг быть на чеку и дать решительный отпор любому действию врага.

Именно здесь, на передовой линии двух противостоящих мировых систем своими глазами увидим, какими методами и средствами противник попытается помешать строительству социализма, а в конце концов ликвидировать рабоче-крестьянскую власть. Но мы твердо убеждены, что враг никогда не достигнет этой цели!

Именно поэтому мы поняли вашу просьбу, всегда быть бдительным, как нашу обязанность. Мы желаем Вам, дорогой Виктор Иванович, Вашей семье и Вашим внукам самого наилучшего, крепкого здоровья.

С братской любовью и с большим уважением Ваши товарищи из караульной

части имени «Фрица Шменкеля» г. Карл-Маркс-Штадта.

Карл-Маркс-Штадт, 4 апреля 1984 года.»

Можем с горечью констатировать: «товарищи из караульной части имени «Фрица Шменкеля» ошиблись в своей убежденности, «что враг никогда не достигнет этой цели!» Цель достигнута «перестройкой» «первого немца Горби», «демократическими» реформами его последователя и других...

Дело доходило до крайнего унижения советского народа, когда победителям от побежденных шла так называемая гуманитарная помощь...

* * *

Кочегара паровоза Виктора Спирина призвали в армию из Камышлова в 1940 году. Он начал служить на Дальнем Востоке в 69-й стрелковой дивизии наводчиком 45-мм орудия. А на противоположном конце Евразии уже полыхала Вторая мировая война. Немцы подошли к нашим границам. С Дальнего Востока на Запад потянулись воинские эшелоны.

Первое боевое крещение артиллерист Спирин получил ровно через месяц после начала войны — 22 июля. Точный адрес: деревня Крапивня, Батурицкий район, Смоленская область.

Шли жестокие бои. Полыхали советские города и села. Наши отступали, пятились к Москве. Гибли сотни тысяч людей. Многие из них до сих пор остаются неизвестными солдатами. Во вражеском окружении, в кольцах и колечках оказались многие корпуса, дивизии, полки, батальоны, роты...

В одном из таких «колечков» 2 октября 1941 года и оказался Виктор Спирин. Один из всего расчета. С этого времени и начался отсчет его партизанской жизни. Форму бойца Красной Армии он вновь одел лишь весной 1943 года и в качестве командира минометного отделения дошел до Пскова, где получил ранение. Потом воевал в Прибалтике...

На огонь партизанского костра Смоленщины потянулись как местные жители, так и окруженцы. Характерно, что почти каждый пришел с личным оружием — трехлинейками, карабинами. В то время заиметь наш русский безотказный ППШ было чудом.

Как-то разгромили немецкий склад — вооружились до зубов. Автоматы, пистолеты, гранаты, взрывчатка. Все оделись в трофейное обмундирование, так как свое износилось до дыр. На первых порах жители окрестных деревень разбегались, увидев «немецкое» воинство. Чтобы таких недоразумений не было, вопрос решили просто. Едет конный обоз по лесной дороге. На телегах или санях сидят «немцы», а на рукавах у них красные повязки, или красные банты на груди, да еще красный флаг впереди полощется на ветру...

После небольших стычек с немцами началась настоящая партизанская борьба с врагом. Охотились на полицаев, громили немецкие гарнизоны, жгли и рвали мосты. Один из вражеских гарнизонов стоял в большом селе Курганово. Партизан было тридцать человек, немцев в несколько раз больше. Удрали они из Курганово. Пришлось догонять...

Однажды с неба «свалился» корреспондент «Правды» Александр Леонтьевич Земцов. Вообще-то он должен был лететь в другой отряд к западной границе. В последнюю

минуту произошла замена. Его коллега улетел на Запад, но не долетел - самолет разбился. Случайность помогла избежать смерти журналисту Земцову. Он первый и поведал о партизанском отряде, в котором воевали Виктор Спирин и Фриц Шменкель.

Немецкий солдат-артиллерист Фриц Шменкель из идейных соображений дезертировал из действующей армии. В смоленской деревушке, куда он прибил на первых порах после побега от фашистов, его охарактеризовали, как «хорошего». Бывший рабочий и бывший солдат Германии мог паять, лудить, столярничать, разобрать и отремонтировать пулемет.

Хороший-то хороший, но все же немец, проверить его надо, резонно решили партизаны, когда Шменкель оказался в расположении отряда.

— Он лежал в цепи рядом со мной, — вспоминает Виктор Иванович. — Немцы в очередной раз решили разгромить наш отряд. Вот мы увидели первого атакующего. Фриц толкнул меня плечом: «Дай мне карабин». Я поколебался, потом передал ему оружие. Фриц тщательно прицелился, раздался выстрел. Немец упал...

Фриц Шменкель воевал доблестно, выполнял специальные задания нашего командования. В 1944 году немцы схватили его и казнили. На второй родине в России, за которую он воевал, и на земле Германии, где он родился, стоят памятники Герою Советского Союза Фрицу Шменкелю.

...После войны Виктор Иванович работал машинистом паровоза, в 1963-м, приехав в Качканар, работал на горно-обогатительном комбинате также машинистом локомотива. В 1976 году вышел на пенсию, но еще поработал немало лет.

Три дочери, трое внуков — таков семейный капитал у Виктора Ивановича и его жены Марии Александровны.

— Женился я рано. 17 лет мне было. А Маше — 15. Не расписали нас тогда. А потом вроде необходимости не было. Появились дети, а бухгалтерия из месяца в месяц, из года в год аккуратно высчитывала с меня процент за бездетность... В 1952 году все же решили оформить брак по закону.

— Во время войны Вы не дошли до Германии. А после войны побывали там трижды. Это связано...

— С моим другом, товарищем по оружию Фрицем Шменкелем. А началось с неожиданности. Как-то вызвали меня в КГБ в Свердловск. Ну, думаю, кранты. Я ведь у них раз семь побывал еще во время войны после того, как мы, партизаны, соединились с регулярными войсками. Дескать, немецкую форму носил, немецким оружием пользовался, значит... А что может значить, если ничего другого не оставалось. Это упрощенно. Дело, конечно, в другом. СМЕРШ работал на совесть. Ведь немало было и провокаторов. И говорят мне в Свердловске, что из Калинина пришел запрос, знаю ли я бывшего старосту Петухова из деревни Шкорино. Знал, отвечаю. Шесть полицаев мы там схватили, а староста скрылся. Одним словом, искали предателя по всей России. И все же нашли...

Ну, а дальше — больше. Фрица Шменкеля, дескать, знал? Как же мне не знать, друзьями были. Оказывается, восточные немцы запрос обо мне сделали. Вот и побывал в качестве гостя трижды в ГДР — в 1972-м, в 81-м, и в 85-м.

— А кто дорогу оплачивал?

— В первый раз помог директор комбината Е. А. Кандель. Помню, дал он команду выписать мне на поездку 200 рублей. Его зам по финансам наложил резолюцию: «Оплатить 150 рублей»... И за это спасибо. В общем-то выкручивался.

* * *

Набираю номер телефона В. И. Спирина. В ответ — длинные гудки. Набираю еще раз... Хочу положить трубку, но слышу глуховатый голос:

— Спирин.

Представляюсь.

— Виктор Иванович, надо бы встретиться.

— Где?

— Предположим в совете ветеранов или в редакции «Руды»...

— Рад бы. Но не могу. В 1996-й год я вступил без ноги...

Я теряюсь, сконфуженно молчу, извиняюсь.

— Я приду к Вам домой.

— Жду.

Поднимаюсь на четвертый этаж одного из домов четвертого микрорайона. Нажимаю на кнопку звонка. Дверь открывается не сразу. Встречает меня Мария Александровна. В комнате на инвалидной коляске — Виктор Иванович. Левая нога ампутирована выше колена несколько месяцев назад. Сужение сосудов... Когда разговорились, то поведал мне Виктор Иванович историю 55-летней давности.

— Ногами-то я мучился с самой молодости. Когда в 41-м, оказавшись в кольце, и когда мы только-только начали организовывать партизанский отряд, я свалился — отказались ноги ходить. Постоянно ведь в сырости — дожди, хлябь, болота, грязь... Ребята ушли вперед, а меня оставили у надежных людей. Лечили они меня отваром сенной трухи. Поправился быстро, молод был. Аукнулась моя фронтовая и партизанская одиссея на всю оставшуюся жизнь — постоянно болели ноги. И вот — финиш... Теперь мы с супругой равны.

Оказалось, что у Марии Александровны вместо левой ноги — протез. Давно уже, с молодости. Тоже следствие простуды.

Мне стало ясно, почему в квартире Спириных долго не берется телефонная трубка и также долго не открывается входная дверь...

Стол в квартире «благодаря» моему визиту завален фотоальбомами, письмами, книгами, наградами. Перебираю их. «За отвагу». «За боевые заслуги». «Партизану Отечественной войны» II степени. «За победу над Германией». Медаль «Артура Беккера» — награда правительства ГДР. Еще одна награда, в просторечии ее называют «Семь касок» — по числу семи государств — участников Варшавского Договора. Различные памятные знаки, в том числе значок «Германо-советская дружба».

Из каждой поездки в ГДР Виктор Иванович привозил фотоальбомы. Весомые, красиво оформленные. Надписи под каждой фотографией. Где по-русски, где по-немецки.

В Карл-Маркс-Штадте (сейчас город переименовали в старое название — Хейниц) стоит памятник Фрицу Шменкелю, у подножия которого всегда лежали живые цветы. Если бы герой был жив, то радовался бы своим трем детям и четырнадцати внукам.

Прибывая в ГДР, Виктор Иванович жил в семье Шменкеля, в частности его сына Ганса — майора, пограничника. Там, в Германии, встречался он и с правдистом А. Л. Земцовым.

— Что с ними стало сейчас, предположить даже трудно. Там ведь тоже «перестройка». А Ганс был коммунистом. Боюсь, что и памятник его отцу уничтожат.

— Германия — не Россия, — пытаюсь я успокоить Виктора Ивановича. — Новое поколение немцев быстро и хорошо усвоило истину, что историю переписывать опасно. Думается, и памятники Карлу Марксу и памятники Фрицу Шменкелю будут стоять там века.

И оба мы в один момент подумали о печальной участи памятника нашему земляку-герою Николаю Ивановичу Кузнецову. Ладно хоть позволили перевезти его из Львова в Талицу, хорошо, что не разрушили...

Вновь возвращаемся к партизанской эпопее Спирина. У Владимира Ивановича завидная память. Без запинки называет фамилии десятков своих друзей. Причем так, как называл их более пятидесяти лет назад. Ваня, Паша, Гриша...

— Командовал нами бывший танкист сержант Иван Константинович Просандеев. Лихой был мужик. Как-то раз выбивали мы гарнизон из деревни Комары. Большой гарнизон. У нас к этому времени пулеметы Дегтярева появились. Вынесли окруженцы. Вот мы «дегтярями» и пополоסקали фашистов...

И так эпизод за эпизодом.

— Да о вас об одном только можно книгу написать.

— Земцов обещал написать книгу о нашем отряде. Что-то помешало ему. Да и в живых-то его уже нет.

Но об отряде этом все же написано немало. Есть книги на белорусском языке, на немецком. Имена Спирина и Шменкеля рядом. Беру вырезку из немецкой газеты. Спирин, Шменкель, их товарищи по оружию...

Резкий переход в наше время.

— На костылях ходите?

— Боюсь. Силенок маловато осталось.

— Но ведь четвертый этаж. Скоро весна, лето. Свежего воздуха глотнуть захочется. Вам бы сменить квартиру на первый этаж.

— Кто же пойдет на такой обмен? — вздыхает Виктор Иванович.

И опять напоминания. Мария Александровна:

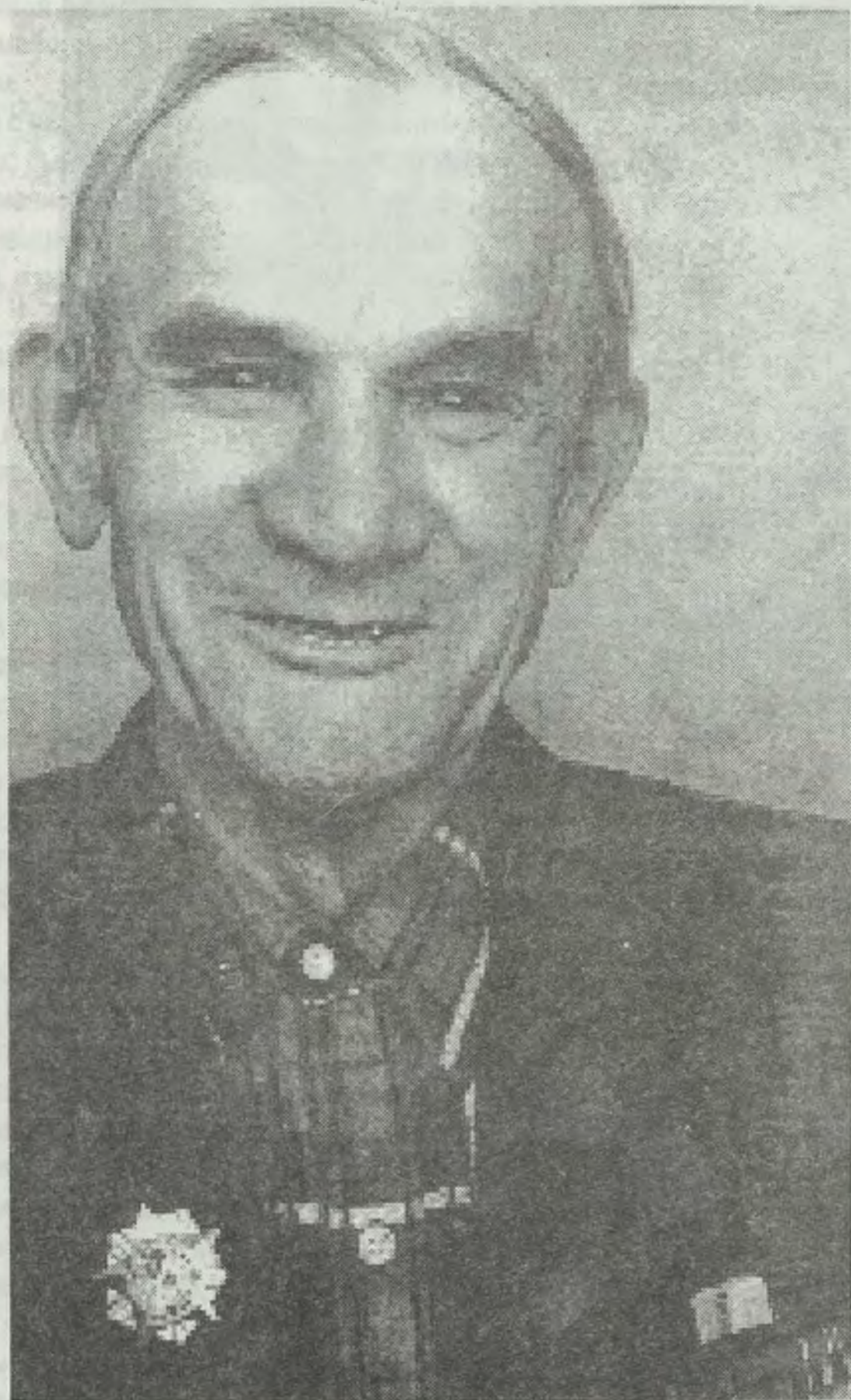
— Звонить если будете, так сразу трубку не ложите. Нам ведь до телефона-то еще добраться надо...

Иду домой. У угла какого-то дома ребяташки жгут бумагу. Костер. Я же вижу другой. На Смоленщине, в густом лесу. Вокруг костра обросшие бородами люди. Тускло мерцают на стволах автоматов, пулеметов, трехлинеек отсветы костра. Партизаны...

1972 год. Карл-Маркс-Штадт.

Крайний слева — В. И. Спирин. Крайний справа — А. Л. Земцов.

**Виктор Васильевич
КЛЕЩЁНОК**

ГЛАВА 5

В тринадцать мальчишеских лет

В одном из очерков я уже упоминал, как в пору моего детства через нашу деревню гнали колонны пленных немцев. На обочинах улицы молча и сурово, глядя на внушительную колонну, стояли вдовы, осиротевшие дети, как местные, так и ленинградские (в селе был детский дом для эвакуированных детей). Недалеко от меня стоял дядя с непривычной для местного слуха фамилией Забелло, со странно бегающими глазами, постоянно дергающейся головой, сильно заикающийся. Когда я случайно взглянул в его глаза, то невольно отшатнулся: я увидел в них такую ненависть, что мурашки прошли по телу.

«Дядей» он был только для таких, как я. Для взрослых же — просто Миша. Жестоко контуженный и израненный парень, механик МТС, приехавший недавно из освобожденной Белоруссии. Постепенно от излечился от контузий и ранений.

В 1951 году я уехал из Русской Течи и побывал там только через 30 лет. Дядя Миша по-прежнему трудился механиком. На пару дней я остановился у него. Пытался расспрашивать о войне. Он отмалчивался. Как в 45-м, как 51-м, так и в 81-м годах. Его глаза, пронзенные мучительной болью, скорбью и тоской, с мольбой смотрели на меня: не надо, не тревожь душу, не могу, не буди воспоминания! Не буди!

И вот через полвека после войны я встретился с другими белорусом — Виктором Васильевичем Клещёнком. И опять увидел глаза дяди Миши...

«Если бы не предстоящий великий юбилей Победы, то едва ли бы я стал рассказывать о пережитом. Слишком тяжело вспоминать». И Виктор Васильевич рассказывал со слезами на глазах. Потому, что его глаза были свидетелями того, как мучили, расстреливали, сжигали живьем, вешали, угоняли, как скот, в Германию сотни его односельчан, товарищей, родных. Только из его близкой родни лишились жизни около двадцати человек. Мать, отец, сестры, братья, тети...

Увидев на груди Виктора Васильевича боевые награды за участие в Великой Отечественной войне, и узнав год его рождения, наверняка многие переспрашивали, с какого он года рождения. И если он отвечал, что с 1928-го, то думали: или шутит, или тут что-то не так... А Виктору было не до шуток, когда летом 1941 года его 13-летнего мальчонку «приголубил» прикладом автомата по голове один из хозяев «нового порядка». Случилось это в деревне Малый Вязок Крупского района Минской области. То есть там, где родился он 7 ноября 1928 года, где окончил начальную школу, где косил сено, пас коров, работал в колхозе, купался в речушке Можя.

Гитлеровцы, развивая блицкриг, в первые дни на оккупированной земле Белоруссии хотя и провозгласили «новый порядок», но оставили практически все по-прежнему.

Правда, колхозы переименовали в общины, скот перераспределили по домам, обложили данью каждую семью. Не ленись, работай до пота на великий рейх, и тебе воздастся по заслугам... Никак не предполагали немцы, что буквально в считанные дни и недели земля Белой Руси запылает под их ногами сокрушающим партизанским огнем.

...Мост через речку разбили. Пришлось немцам обходную дорогу искать. А кругом болота, луга заливные: вязнет техника. Выгоняли всю деревню. И старый, и малый толкали машины по топкому бездорожью. А Виктор спрятался. Нашли. Вот и получил прикладом, через искры из глаз воочию ощутил «новый порядок».

Все чаще и чаще стало слышно про партизан и их дела. Где-то скромные — гитлеровский мотоциклист на mine подорвался. Где-то огушительные, сенсационные — целый воинский эшелон под откос полетел.

Отца Виктора — Василия Емельяновича — фашисты первый раз арестовали в 1942 году. За связь с партизанами. Но не доказали, отпустили. Когда в семье из десяти детей родился последышек Виктор, отцу его было 56 лет. Крепкий корень! Когда его гитлеровцы убили в газовой душегубке в 1944 году, ему было уже 72. Доказали все же связь с партизанами. Жену его, мать-героиню Арину Томашевну, расстреляли в начале того же года. Полицаи схватили, когда она несла передачу мужу... Чудом спасся от ареста старший брат Федос. Убежал к партизанам. Позднее погиб под Кенигсбергом.

У отца Виктора было две сестры. Одна из них — Татьяна Емельяновна Дутко жила в деревне Сомры. Муж, пятеро детей. За связь с партизанами сожгли деревню со всеми ее жителями...

В деревне Новая Слобода жила вторая сестра — Екатерина Емельяновна Сухаренко. В живых остался лишь старший сын...

Колокола Хатыни можно устанавливать в каждой деревне Белой Руси.

Видение жуткого кровавого столба будет преследовать Виктора Васильевича до последних мгновений его жизни. Огромная яма. В несколько рядов уложены изуродованные человеческие тела. Тяжелый дух испарений, обволакивающий деревянный столб на краю могилы. Мерцающий кровью столб...

Наука ненависти. Такую науку нельзя изучать теоретически. Она постигается лишь практикой. Ненависть и мщение не антиподы. Это родственные понятия — одно порождает другое. В свои 13 мальчишеских лет науку ненависти Витя Клещенок постиг в мгновение. «Дайте мне автомат, буду крушить и крушить гадов!» Но автомат ему сразу не дали. Мальчишка был сначала разведчиком. Фиксировал в своей памяти наличие вражеских гарнизонов в деревнях, техники, складов... Передавал разведданные через связных в партизанский отряд. Полноправным же членом партизанского Шестаковского (по фамилии командира) отряда официально был с 10 февраля по 27 июля 1944 года. В то время ему не было еще и шестнадцати. Именно в конце июля партизанские соединения завершили героический рейд у старой границы с Западной Белоруссией, где партизаны были обмундированы в форму бойцов Красной Армии.

«Уважаемый Виктор Васильевич! Комиссия по делам бывших партизан и подпольщиков при Могилевском райисполкоме республики Беларусь возвращает Вам удостоверение партизана Белоруссии № 448148 и высылает памятный знак «Партизан Белорус-

сии». Этот документ был получен Виктором Васильевичем через 46 лет после окончания войны. Первую же, самую ценную награду — медаль «Партизану Отечественной войны» II степени — он получил в 46-м. В лихолетье первых послевоенных лет награда потерялась, но удостоверение сохранилось.

Для справки: «За доблесть и мужество в борьбе с врагами Родины свыше 100 тысяч белорусов-партизан награждены орденами и медалями. 221 белорус удостоен высокого звания Героя Советского Союза». (Большая Советская Энциклопедия).

Первые послевоенные годы были действительно лихолетьем, хождением по мукам. Вернулся в свой Малый Вязок. А там ни родных, ни кола, ни двора — сплошное пепелище. Постепенно восстанавливали колхоз. Пахали на коровах, сеяли просо. А потом Новоборисов на Березине. Школа фабрично-заводского обучения. Бродяжничество. Опоздал на работу — три месяца лесоповала. Армия. Дембель в 1951 году. Казахстан. Работа на паровозах, тепловозах, электровозах. В 1965 году сестра Виктора Екатерина, живущая на Ису (умерла в 1983 году), пригласила его на Урал. В Валериановске устроился в локомотивное депо. Сменил несколько профессий. Много лет проработал слесарем-аккумуляторщиком. Товарищи очень уважали трудолюбивого рабочего, называли его мастером — золотые руки. На пенсию вышел в 1983 году.

И если молодость Виктора Васильевича связана была с лишениями, с невероятными трудностями, то старость все же наградила его счастливыми мгновениями. Так по крайней мере считают они с супругой Галиной Афанасьевной. Трое детей, семеро внуков, четверо правнуков.

И все же, все же... Вспоминает он часто свой Малый Вязок. Он уже за границей... По мнению Клещенко беловежский сговор является историческим нонсенсом, недоразумением, недомыслием. Мы, белорусы, не мыслим себя в отрыве от России. Мы — одно целое. И резать нас на отдельные части — значит, резать по живому. Справедливость все равно восторжествует, таково его мнение.

Наша беседа проходила в январе 1995 года. А эти строки я пишу в январе 96-го. С тех пор в мире многое изменилось и в то же время отдельные события происходят в том же ритме, что и год назад. Имею в виду войну в Чечне. Год назад никто не мог предположить, что она превратится в большую, длительную войну с невыносимыми жертвами, затратами, постоянным физическим и моральным напряжением сотен тысяч людей. «Войну ненавижу. Мы воевали с жестоким, коварным врагом. Наша война была справедливой, народной, отечественной. А как назвать эту войну? Это позор для России — воевать против собственного народа»...

Эти с мольбой смотрящие глаза. В них и ненависть, и скорбь, и горе, и тоска. Глаза Михаила Петровича Забелло. Глаза Виктора Васильевича Клещенко. Глаза еще живущих вдов Великой Отечественной. И глаза вдов, матерей, детей времен Афгана и Чечни, Абхазии и Приднестровья, Таджикистана и Нагорного Карабаха... И чередой плывущие над головами «Черные тюльпаны». И кровавые столбы в памяти прошлой и в памяти настоящей. И звучит нескончаемый скорбный реквием по невинно убиенным, по искалеченным физически и нравственно. И льется, льется кровь. Молох войны по-прежнему перемалывает людские судьбы...

Анна Денисовна
ЛАРИОНОВА

ГЛАВА 6

Эта обыкновенная необыкновенная женщина

Обычная пожилая женщина. Я часто ее вижу, совершающую утренние и вечерние прогулки на свежем воздухе. Иногда гуляет она в одиночестве, а больше — в компании подруг. Они часто останавливаются, о чем-то обстоятельно беседуют. Догадаться, впрочем, не сложно. Беседуют о нашем смутном времени, чуть-чуть пытаются заглянуть в туманную даль будущего, и, конечно же, вспоминают прошлое. И вспоминая эти бесконечны...

Мудрые люди, за плечами которых по семь десятков и более лет прожитой жизни, они помнят коллективизацию, индустриализацию. До войны кто-то из их поколения уже работал, заканчивал школу, или начинал учиться в вузе. Потом грянула война переиначившая, исковеркавшая и перемоловшая судьбы миллионов.

Обычная женщина гуляет с подругой. Зовут ее Анна Денисовна Ларионова (в девичестве Куимова). Полвека назад Аня Куимова также «прогуливалась» по почти очищенному от противника венгерскому городу Секешфехервару со своей подругой-однополчанкой Машей. Они тоже беседовали. Разумеется, о счастливой жизни после Победы. А она была не за горами.

У Ани ослабла резинка на чулке. Отстав на полшага от Маши, Аня наклонилась и услышала характерное «ч-чок». И так, не разгибаясь, с ужасом глядела, как, раскинув руки, Маша медленно падала на обагренную кровью мостовую...

Рассказывая о фронтовиках, журналисты, как правило, не преминут упомянуть о боевых наградах героев. И это правильно. Ибо иной боевой орденом или медалью расскажут порою больше, чем сам герой. Потому что герои в основном скромны. Не каждого «разговоришь». О наградах же другого свойства мы часто забываем. А они ценились фронтовиками не меньше, чем ордена и медали. Имеются в виду Благодарности Верховного Главнокомандующего, или благодарственные письма командиров воинских частей отличившимся воинам.

Эти документы очень подробно повествуют о боевом пути воинов, перечисляются освобожденные города и местности. Для наглядности приведу два таких документа со значительными сокращениями.

«Сержант Куимова Анна Денисовна! Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина вашему соединению и Вам, принимавшей участие в боях, объявлена благодарность:

1. За овладение столицей Югославии — городом Белград.
2. За прорыв обороны немцев на Западном берегу Дуная...
3. За прорыв сильно укрепленной обороны противника юго-западнее Будапешта.
4. За разгром окруженной группировки противника в Будапеште.
5. За отражение атак одиннадцати танковых дивизий немцев юго-западнее Будапешта и овладения городами (перечисляются названия пяти городов)...
6. За освобождение (перечисляются города)...
7. За овладение (перечисляются города)...
8. За освобождение центра нефтяной промышленности Венгрии — города Надвакниже.
9. За овладение крупными промышленными городами Австрии (перечисляются города)...
10. За овладение столицей Австрии — городом Вена».

Боевой путь механика телеграфиста сержанта Анны Куимовой подтверждается и благодарственным письмом командира воинской части 36637 генерал-лейтенанта Толстикова.

«В этой исторической битве ты с честью выполнила свой долг воина Красной Армии. В составе войск 3-го Украинского фронта ты прошла славный боевой путь от Дона и Сталинграда до Вены и Австрийских Альп. Ты участвовала в боях за освобождение родной Украины и Молдавии. Ты помогла народам Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии сбросить позорное фашистское ярмо. Ты возвращаешься на родину, в свою родную семью, чтобы включиться в мирное строительство. Свято храни боевые традиции своей части, закрепи и приумножь их в мирном созидательном труде...»

Вот вам и «обычная пожилая женщина». Не так уж и много в нашем городе таких обычных необычных женщин. Низкий поклон им!

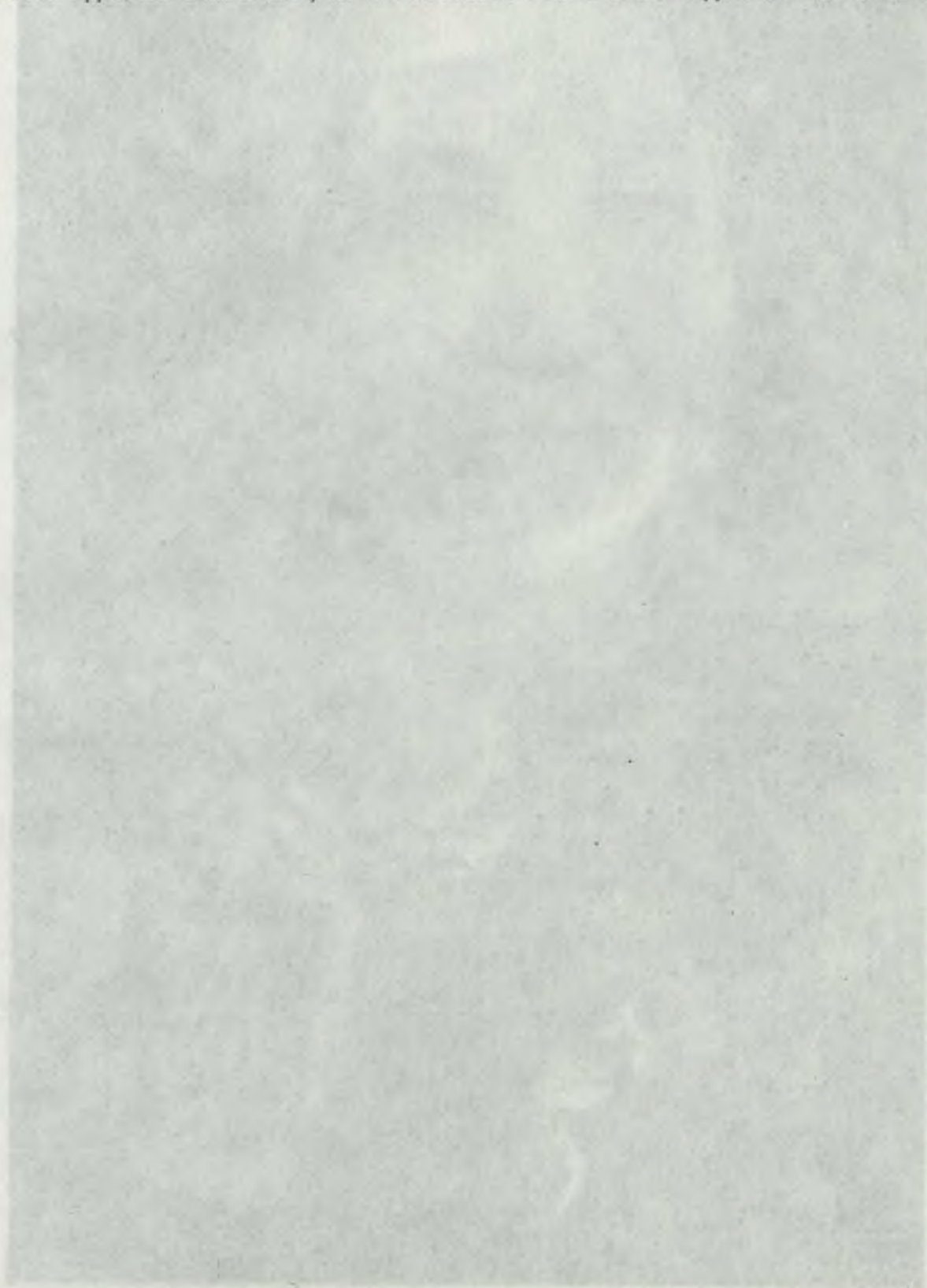
Мирная жизнь Анны Денисовны Ларионовой связана с одной из самых благородных профессий на земле. Она — учитель. Много лет проработала директором школы в одном из городов Сибири. Потом судьба забросила ее с мужем Ефимом Ульяновичем (тоже участник войны, умер несколько лет назад) в Качканар.

Случилось редкое совпадение. Сын Виталий учился в техническом вузе, а дочь Татьяна — в педагогическом. И оба получили распределение в Качканар. Как же родителям за ними не поехать? Татьяна Ефимовна в 1982 году уехала на родину к мужу в Анапу. А Виталий Ефимович так здесь и прижился.

Передо мной номер областной молодежной газеты «На смену!» за 29 октября 1983 года, посвященный 65-летию комсомола. Добрая доля материалов рассказывает об орденоносной комсомолки Качканара. На первой полосе красуется фотография восьми молодых парней и девчат. Это — комсомольско-молодежный коллектив смены № 4 участка шихтоподготовки. Среди них — и Виталий Ларионов. Он по-прежнему работает на комбинате.

Анна Денисовна свято верила в коммунизм, была пропагандистом, агитатором, принимает посильное участие в военно-патриотическом воспитании молодежи. В качестве штатного корреспондента нередко выступала в местной прессе.

Да разве все перечислишь! У таких бескорыстных, честных тружениц была своя жизнь, свои идеалы. Они знали, за что воевали. И они своим идеалам не изменяют никогда.

УТВЕРЖДЕНО
АВТОРИТЕТНО

Устинья Семеновна
МОТУЗОВА

**Иван Ефимович
МОТУЗОВ**

ГЛАВА 7

Иного не было пути

Ивана Ефимовича Мотузова я знаю с 1964 года. В 1965 году мы сидели с ним за одной партой в 11 классе Качканарской школы рабочей молодежи. В моем архиве сохранилась выпускная фотография. На ней 40 человек: 35 — ученики, 5 — учителя. Все молодые, красивые. Ивану Ефимовичу в то время было 42 года и он, несомненно, был самым уважаемым среди нас. Потому, что был единственным участником войны, кавалером ордена Отечественной войны.

Жизнь Ивана Ефимовича Мотузова была нелегкой, как, впрочем, и у всего его поколения. Но были и счастливые мгновения, минуты, часы и даже годы.

В череде этих редких мгновений запомнился особо год 1977. Работал он тогда машинистом-инструктором тепловоза в железнодорожном цехе горно-обогатительного комбината. И вот профком вручил ему путевку в санаторий «Редант», что в Северной Осетии. И перед поездкой, и в пути сильно волновался Иван Ефимович. Ведь где-то там на Кавказе жил его однополчанин Гургок Ачерович Гуриев. Они расстались в год Победы над Германией. Гургок, или Гриша, как звали его в полку, уехал в родной Алагир, а Иван Ефимович пока еще продолжал службу. Прошло с тех пор 32 года и однополчане ничего не знали друг о друге, хотя и пытался Мотузов навести о нем справки.

В поездку прихватил Иван Ефимович несколько семейных фотографий, а также снимок военных лет, на котором запечатлены его друзья-радисты. Крайним слева в их ряду стоял старшина Гуриев. «Всю Осетию с фотографией обойду, а найду Гришу», — думал Иван Ефимович... Но ему не пришлось стучаться в дома, отыскивая след потерянного друга. На третий день пребывания в санатории он познакомился с председателем Алагирского горисполкома А. О. Урумовым. Он-то и узнал на снимке своего земляка Гуриева. И не только узнал, но и точный адрес назвал. В тот же день из «Реданта» ушла в Алагир телеграмма.

...Был поздний вечер, когда в дом на улице Коста принесли телеграмму. Гургок Ачерович так разволновался, что не спал всю ночь. Едва рассвело, старый солдат выехал в Орджоникидзе.

Их встреча была трогательной. Ведь не виделись более трех десятков лет. Они справлялись о семьях друг друга, о детях. Смеялись весело и радостно, когда узнали, что у Ивана Ефимовича две дочери и сын, а у Гургока Ачеровича — один сын и четыре дочери.

Они вспомнили гибель друзей, беспощадные бомбежки и обстрелы, разграбленные города и сожженные села, братские могилы и изувеченные тела раненых. А потому Иван

Ефимович, вздыхая, говорил: «Да, ну ее, войну! Чтобы ее больше никогда не было! Давай говорить о мире».

Разве могли предположить ветераны Великой Отечественной, что на земле Кавказа, где они встретились в 1977 году, меньше чем через два десятилетия польется кровь, начнется братоубийственная война. Да такое в страшном сне не могло присниться ветеранам...

В Качканаре Иван Ефимович Мотузов — личность хорошо известная многим. Коммунистом он стал на фронте. По своим убеждениям остался им и сейчас. Неоднократно избирали его секретарем парторганизации железнодорожного цеха. Случай не частый, когда во главе крупной парторганизации стоял рабочий человек. В разные годы он был членом парткома комбината и членом горкома партии. Был много лет одним из руководителей городской и комбинатской ветеранской организации. Он и сейчас член городского Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил. Он обладатель Почетного жетона правления Советского Фонда мира. Удостоверение под № 3521 подписано Борисом Полевым. Кстати сказать, такой награды в Качканаре первым удостоен Иван Ефимович.

Отметим и тот факт, что И. Е. Мотузов награжден такими высокими наградами, как ордена Знак Почета и Октябрьской революции.

...Сначала ушли на фронт старшие братья. Затем настала его очередь. На небольшой железнодорожной станции остались мать и отец, вырастившие семерых детей. Осталась и любимая девушка, которая в шестнадцать лет ушла добровольцем на фронт. Боевые пути их шли рядом, но никак не пересекались. Они пересеклись только после войны.

Устинья Семеновна Мотузова служила в военно-восстановительном поезде, который шел в населенные пункты вслед за частями Красной Армии, за будущим мужем. Восстанавливали разрушенное врагом железнодорожное хозяйство — пути, станции, водокачки, паровозы, частенько бывали и на передовой. Видела бомбежки и обстрелы, была прямым свидетелем героизма советских людей.

Путь же Ивана Ефимовича проходил в боях под Ржевом, Витебском, Ригой, Шауляем, Тильзитом и Кенигсбергом.

В одном из газетных материалов Иван Ефимович писал: «И каждая победа вселяла в нас боевой дух, жажду поскорее завершить войну. Трудно приходилось советскому солдату в те грозные годы: на ходу учились тактике боя, на ходу перевооружались. Все было на ходу, а иного пути не было: надо было громить врага».

Да, у этого героического поколения иного пути не было: выстоять и победить!

Иван Ефимович Мотузов ушел из жизни. Вечная память!

**Галина Андреевна
СОКОЛОВА**

**Борис Петрович
СОКОЛОВ**

ГЛАВА 8

Я с милым познакомилась в Берлине...

О них можно сложить песню. И первыми строками ее были бы: я с милым познакомилась в Берлине...

Речь идет о супружеской паре **Соколовых** — Галине Андреевне и Борисе Петровиче.

Бориса Петровича лично знаю лучше. Работали даже когда-то в одном цехе. Много доброго слышал, а также читал в местных газетах и о Галине Андреевне. Иногда я вижу, как они прогуливаются по вечерам. Живем-то в одном доме, в соседних подъездах.

Просматривая анкеты ветеранов войны, я неожиданно для себя заметил, как много общего в судьбах этих супругов. Для обоих война начиналась буквально с первых дней. Оба старшие лейтенанты. Оба имеют одинаковые фронтовые награды — ордена Красной Звезды и Отечественной войны, серебряные медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Бывалые фронтовики рассказывают, что порою один день войны казался то мигом, то целой прожитой жизнью. В зависимости от обстоятельств. Это только со стороны может показаться, что один день войны, как две капли воды, похож на другой. Время мучительно долго тянется при отступлении, в обороне, в окружении, в ожидании наступления. И оно стремительно сжимается в порывах атак, наступления. Тот, кто прошел войну от начала до конца, хорошо знает цену этим скачкам времени. Потому что им пришлось испытать в полной мере и горечь отступления и радость побед.

Для сибирской девушки Галины Новгородцевой только что окончившей медицинский техникум и сразу попавшей в пекло войны, эти временные моменты стали нормой, а фронтовая жизнь открылась перед ней с первых минут, как жестокая, безжалостная, коверкающая людские жизни реальность. Все наивные представления о белостенных медсанбатах, ярком свете, белизне простыней и бинтов, стерильности, чистоте, красном кресте, защищающем раненых от обстрелов и бомбежек, остались в прошлом, в книжном, как красивая сказка.

Она воевала в прославленной 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Путь ее был долог, как с Запада на Восток, так и с Востока на Запад. Брянские леса, Пинские болота, горящий Смоленск, разрушенный до основания Сталинград, Восточная Европа, Германия...

Сотни, тысячи раненых на этом пути. В землянках, в блиндажах, а то и в окопах, оказывали военные медики первую помощь раненым, при свете коптилок, аккумуляторных лампочек оперировали изувеченных людей. Многие фронтовики обязаны за спасенные жизни операционной сестре Галине Новгородцевой, хирургу Софье Варшавской, командиру медсанбата Аббе Кнобелю...

Таков же ратный путь и артиллериста Бориса Соколова. Защищал Москву, испытал на себе ад Орловско-Курской дуги, дошел до Берлина.

Жизнь продолжалась. Здесь, в поверженном Берлине, надо было налаживать новые отношения со вчерашним врагом, помогать восстанавливать город. Жизнь подчинялась по-прежнему строгому армейскому распорядку. Но она была уже мирной. Можно было сходить в кинотеатр, прогуляться по улицам, побывать на танцах. Именно под звуки какого-то полузабытого вальса в Доме офицеров и познакомились Галина и Борис. Потом была свадьба в окружении друзей-однополчан. И вот уже добрую половину века живут они душа в душу.

Вернулись на родину лишь в 50 году с дочкой Аллой. Потом появилась Люба. Потом внуки...

Жизнь прекрасна несмотря на то, что кто-то стремится омрачить ее. Супруги Соколовы, прошедшие войну, понимают это, как никто другой.

Алевтина Сергеевна и Виктор Васильевич
МАМОНТОВЫ

ГЛАВА 9

Наследник солдатского «Георгия»

В дореволюционной России высшей солдатской наградой считался Георгиевский крест четырех степеней. Прямым его наследником во время Великой Отечественной войны стал орден Славы трех степеней. В Качканаре у нас нет полного кавалера этого ордена. Единственным обладателем двух степеней Славы является Виктор Васильевич Мамонтов, который с 1972 года по сегодняшний день работает в цехе подготовки производства Качканарского горно-обогатительного комбината.

Я до написания этого материала не был лично знаком с четой Мамонтовых — Алевтиной Сергеевной и Виктором Васильевичем. Оба они — ветераны войны. Напросился на встречу, побывал у них на квартире. Прежде всего бросилась в глаза жизнерадостность супругов. Несмотря на трудности сегодняшней жизни, они верят, что в России наступят лучшие времена.

Он родился в поселке Верх-Ис, работал на заводе. В августе 1942 года «дезертировал» с завода на фронт. В составе 224-го гвардейского минометного полка 12-й артиллерийской дивизии прошагал всю Европу до Эльбы...

Во время службы в армии я застал стоявший еще на вооружении армии автомат ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Упомянул о нем. Встрепенулся Виктор Васильевич. «Безотказная машина, верный друг солдата», — кратко резюмировал Мамонтов.

...Писал я очерк о минометчике Викторе Николаевиче Черепанове, скончавшемся совсем недавно. Рассказывал он мне о своих «счастливых рубашках», в том числе и о том, как случайно не попал под вражеский снаряд. И вот все более и более убеждался в том, что такие истории происходили почти с каждым из фронтовиков-окопников. Было такое и с Мамонтовым. Только-только ушли с наблюдательного пункта, а туда ухнул крупнокалиберный немецкий снаряд. НП разнесло в клочья.

Две Славы он получил соответственно в январе 1945 года за взятие столицы Польши, второй орден повесили ему на грудь буквально за несколько дней до Победы — 2 мая 1945 года за взятие Берлина. Но была и не менее ценная награда для солдата — медаль «За отвагу». Это за бой на Курской дуге.

Закончилась война, домой бы надо. Но для гвардейца Мамонтова служба продолжалась еще два года. Надо было наводить порядок в оккупированной Германии.

Как и ее будущий муж, Алевтина Сергеевна ушла на фронт добровольцем. Служила она в войсках противовоздушной обороны наблюдателем-зенитчиком. В полку было немало девчат с Урала. Жили дружно, помогали друг другу чем могли. Воевала Алевтина Сергеевна с апреля 1942-го по июль 1945 года. В начале мая 45-го послали ее в

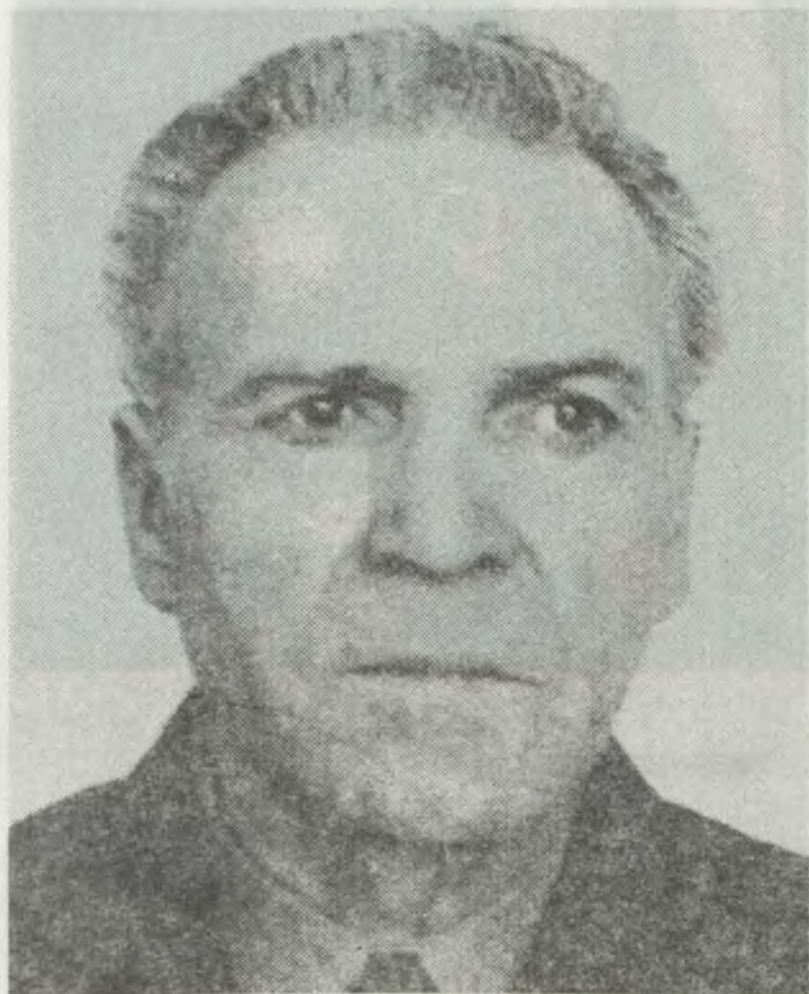
командировку в Москву. Вышла из вагона, а на вокзале творится что-то несусветное. Незнакомые люди обнимают друг друга, смеются, плачут, играет аккордеон, песни раздаются... Победа!!!

Для Виктора же Васильевича день Победы тоже был неожиданным, хотя все понимали, что она уже завоевана. В воздух понеслись пули: автоматные, пулеметные, пистолетные... Солдатский фейерверк Победы!!!

И вот уже 52 года каждое девятое мая и слезы и радость на лицах людей из поколения победителей, наследников солдатского «Георгия», наследников Суворова и Кутузова, Минина и Пожарского.

Слава им! Слава победителям! Вечная память и благодарность тем, кто не дожид до салюта Победы! Слава и память!

**Александра Васильевна
ВЕРТИНА**

**Александр Иванович
ВЕРТИН**

ГЛАВА 11

Звезда Станислава Екимова

**(ЭТО НЕ ПРОСТО ГЛАВА, НЕ ТОЛЬКО РАССКАЗ
ОБ ОДНОМ ИЗ ФРОНТОВИКОВ.
ЭТО И СВОЕОБРАЗНАЯ ИСПОВЕДЬ АВТОРА).**

В зале было душно: фрамуги и форточки все до единой плотно закрыты — боялись сквозняка. И еще гриппа, который свирепствовал в городе и мог вместе со снежным вихрем влететь в открытую фрамугу в виде вредоносных бацилл, заразить всю эту красногалстучную ребятню. И, естественно, пятерых дедов, сидевших на сцене за большим широким столом, покрытым красной бархатной скатертью. В глаза им бил яркий свет пюпитров, висевших над сценой. Свет этот был необходим для фотосъемки. Струился пот по лицам ветеранов, щелкали затворы фотоаппаратов юных фотографов.

Сидевшая среди ветеранов пионервожатая смущенно говорила, обращаясь к ним:

— Вы уж извините за неудобство. Но это необходимо для нашего школьного музея. Пока проходит встреча, ребята успеют проявить пленки и отпечатать снимки для вас — на память. Вас устроит такая форма нашей встречи: вопрос — ответ? Или сначала выступления, а потом ответы?

Когда это было? Вероятно в начале восьмидесятых, в сорокалетнюю годовщину разгрома немцев под Москвой, думал Екимов. И до этого, и после этого были десятки встреч в трудовых коллективах, в школах, в воинских частях, в ветеранских организациях, с однополчанами в разных городах и разных государствах... Подумать только, что Украина, где когда-то воевал, Казахстан, где когда-то жил, стали ненашенскими, забугорными, закордонными. Да такое во сне не могло бы казаться присниться. Но «сон» этот продолжается какой уж год. Глядя на изображение президента, уже никак нельзя отделить его от Беловежской Пущи, которая всегда ассоциировалась с зубрами. Казалось бы, на века эти ассоциации. Зеленые мохнатые дебри, пьянящий аромат разнотравья, море цветов, жужжание пчел, стрекот сверчков и тяжелая поступь реликтовых великанов, добродушных, вальяжных, похожих одновременно как на овцу, так и на быка. Бывал когда-то Станислав Григорьевич в Пуще по делам Фонда мира...

Екимов глянул на объемистый книжный шкаф, где за стеклом стояли две фотографии. На одной из них портрет Верховного Главнокомандующего генералиссимуса И. В. Сталина. На другой — нынешний Верховный, вручающий капитану в отставке Екимову орден Дружбы народов. Фотография времен, когда будущий президент России командовал Свердловским обкомом КПСС.

...Так почему среди десятков и сотен встреч особенно зримо запомнилась та, которая проходила в душном актовом школьном зале? Может быть обилием красного, алого, рубинового, малинового цветов. И скатерть, и знамя дружины, и галстуки на груди пионеров, и колодки орденов и медалей на груди ветеранов светились огненно-ярко темным цветом, который нынче кое у кого не в почете. А может быть та встреча запомнилась еще и потому, что Екимову пришлось поведать школьникам некоторые истории фронтовой жизни, о которых он в общем-то особо не любил вспоминать.

Предыдущему оратору любознательная девчушка задала вопрос:

— Сколько вы лично уничтожили в боях фашистов? Приходилось ли вам врукопашную схватываться с врагом?

— На войне, милая девочка, не каждый схватывается с врагом врукопашную. Кто-то подвозит снаряды к передовой, кто-то тянет связь, кто-то кормит бойцов... Впрочем, среди нас находится бывший разведчик Станислав Григорьевич Екимов. Ему-то наверняка приходилось сталкиваться с врагом лицом к лицу...

Лицом к лицу. Сколько оттенков, сколько эмоций вызывает это короткое словосочетание. Лицом к лицу — любовь. Лицом к лицу — ненависть. А великий поэт обобщил его широкий философский смысл: лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии.

И это действительно так. Что я знал о Станиславе Григорьевиче Екимове с 1972 года, когда он с семьей (жена, четверо детей) приехал в Качканар? То, что он новый начальник орска, что, судя по наградным регалиям, участник войны, что он один из активнейших членов городской ветеранской организации, часто выступающий в местной печати.

Более лучше в те годы я знал о его жене Надежде Петровне. Мы вместе работали общественной приемной городской газеты, часто встречались на партийных семинарах, на различных совещаниях, неоднократно брал я у нее интервью, как у секретаря одной из крупных парторганизаций города. И когда я недавно побывал на квартире у Станислава Григорьевича, то увидел прежде всего портрет Надежды Петровны. Светлая личность. Светлая память.

* * *

В работе любого журналиста присутствует присущая только этой профессии специфическая и психологическая особенность. Он постоянно работает с разными людьми. Это не сложившийся годами коллектив. Автор постоянен, а герои его репортажей, корреспонденций, статей и очерков меняют один другого, как в калейдоскопе. Высшим, если можно так сказать, элитным жанром является очерк. Это художественно-публицистическое произведение — сплав журналистского и писательского труда. Самый сложный литературный жанр, в котором допускается доля процента писательского воображения, а все остальное — проза конкретной жизни об отдельно взятом человеке, или группе людей, о жизни города или целого региона и т. д. и т. п.

Вот этот-то нелегкий жанр, который одним концом опирается на журналистику, а другим — на художественную литературу, стал для меня одновременно и любимым и очень уважаемым.

Это отступление я пишу не для того, чтобы рассказать о собственно очерке, а об

атмосфере, которая иногда складывается вокруг журналистов, избравшим своим крeдо жанр очерка. Дело в том, что в газетной практике существует два способа написать очерк: собственный поиск героя; и герой, которого не надо искать — тебе его преподнесут на блюдечке. Это герой по заказу. Или — по приказу. Иди туда-то, пиши о том-то.

Ну, хорошо. Мне приказали. А если герой вызывает антипатию? Мне не хочется о нем писать, а обстоятельства требуют. Жесткий газетный график требует. И все же я отказываюсь писать. Невыполнение же задания в газете из-за субъективных причин карается сурово. Могут понизить в должности, если есть куда понижать. А могут показать и на дверь.

Тут-то я и подхожу к факту, когда много лет назад отказался писать очерк о... Станиславе Григорьевиче Екимове. Репрессивных мер ко мне не применили, но я долго чувствовал себя карасем в воде с прицепленным за губу рыболовным крючком.

И вот сегодня я пишу книгу о ветеранах Качканара и одна из глав ее — о Станиславе Григорьевиче Екимове.

Что это? Переоценка ценностей? Переосмысление фактов? Запоздалое раскаяние? Наверное, и то, и другое, и третье. Но и это не все. Прошедшая со мной метаморфоза не была случайной. Все мы дети своего времени. Мы воспитывались в определенной среде, соответственно соотносясь с традициями, установками, инструкциями. Разверните любую газету советского периода. В редкой из них вы не найдете критического материала о работниках торговли. Едва ли не единственная тема, на которую не было наложено табу. Сложился определенный стереотип. Торговый работник — значит потенциальный хапуга, обсчитывающий и обвешивающий направо и налево покупателя. При определенном дефиците на продукты и товары первой необходимости хапуг, конечно, было немало, но по сравнению с нынешними временами они кажутся ангелами.

Был случай, когда член горкома партии, руководитель контрольного городского органа поставил вопрос о вынесении С. Г. Екимову строжайшего партийного взыскания.

— Извините, но как понимать, что буквально неделю назад вы голосовали за то, чтобы Екимова включить в список на награждение орденом Дружба народов? — спросили главного контролера. В ответ — молчание, красноречивое пожатие плечами.

— Так почему ты не хочешь писать о Екимове? — вопрос ко мне.

— Торговый работник. Не могу я писать о нем...

— И в этом вся причина? — дожимают меня.

— Боюсь попасть впросак, — отвечаю.

— Но не ты ли недавно писал информацию о вручении переходящего Красного знамени коллективу орса? Вот ведь она — газета. Вот снимок. Вот знамя. Вот делегация руководителей орса во главе с Екимовым. А внизу под снимком — твоя информация.

— Это совсем другое, — говорю я. И ничего путного ответить больше не могу кроме идиотского: «А кабы чего не вышло».

Но причина-то все же в том, что мы находимся в плену уже известного стереотипа. Мы заиклены на поверхности окружности, у которой, как известно, нет ни начала, ни конца. Вопреки известному философскому закону эта окружность не переходит в спираль, в новое качество. На сделавшего некогда ошибку оступившегося человека можем

навесить пожизненный ярлык неисправимого. Мы разучились заглядывать в душу отдельно взятого человека, не сопереживаем ему, не сочувствуем ему и этим, прежде всего, обкрадываем себя. Черствеет отдельно взятый человек. Черствеет общество.

Вот показательный монолог, услышанный мною от человека, родившегося после войны и не нюхавшего пороха ни в Афгане, ни в Чечне, ни в другой «горячей точке».

— Пишешь о «той» войне? Зачем? Отметили 50-летие Победы, пора и честь знать. Хватит переводить миллиардные средства на торжества, посвященные «той» войне. Сколько можно сюсюкать по поводу ветеранов. Носимся с ними, как с писаной торбой. Будто бы у нас других забот нет.

— Забота у нас такая и нету других забот, — ответил я словами некогда популярной песни. Не знаю, понял ли он скрытый смысл, вложенный в этот ответ. Не знаю, живет ли он полнокровной жизнью, или просто небо коптит. Беда в том, что в своих кощунственных мыслях он не одинок.

Общество, не уважающее стариков, — больное общество. Причины подобного отношения к ветеранам известны. Пришедшие в 1991 году к власти в России люди и людишки, группы и группочки, назвавшие себя по недоумию и по недоразумению демократами, оказались на поверку махровыми авантюристами. Разрушительный процесс, издевательски названный «демократическими реформами», они начали с очернения недавнего прошлого, того поколения, которое спасло от фашистских мракобесов мир. Причем, ценой миллионов потерянных жизней и океана крови. Эти «стратеги», оплевав прошлое, заранее обрекли себя на проклятье потомков. Они забыли истину, которая гласит, что если выстрелить в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в них из пушки...

* * *

В рассказах об участниках войны непременно и естественно указывается о правительственных наградах, о благодарностях Верховного Главнокомандующего. Но часто мы забываем о не менее важном отличительном знаке воинской доблести — знаке о ранениях. Он введен постановлением Государственного Комитета Оборона в июле 1942 года и представляет собой нашивку из шелкового галуна: при тяжелом ранении — золотистого цвета, при легком — темно-красного.

Признаться, я думал наоборот. А многие вообще не знают значения этих нашивок, так как фронтовики их редко носят. Как впрочем, ордена и медали. Причины также общеизвестны.

На костюме Екимова я увидел две нашивки — золотистую и темно-красную.

— Вы были ранены дважды?

— В 42-м летом под Белевом был ранен в предплечье. А осенью 1943 года в битве за Днепр ранен одновременно в обе ноги. Потом в течение десяти лет ходил при помощи костылей. Вот смотрите...

Я посмотрел сначала документ эвакогоспиталя № 1676, датированный 2 января 1944 года. Он обширен, усыпан медицинскими терминами. Но общий диагноз понятен и без специальных познаний. «Обширный дефект икроножной мышцы».

Приподнял Станислав Григорьевич штанину брюк и я воочию убедился, что икроножной мышцы у него практически нет.

И еще показал мне Станислав Григорьевич ботинки. Обычные на первый взгляд. Но оказалось, что носит он ортопедическую обувь...

Я был неподдельно изумлен. Тут-то мне и вспомнилась случайная встреча с Екимовым много лет назад в одно прекрасное лето на берегу Качканарского «моря». Я прогуливался со своим песиком, а Станислав Григорьевич, одетый в спортивный костюм, делал короткие пробежки и физические упражнения.

Если бы я знал, что через много лет этот человек будет одним из героев моей книги, то, вероятно, более внимательно пригляделся бы к нему. Заметил бы и последствия тяжелого ранения. И не «пробежки», а имитацию бега. И то, что этот мужчина — кровь с молоком — в действительности инвалид войны второй группы. И понятно стало, отчего побледнел Станислав Григорьевич, когда моя, похожая на лисичку, Динка кинулась к нему и залаяла. Я-то знал, что мой песик лает для хозяина, для собачьего самоутверждения и престижа, и что он никогда никого не кусал и не укусит. Но этого не знал Станислав Григорьевич. Зато он отлично знал, что кусать его нельзя, особенно за ноги...

Странные все-таки штука-память и штука-случай. Я, исполняющий в то время обязанности редактора газеты «Качканарский рабочий», подошел вплотную к заместителю директора горно-обогатительного комбината по рабочему снабжению и прямо в лоб спросил: «Почему с прилавков исчез чай? Меня замучили читатели».

Всегда, когда речь заходит о так называемом застое в семидесятые-восемидесятые годы, я задаю себе вопрос: как же я прохлопал, просмотрел этот застой? Мне, журналисту, это непροститительно. Хоть убейте меня, не помню никакого застоя. И вот подловил себя наконец-то. Был застой — «чайный». А вспомнил о нем благодаря различным несовместимым, казалось бы, понятиям. Показушно-злобная, но не кусачая Динка, нашивки за ранения, мое редакторство, «пробежка» Екимова, «чайный» вопрос, который хорошо запомнил, и «чайный» ответ Екимова, который совершенно запамятовал. Забыл вероятно потому, что чай на прилавках вскоре появился и читатели газеты не звонили мне больше по поводу его отсутствия. Напомню, что в те времена печать действительно была четвертой властью, «приводным ремнем» партии. Ее уважали и даже побаивались. Две рубрики: «По следам наших выступлений» и «Меры приняты» были постоянными в любой газете Советского Союза.

Все в этом мире взаимосвязано. Случайности и неожиданности. Курьезы и трагикомедии. Рождения и смерти. Героизм и предательство. «Застой» середины семидесятых и «стабилизация» середины девяностых годов, хотя то и другое откровенная ложь. А авторы лжи — те же «демократы». В одном случае они извращают историю, чтобы вогнать в страх своих идейных противников. В другом случае, придумав «стабилизацию», сами испытывают страх перед грядущим возмездием. Правда и ложь тоже взаимосвязаны. Только правда бывает одна, а ложь многолика...

* * *

— Банальный вопрос, Станислав Григорьевич. Ваше отношение к Сталину?

— Как фронтовик, могу утверждать, что в атаку нередко ходили с именем Сталина. Это не миф. Такое было.

Мы говорили о войне и вопрос так или иначе касался личностей Сталина и Ельцина.

Сталин вроде бы тиран, но факт неоспорим, что во главе справедливой освободительной войны стоял именно он. Ельцин вроде бы демократ, но факт, что развязанная им война в Чечне — это война против собственного народа, и что проводимая им политика, названная «демократическими реформами» — похожа на геноцид...

* * *

На Украине в городе Павлограде Днепропетровской области в средней школе № 10 активно действовал некогда клуб «Поиск». Юные следопыты по крохам собирали сведения о боевых действиях на их территории, об участниках боев. Из этих-то крох и получился солидный музей боевой славы. Есть там и экспозиция, посвященная С. Г. Екимову и его однополчанам (хочется верить, что сохранилась). Следопыты связались со Станиславом Григорьевичем и он поделился с ними своими воспоминаниями.

«...В составе 12-й армии перешли в наступление. В ночь с 6 на 7 сентября прорвали оборону в районе Адамовки, развернули наступление на ваш город Павлоград. Помню очень тяжелые изнурительные бои по освобождению города»...

«Тяжело вести разведку в наступательном бою, но еще изнурительнее в обороне. Вечно в снегу, в болоте, под дождем, под пулями... ползти крадучись и маскируясь. Обычно высматриваем где-то на отшибе дзот, более удобные к нему подходы (овраг, кустарник). В общем, используем складки местности. Затем составляем план ночного поиска: группа захвата, группа прикрытия. Почти все разведчики знали, как разминировать противотанковые мины, бесшумно срезать колючую проволоку для лаза.

Система пулеметного огня между немецкими дзотами строилась таким образом, что она перекрывала огнем перед фронтом друг друга, систематически местность освещалась вспышками ракет...».

О подобном читал в книгах и газетах сотни раз с тех пор, как научился читать, но чем взрослее становился, то события войны воспринимались все более абстрактно и, сознаюсь, с долей равнодушия. Хотя сам родился до войны и она, разумеется, оставила неизгладимый след-рубец в душе.

Босоногое военное детство. Не в оккупации, не под пулями и бомбами, но это было военное детство — лихолетье. Разве забудешь женский плач, рыдания, вой, которые нет-нет да и неслись над притихшей уральской деревней — пришла очередная похоронка... Разве забудешь пыльную колонну людей в тюбетейках и халатах — женщин, старух, детишек, а по бокам колонны — вооруженные винтовками люди. По шоссе Челябинск — Шадринск, пересекавшим нашу Русскую Течу, гнали в Сибирь и Казахстан крымских татар. В разное время тем же маршрутом гнали и пленных немцев. И в тех, и в других мы, пацанята, бросались камешками. От молчаливых матерей и бабушек получали подзатыльники и шлепками по мягкому месту. А конвоиры как будто не замечали нас — маленьких несмышленых зверушек...

Итак, все, что я не видел собственными глазами, воспринимал полуабстрактно. Но встречаясь с живыми конкретными людьми, слушая их рассказы, или читая их воспоминания о войне, со мною происходит маленькое чудо. Я вновь возвращаюсь в детство и читаю книгу о Николае Гастелло или об Александре Матросове, как будто бы наяву об-

рушиваюсь в смертельном пике на колонну вражеской техники, или, прижимаясь к земле, ползу, ползу к амбразуре, из которой несутся навстречу мне огненные струи трассирующих крупнокалиберных пуль...

«...В одном из таких ночных поисков часть группы захвата была прижата к земле губительным пулеметным огнем... Я и мой ординарец Бирюков метнулись в траншею и бегом устремились к другому дзоту: немцы подумали, что бегут к ним свои на подмогу. Подбежав, Бирюков бросил в блиндаж гранату, я пристрелил двоих, оставив одного оглушенного. Им оказался обергефрейтер (старший ефрейтор), которого и приволокли в распоряжение полка...».

Какая награда полагалась за взятие «языка», за успех в разведке боем, за уничтожение вражеских солдат? Думается, не меньше медали «За отвагу», а то и орден. Начальник разведки 1180-го стрелкового Сандомирского ордена Красной Звезды полка 350-й Житомирской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии капитан Екимов и его ординарец рядовой Бирюков...

Переведу дух и сделаю отступление, объясню, почему я привел полный титул воинского соединения, в котором воевал Екимов. Для него война закончилась 20 сентября 1943 года. Его подобрали на поле боя, истекающего кровью. Больше он не мог уже воевать. А его полк в составе 350-й дивизии, которая в разное время входила в 61-ю, 6-ю, 12-ю, 1-ю гвардейскую, 13-ю армии, начавший боевой путь с легендарного Куликова поля, закончил его в Берлине и Праге, пройдя при этом около 6000 километров, освободив от врага более 1000 населенных пунктов. 22 воина дивизии отмечены званием Героя Советского Союза, более 12 тысяч награждены орденами и медалями.

Во времена, когда воевал Екимов, на знамени дивизии не было еще орденов. Героев Советского Союза насчитывались единицы. Не сверкали еще иконостасами мундиры солдат и офицеров. Это уже потом, когда наступил окончательный перелом в войне в нашу пользу, награды посыпались как из рога изобилия.

...Командир дивизии наградил за ночной поиск Станислава Екимова и Василия Бирюкова отпуском. Три дня домой, не считая дороги. Или десять дней в армейский дом отдыха, располагавшегося в окрестностях Ельца. Бирюков выбрал первое. Он был женат. Его командир был холост и выбрал второе.

Скуповато написал об этом Станислав Григорьевич. Но как точно в этих строчках выражена сущность воина, попавшего из ада в рай: «Попав в тихие санаторные условия, я отмылся от окопной грязи, отоспался, отдохнул и вернулся в свой родной полк...». И все.

Во время службы в армии в пятидесятых годах я бывал в Ельце. Типичный старинный русский городок. Много храмов. Тишина и покой. Как-то не верилось, что шли здесь когда-то жестокие бои, а в самом городе располагался штаб Юго-Западного фронта.

Самым памятным и тяжелым для начальника разведки полка (официально: ПНШ-2 — помощник начальника штаба по разведке) С. Г. Екимова был пожалуй декабрь 1942 года, когда дивизия участвовала в Среднедонской операции войск Юго-Западного и Воронежского фронтов в ходе развития контрнаступления Красной Армии под Сталинградом. В результате противник был вынужден отказаться от дальнейших попыток де-

локировать окруженную группировку фельдмаршала Паулюса.

«... Помню крутой западный берег Дона. Его скаты враг полил водой. Образовалась ледяная корка. Минные поля, колючая проволока.

Захват плацдарма на западном берегу командир дивизии поручил нашему полку. Ночью я с разведчиками и саперами, соблюдая меры предосторожности и маскировки, проверял толщину льда. Долбили финскими ножами. Убедились, что лед может выдержать атакующих бойцов штурмовых батальонов. На рассвете ударила наша артиллерия. Не успел смолкнуть грохот разрывов, как прозвучал сигнал к атаке. Когда бойцы достигли середины реки, то попали под сильный кинжальный пулеметный огонь из вражеских дзотов. Он буквально прижал атакующие цепи к замерзшей глади реки. А до берега оставалось 300 метров...».

... В последние годы, когда «демократы» повернули Россию на 180 градусов к сияющим вершинам капитализма, понадобилась новая идеология. В ее основе — самые низменные инстинкты. Прежде всего, клевета. Оклеветаны Ленин, коммунистическая идея, советское общество в лице его лучших сынов и дочерей. Ставятся под сомнение подвиги молодогвардейцев, Зои Космодемьянской, Александра Матросова...

Матросовых были десятки. В той атаке по льду Дона, о которой вспоминает С. Г. Екимов, в числе атакующих шел со своим отделением и его однополчанин сержант Василий Прокатов. Стремительным броском, пока вражеский пулемет вел огонь по противоположному берегу, Василий добрался до немецкого дзота и забросал его гранатами. Пулемет захлебнулся на секунду и вновь ударил по советским солдатам. Прокатов бросился на амбразуру... Так погиб вологодский парень на воронежской земле. Ценою своей жизни спас товарищей. И посмертно стал Героем Советского Союза.

Всю войну никто в отдельности не знает, всю ее знает народ, подчеркивал К. Симон. И он, конечно, прав. Разные эпизоды войны — известные и еще неизвестные будут вечной темой. И вечной будет память тем, кто победил в той войне.

«... Командир полка майор Фролов поручил мне ответственное задание: сесть в кабину головной грузовой машины и провести мехколонну из двадцати автомашин. У каждой на прицепе 76 мм пушка, в кузовах — боекомплект снарядов и десант автоматчиков. Командир полка, начальник штаба, комиссар разместились на других машинах. Я, хорошо знавший военно-топографическую карту, должен был ночью 17 декабря 1942 года, не зажигая фар, обходя деревни и хутора, вывести мехколонну к утру под Кантемировку, куда ушли танки прорыва для совместной атаки по взятию этого населенного пункта. Наступление нарастало. Дивизия освободила г. Купянск, наш полк — станцию Купянск-Узловой, затем райцентр Шевченко и др.

В этих городах Харьковской области дважды проводились встречи ветеранов 350-й стрелковой дивизии».

... Более двадцати лет назад хоронил я близкого человека. Бывший командир батальона. Старший лейтенант в отставке. Инвалид войны. Петр Гаврилович Бачурин. Он не дождал до того дня, когда участникам войны стали наконец-то уделять внимание, установили какие-то льготы. Все боевые награды покойного уместились на одной атласной

подушечке. Несколько медалей и среди них «За отвагу», ордена Отечественной войны и Красной Звезды.

Я хоронил тестя. Он жил в крупнейшем селе Челябинской области — Кузнецком. Впервые я его увидел в день помолвки, но, оказывается, был с ним знаком с раннего детства...

Насколько я себя помню, в нашем деревенском, а затем и городском доме висела довоенная фотография в рамке из красного дерева. На ней были запечатлены двое молодых людей с офицерскими кубиками в петлицах. Один из них мой дядя по матери — Иван Александрович Беспалов. Рядом с ним — неизвестный.

Когда я приехал в Кузнецкое и зашел в дом будущей жены, то в глаза бросилась знакомая фотография. Рядом с дядей Ваней сидел... мой тесть.

Иван Беспалов погиб в первые дни войны. Ему не было и тридцати. Он стал одним из сотен тысяч неизвестных солдат. Петр Бачурин прожил после войны еще 27 лет, но так и не перешагнул шестидесятилетний рубеж. Поднял пятерых детей. Получал 22 рубля пенсии. Перед самой Победой ему оформили документы на инвалидность, но он их вскоре потерял. И не мог восстановить. Слишком много в те годы было инвалидов. Слишком много. Он умер от старых ран и от незаслуженных унижений. В результате появился еще один «неизвестный» солдат.

Как на цветной пленке память четко зафиксировала ту траурную алую подушечку с наградами и среди них краснорубиновая звезда с отколотым кусочком эмали на одном из ее лучей — след окопной жизни.

Пусть не покажется читателю история, о которой я рассказал, чужеродной, искусственно вплетенной в канву очерка-рассказа, а потому вроде бы излишней, ненужной. Как я уже подчеркивал, в жизни все в той или иной мере взаимосвязано. Увидев на груди С. Г. Екимова Красную Звезду с отколотой эмалью на одном из ее лучей, я вспомнил про другую, как две капли воды похожую на эту — екимовскую. А вместе с тем вспомнил и некогда живших людей, превратившихся в неизвестных солдат, в белых журавлей...

Послевоенная жизнь. Надо было кормить большую семью, крутиться, одним словом. В партию он вступил в 1943 году, в окопе вручали ему партбилет, имел среднее специальное образование, затем окончил заочно учительский вуз. Напомним, что до 1953 года ходил он на костылях. Работал лектором горкома партии в г. Степняк Акмолинской области, заведовал военным отделом ГК ВКП/б, и отделом агитации и пропаганды, преподавал историю в школе. А потом вспомнил кто-то, что Екимов имеет еще и специальное образование работника советской торговли. Был начальником продснаба, начальником орска. В таком качестве по направлению партии приехал в Качканар.

Станислав Григорьевич не помнит момента в своей жизни, когда бы он не занимался общественной работой. Много лет возглавлял он в Качканаре отделение Фонда мира, занимался гражданской обороной в городском Совете ветеранов. Неоднократно награждался памятными медалями, дипломами, медалью «Борцу за мир». Но самая почетная награда в мирной жизни — орден Дружбы народов. Знают в Качканаре С. Г. Екимова и как страстного поборника патриотического воспитания молодежи, постоянного автора местных газет, выступающего на ту же патриотическую тему.

...Профессия, связанная с торговлей, не однажды играла с ним злую шутку. Истории были скорее всего курьезные, трагикомические; если смотреть на них в далеко прошедшем времени и не глазами самого Станислава Григорьевича. Ему же самому было не до смеха. Три-четыре раза в году он по торжественным датам прицеплял к костюму боевые и мирные награды и не подозревал, что чьи-то злобные глаза так и сверлили его грудь. «Ага, Красная Звезда? Проверим?». И летит анонимная писулька в военкомат. Проверьте, дескать, соответствие. Проверили. Нашли несоответствие. Орден есть, а документа нет. Почему? — «Потерял». «Тогда извольте не носить орден».

Формально, конечно, правы военкомовцы, закон есть закон. Можно было бы и отступить, махнуть рукой, думал Станислав Григорьевич. Но не так думали дети, решившие восстановить честь отца. Сын сделал запрос в Министерство обороны. Из главного управления кадров минобороны прислали подтверждение о том, что в феврале 1943 года орден Красной Звезды за № 81489 действительно был вручен С. Г. Екимову.

Но существует более любопытный и более ценный документ от 31 марта 1943 года. Ценный в силу его историчности.

«Кому. Отцу Екимову Григорию Васильевичу.

Адрес. гор. Степняк, Карагандинская, дом 39. Акмолинская область.

СПРАВКА

Настоящим удостоверяется, что пом. нач. штаба-2 капитан Екимов Станислав Григорьевич за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды.

Основание: Приказ (Указ) Ю. З. Ф. по 350 с. д. 6 арм. № 18/н от 14 февраля 1943 года.

Командир 1180 с. п. майор Фролов».

Подпись Фролова, гербовая печать».

Спрашивается, неужели недостаточно было этого документа, чтобы убедиться кое-кому в истине. Не унижать человека, не подозревать его. К сожалению, так бывало нередко.

* * *

Станиславу Григорьевичу идет 77 год. Большая жизнь. В ней особый кусочек — война. Что-то забылось, истерлось из памяти. А звук войны не забыть никогда.

Поколение, родившееся при Советской власти и отстоявшее ее в самой жестокой борьбе, которую когда либо знало человечество, — особое поколение. Оно свято верило в ленинские идеи, верит и сейчас.

Пусть мой герой сам завершит этот очерк выдержкой из его статьи «Заботы ветеранов войны», опубликованной в газете «Руда» 1 июля 1995 года:

«Сейчас, когда мы пытаемся восстановить правду истории, отдадим должное воину всех времен. Давайте вспомним: в призывах, лозунгах разных лет и общественно-экономических формаций — будь то «За Русь святую!», «За веру, царя и Отечество!», «За Родину, за Сталина!» — главным всегда было одно понятие — Родина. И дай Бог, чтобы оно, не раз объединявшее все слои российского населения «во дни торжеств и бед народных», осталось вечным».

**Нина Федоровна
ЛИТВИНЕНКО**

ГЛАВА 12

В снегах, войною опаленных...

В мае 1997 года Качканар отметил свое 40-летие. Мы вспомнили тех, кто начинал строить наш город. Поименно назвали тех, кто первым срубил дерево и положил первый кирпич. Вспомнили первого инспектора отдела кадров, оформлявшего прием на работу прямо в лесу на свежем пеньке. Вспомнили первую комсомольскую свадьбу и первого, родившегося в Качканаре, малыша. В этом почетном ряду стоит и Нина Федоровна Литвиненко.

Качканар, как известно, создавался в необжитом месте, первым жильем были брезентовые палатки. Они стояли на том самом месте в парке строителей, где стоят сейчас железобетонные палатки-памятники. Первым комендантом палаточного городка была Н. Ф. Литвиненко. Позднее работала она секретарем поселкового Совета, регистрировала первых молодоженов, работала также в домоуправлениях, в городском автохозяйстве.

«Помню, как мы с мужем с букетом полевых цветов смущенно стояли перед Ниной Федоровной, слушая добрые напутствия. Не одну комсомольскую свадьбу провела Н. Ф. Литвиненко. Веселая и неумолимая, заботливая и обаятельная, вошла она в жизнь многих семей настоящим другом.

Все ее волнует: и чужая радость, и чужое горе. Никогда не пройдет Нина Федоровна мимо, чтобы не узнать, все ли у тебя ладно, все ли хорошо.

...Она часто ведет беседы с молодежью. Ей, ветерану Качканара, матери двух сыновей, участнице Великой Отечественной войны, есть о чем рассказать».

Так писала 16 лет назад (23 апреля 1980 года) о Нине Федоровне оператор участка шихтоподготовки Н. Мальцева в газете «Качканарский рабочий».

Или вот еще один яркий пример конца 80-х г.г., характеризующий Нину Федоровну. Ольга Ивановна Бобровник прошла всю войну — от Ленинграда до Берлина. Трижды была ранена, один раз контужена. Награждена орденом Красной Звезды, боевыми медалями. Схоронила фронтовика мужа. Работала, пока позволяло здоровье. Жила в общежитии. В ее судьбу вмешалась Нина Ивановна. Выхлопотала квартиру Ольге Ивановне.

Прошло сорок лет, как приехала в будущий Качканар Нина Федоровна, а осталась такой же задорной, веселой, трудолюбивой. Вот уже какой год руководит ревизионной комиссией городского совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил.

Во время войны и после нее вела Нина Федоровна дневник-воспоминания. Короткие записи — проза фронтовой жизни. А открывается он стихотворением:

*Да, в гимнастике — не в капронах,
И не на танцах, а в бою,
В снегах, войною опаленных,
Ты юность встретила свою.*

10 марта 1943 года. Я, Плашкина Нина Федоровна, 1924 года рождения (23 февраля), была призвана в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В городе Свердловске формировались полевые госпитали для отправки на фронт. С поселка Ис нас отправлялось шесть человек: Надя Бабкина, Саша Панчехина (Зарецкая), Зина Касаткина, Тася Прокашева (Бардина), Ираида Храпунова, Нина Плашкина (Литвиненко).

Все мы попали в один госпиталь № 5141, полевая почта 03091. 27 марта 1943 года выехали на фронт, попали в состав 61-й армии.

27 марта 1943 года. Выехали на фронт. Около станции Узловая приняли боевое крещение.

20 апреля 1943 года. Тульская область. Небольшое село в Арсентьевском районе. В дубовой роще расположена заброшенная ферма. Мы ее мыли, чистили, скребли — готовились к приему раненых.

5 июля 1943 года. Ракеты, ракеты, ракеты. Их было столько «навешано» в небе, что на земле можно было даже найти иголку. Курско-Орловская дуга. Артподготовка. Жутковато. И радостно от того, что наши пойдут вперед и погонят фашистов.

Тут мы увидели первых раненых. Многие из нас боялись крови. Но страх проходит быстро. Ведь раненые ждут нашей помощи.

Орловская область. Село Новоникольское. Раненых больше тысячи, а госпиталь наш рассчитан только на 70 человек... Работаем без сна и отдыха.

Орел разрушен до основания — кирпич да трубы... В армейской газете стихи о нем:

*Родимый город,
Мученик и воин,
Ты вновь
Свободу гордую обрел.
Ты своего названия
Достоин,
Отважный
Несгибаемый Орел!*

Курск. Город тоже разрушен, но целые здания все-таки имеются. Тут мы впервые за долгие месяцы услышали радио. Остановили машину и вслушались в голос диктора. Мы уже забыли, что где-то есть радио. Одна у нас забота — раненые и раненые. Перевязать, накормить, успокоить. Тяжело. Но помогает вера в победу.

Сумская область, город Коробов. Тяжело. Работаем в сараях, жить негде. Все измученные и худые.

Гомельская область. Город Речица стоит на берегу Днепра. Город почти не разрушен. Купили билеты и пошли в кино. Не верилось, что будем смотреть фильм, как когда-то на гражданке.

Госпиталь — за городом в здании бывшей больницы. Окна разбиты. Бочки из-под бензина превращаем в печки и кочегарим — на дворе мороз. Наступает новый, 1944 год.

Февраль 1944 года. Полесская область, город Калинковичи. Работаем в казармах, где до войны располагались воинские части. На фронте затишье, раненые поступают небольшими партиями. Организовали в госпитале художественную самодеятельность. Я пела «На закате в саду заброшенном». Всем понравилось.

Город Кобрин. Наш госпиталь оказался впереди медсанбата. Раненых принимаем без обработки. Очень жарко. Много мух. Работаем день и ночь.

Город Белосток. Поехали в лес. Отмыли всю грязь, привели в порядок имущество. Получили новое направление в Прибалтику.

Латвия. Живем в бывшем имении помещика, отдыхаем. Сами готовим — продуктов вдоволь. По вечерам собираемся у камина, поем любимые песни. «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне».

Алуксны — красивый курортный городок. Озеро, почти сказочный замок — прелесть! Даже не верится, что где-то рядом с нами идут кровопролитные бои.

Литва. Госпиталь поместили в здании без окон. Тут наши войска были в осаде около месяца. Раненых везут и везут, а их негде помыть, обработать. Воды не хватает. Выкручиваемся, как можем.

Новый 1945 год. Встретили его в товарных вагонах, на нарах. Натопили жарко печь-временку и размечтались. «Закройте глаза, девочки, — говорит Таня Свистунова, — и представьте, что посередине зала красивая елка, а мы вокруг нее в красивых платьях и туфлях». Таня до того размечталась, что свалилась с нар. Все смеялись, оказывая «пострадавшей» помощь.

Февраль 1945 года. Германия. Мы на земле врага. Увидели изможденных людей, освобожденных из концлагерей. Госпиталь расположился в бараках для военнопленных. Немецкого населения в городе нет. Все подались к Берлину.

Раненые лежат на трехъярусных нарах. У меня в отделении — 470 человек. Из их же числа нашли санитаров: ни смены, ни помощи ждать неоткуда.

Наша армия идет вперед. И так жаль, что умирают наши люди на чужой земле. Не хочется оставлять их тут.

2 мая 1945 года. Ура! Ура! Ура! Наши взяли Берлин! Вспомнились слова И. В. Сталина: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Ночь с 8 на 9 мая. Дежурит Надя Бабкина. Звонок. Ее вызывает генерал (он лежит после ранения, в тыл эвакуироваться отказался) и говорит:

— Сестра, слышите? Говорит Москва! Война закончилась.

Ночь. А Надя кричит:

— Подъем! Вставайте! Кончилась война! Ура!

Все ликовали...

Эти дневниковые записи были опубликованы в «Качканарском рабочем» в 1980 году. Они лаконичны и, как я убедился, сокращены до предела. Дата, месторасположение, работа. Но в дневнике Нины Федоровны есть и особые записи, которые в те времена просто не могла допустить цензура. Вот, например: «**Эстония, Станция Лопассары.** При

выгрузке «оформили» ящик с консервами, а потом кушали. Это не секрет, что порою очень обижали младший персонал. Все тяжести, все лишения нам доставались и как порою были к нам нечуткими наше начальство и врачи... Особенно отличалась наша палатная старшая сестра Кочеткова З. Ф., которая была по возрасту наших матерей, но у нее не было никаких благородных чувств. Она до армии работала в колонии и оттуда у нее осталось это неуважение к окружающим. Уже после Победы, когда мы уезжали из Германии, то ни одна из девчат не подошла к ней проститься, так глубоко мы были ею оскорблены.

Но в нашем первом хирургическом отделении девчата были хорошие, мы друг за друга — горой. Как выразался наш начальник госпиталя Джохадзе Николай Ильич, «ставь к стенке, ни одна ничего не скажет».

Людские качества на войне проявляются порою в мгновение. Братство, фронтовая дружба характерны для большинства воинов. Но в семье, как говорится, не без уroda...

А вот еще одна запись. Осторожная, недоговоренная. «Наш госпиталь давал концерт и я пела песню. «Иди, любимый, мой родной на закате в саду заброшенном»... Голос был неплохой, нравилось раненым, как я пела. После этого концерта ко мне подошел один лейтенант и сказал: «Хорошо поешь, хочет с тобой один парень познакомиться. Этот парень был Володя Литвиненко. У всех девчонок парни были, а я все одинокая была (плакса). Очень много плакала. Володя нравился мне своей скромностью. 6 мая 1944 года я Володю и его друзей проводила на фронт»...

У этого знакомства было долгое продолжение. Кадровый военный В. Литвиненко в 1946 году приехал на Ис и увез молодую жену в Финляндию. Затем жили они на Дальнем Востоке (остров Русский), в Крыму (Севастополь). Увы, они расстались...

Война имеет начало. Но не имеет конца. В смысле того, что о ней что-нибудь да напоминает. Ордена и медали, книги и дневники, раны и контузии. И вечная память тем, кто не дожил до Победы, но ковал ее. И вечная благодарность тем, кто выжил и живет вместе с нами.

**Зинаида Григорьевна
МЕДОВЩИКОВА**

ГЛАВА 13

«Весталка»

Беседовать с Зинаидой Григорьевной Медовщиковой легко. Если я затрудняюсь, задаю нелегкий вопрос, то она тактично опережает меня.

— Вы читали роман уральского писателя Николая Никонова «Весталка»?

— Нет, не читала. Слышала. Что-то гадостное... о женщинах-фронтоничках.

— Н-не совсем так, но почти верно. Главная героиня у Никонова в общем-то ангел во плоти, действительно весталка, а вот другие героини... Одним словом, ППЖ — походно-полевые (или полковые) жены. Расшифровывалась аббревиатура ППЖ по-разному, даже до гнусностей мерзко.

Небольшое отступление-пояснение. Весталки. У древних римлян жрицы богини Весты, дававшие обет целомудрия. В случае нарушения обета весталок убивали...

Никонов на войне не был. И рождал своих героинь, исходя из рассказов фронтови-

ков и собственной фантазии. Он неплохо написал о войне и очень плохо — о женщинах. Описывая частые случаи, он возвел их в абсолют. Тем самым оскорбил целое поколение женщин-фронтовичек.

В связи с этим выскажу следующую мысль. Свидетельствую авторитетом сотен мужчин-фронтовиков и десятков женщин-фронтовичек, с которыми за долгую журналистскую практику приходилось встречаться и беседовать, что на войне было не до грязной любви. Исключая, разумеется, отдельные моменты. В семье, как говорят, не без уroda.

— Я никого не убивала, — это были первые слова Зинаиды Григорьевны при нашей встрече.

— И слава Богу! — ответил я.

Пусть это пахнет толстовством или библейским «не убий!», но я действительно был рад, что человек, побывавший на войне, никого не убил. Разверните сегодня любую российскую газету. Десятки фактов убийств в каждом номере! Мирные граждане убивают подобных себе. Включите телевизор и вы уже наяву ощутите «вкус» ежевечернего, еженочного, ежедневного убийства. Об убийствах повествуют хладнокровно. Иногда об убийствах рассказывают со вкусом, со зверинкой во взгляде. Вдумайтесь в необыкновенно-равнодушное выражение «обыкновенной убийство» и решите задачу с одним неизвестным: кто же мы — звери? Но не будем оскорблять зверей.

— Мы воевали и победили в нашей справедливой войне, — рассказывает Зинаида Григорьевна. — Победили и надеялись, что восстановится спокойствие во всем мире. Но, оказывается, мы жестоко заблуждались. В собственной стране идет война, люди убивают друг друга...

...Невьяночке Зине Летягиной было 17 лет. Она заканчивала семилетку, ходила на курсы ДОСААФ. В июне 1943 года ее на четыре месяца послали на курсы поваров. А в конце того же года сержант административной службы Зинаида Летягина оказалась под разрушенной до основания Старой Руссой.

Готовился прорыв блокады Ленинграда. На фронт прибывали свежие части. Шла перегруппировка войск. Все были радостно возбуждены — вот-вот начнется наступление.

Пришел на фронт очередной эшелон с пополнением. В одном из вагонов приехали 70 связистов. 50 из них — женщины. Не успели открыть двери теплушки, как началась вражеская бомбежка и артобстрел. Прямое попадание в теплушку... Все погибли.

С такого трагического эпизода и началась война для невьянской девчушки.

Она никого не убивала, она делала будничную работу. Во время большого наступления, когда каждые сутки бойцы подразделения уходили вперед на десятки километров, Зи́на на ходу варила вкусный борщ. Понятия «Полевая почта» и «Полевая кухня» для фронтовиков были самыми желанными. Сытый солдат — активный воин. Зина Летягина эту немудреную формулу усвоила отлично.

Был случай, когда верный Воронок наступил на мину. И ни Воронка, ни кухни... Плакаться и казнить было некогда. Ели солдаты временно сухой паек.

И вот великий город на Неве восстал перед ними в своей хмурой красоте. Блокаду прорвали.

Медаль «За боевые заслуги», врученная Зине в 1945 году, — самая ценная для нее награда.

Она долго была «весталкой». Тот самый парень, с которым она училась еще в седьмом классе, стал ее мужем в 1951 году. «Я встретил Вас и все былое...» Да. Он ее встретил, он ее нашел. Они прожили счастливую совместную жизнь. Настоящее тоже ушло. Осталось будущее. Оно бесконечно.

Всеволод Артамонович Медовщиков. Работал много лет на горно-обогатительном комбинате. Умер в 1993 году. Пусть земля ему будет пухом!

Зинаида Григорьевна Медовщикова четверть века «отвоевала» на обогатительной фабрике. Сейчас «воюет» с четырьмя внуками, которые нет-нет да и навещают бабушку.

Я о войне почти ничего не написал. И о моей героине я почти ничего не сказал. Или сказал очень многое. Пусть судит читатель.

Я низко кланяюсь «весталкам» Великой Отечественной войны. Низко кланяюсь Зинаиде Медовщиковой. За то, что надо мной по-прежнему светит солнце.

**Борис Александрович
ОБЕРЮХТИН**

ГЛАВА 14

Под гусеницами танка

Эта глава необычна. У нее два автора. Это — главное действующее лицо — участник войны Борис Александрович Оберюхтин. А его воспоминания записал другой ветеран войны, краевед, автор книги о своих однополчанах «Иптаповцы» Виталий Васильевич Смирнов. Воспоминания первоначально были опубликованы в газете «Руда» в номерах за 17 и 24 июня 1995 года. С любезного разрешения Б. А. Оберюхтина и В. В. Смирнова я включаю воспоминания Оберюхтина в данную книгу.

Борис Александрович Оберюхтин воевал в составе Белорусского фронта. В боях за Минск был контужен. После лечения вновь воевал уже на территории Германии.

После войны Борис Александрович вернулся в родной Валериановск. Осваивал Гусевгорское месторождение, работая в геолого-разведочной партии, затем трудился на Главном карьере машинистом экскаватора.

НОЧЬЮ В СЕКРЕТЕ

Днем немцы вели по нашим позициям ураганный огонь. Нервы у нас были натянуты так, что тронь — и порвутся, и нет тебя. Порой мы уже не понимали, где находимся: то ли уж на том свете, то ли еще на подходах к нему. После такого «веселого» дня всем хотелось одного: спать и спать. Но мне с моим вторым номером не повезло. Вместо отдыха нас послали в секрет на нейтральную полосу совсем рядом с немецкими позициями. Вырыли мы окоп для пулеметного огня. Ночь, тьма кромешная. Обстрел прекратился. Спать хочется — спасу нет! Вот и решили мы с напарником соснуть попеременно часика по четыре. Знаю: по уставу в секрете спать не положено. Но устав уставом, а в жизни бывает всякое.

Напарник мой — старичок лет шестидесяти, родом с Западной Белоруссии. Когда их наши войска освободили, его и забрали в армию. Зрение у него слабое, глуховат, к тому же необученный, но серьезный. Думаю, что не подведет. Сказал я ему, чтобы через четыре часа разбудил меня, прикорнул в окопе. И снится мне сон. Будто иду я по проселочной дорожке, и вдруг на меня набрасывается кошка. Глаза сверкают, шипит. Я ее пинаю, а она снова и снова бросается. Ухватила за правую руку возле локтя, и никак я ее оторвать от себя не могу. Вот отбиваюсь я от этой проклятой кошки и вдруг получаю сильный удар по голове...

Спросонья ничего понять не могу. А это, оказывается, приполз проверить наш секрет ординарец командира роты. Старичок же мой, что должен был на посту стоять, тоже заснул. Вот ординарец пистолетом по голове и разбудил меня... Ну и досталось же нам!

Пригрозил он утром сдать нас в трибунал, а потом приказал: «Пока сидите тут. Через полчаса еще раз проверю». И уполз обратно.

Тут уж я на своего напарника набросился. «Ты же и меня, и себя подвел!» — говорю. А он крестится и отвечает: «Прости, Боря, сам не заметил, как заснул». Ну, думаю, хоть ругайся, хоть нет, все равно проштрафились. После драки кулаками не машут. Надо готовиться к самому худшему: если не расстрел, то штрафная рота нам обеспечена.

Рассказал свой сон напарнику. А он в ответ — свой. Будто видел он своего отца умершего и тот звал его к себе.

— И я, — говорит, — согласился к нему пойти. Раньше такие же сны видел и не соглашался. А теперь вот... Значит, сегодня меня убьют.

Расстроил его этот сон здорово. Я пытался успокоить, но без толку.

Часа в четыре севернее нас началась артиллерийская канонада. А у нас — тишина. Вдруг слышу сзади шорох. Кричу: «Стой, кто идет?» В ответ молчание, но я сразу догадался, что это снова проверяющий идет. Развернул пулемет и дал очередь поверх кустов. Он сразу заорал: «Свои, свои!». Спрыгнул к нам в окоп и говорит:

— Ну, ребята, счастлив ваш бог. В трибунал вас не отдадут. В шесть часов идем в наступление. Разведка доложила, что с нашего участка немец отошел. Будем его догонять.

Я-то знал, что такое «догонять». Немец просто отошел на запасные позиции, и когда мы подойдем поближе, начнет нас расстреливать в упор. Техника, как частенько бывало, отстанет, и нам, пехоте, жарко придется...

В НАСТУПЛЕНИИ

В 6.00 пошел наш батальон в наступление. Правда, батальон одно название — хорошо, если с роту наберется людей. Я впереди с пулеметом, напарник мой следом с дисками. Добежали до немецких окопов — там никого нет. Двинулись дальше. Впереди сосновый лес, искореженный взрывами снарядов и мин. Вдруг из-за деревьев выскочил немец — видать, снайпер замешкался, когда свои отходили. Побежал он от нас, пришлось дать очередь из «дегтяря». Здоровенный фриц был...

По лесу пошли шагом. Прошли уже километра три, как начался минометный обстрел. Потом к стрельбе подключилась пушка. До сих пор не пойму, с какой стороны били. Может быть, наши же артиллеристы и минометчики, не зная о том, что немцы отошли, били по нам. Мины рвались в кронах деревьев, не долетая до земли, а на головы нам вместе с осколками летели сучья, верхушки сосен, а то и по полдерева враз. Давай мы быстрее окапываться.

Надо сказать, в нашем подразделении большинство солдат были молдоване — в основном бойцы пожилые, необученные и необстрелянные. Среди них как-то поднялась паника. Рванули они из-под обстреля кучей, как бараны. Ротный кричит: «Назад!», а они как очумели, удирают во все лопатки. Он давай стрелять поверх голов — все равно никакого толку. Он тогда мне кричит: «Бей по ногам из пулемета!» Но как по своим-то бить? Я развернул «дегтярь» и дал длинную строчку поверх голов, прижал беглецов к

земле. Тогда ротный выскочил из ячейки — и к ним. Вернул, угощая пистолетом по спидам да по головам. К этому времени и минометный обстрел кончился. Жертв у нас, к счастью, не было. Отделались ушибами от сучьев да вершин деревьев.

Прошли лесом еще с километр и перед нами появилась железнодорожная насыпь, протянувшаяся поперек нашего движения. Забрались на нее и залегли. Впереди раскинулся луг, за ним — автострада, идущая параллельно железной дороге, а за ней в километре от нас видны большие каменные дома с островерхими черепичными крышами — город Альдам. До самого города чистое ровное место, только по обе стороны автострады посадки деревьев.

С севера и востока города идет бой. Слышна канонада, сквозь которую доносятся пулеметные и автоматные очереди и солдатское «Ура-а-а!», «играет» наша «катюша». У нас же тишина. И, как я и думал, с нами нет никакой техники — то ли лес помешал подтянуть ее сюда, то ли высокая железнодорожная насыпь.

Начался мелкий дождь, но такой нудный и густой, что пробирает аж до костей. Все мы промокли до нитки, лежим уже около часа. Ждем команды. Подходит политрук-капитан.

— Ну, что, братцы, будем здесь, на насыпи, замерзать или город брать? Смотрите, и без нас возьмут. Наша задача ворваться в город с южной стороны. На северной и восточной окраинах идет бой, только мы отстали. Давайте, не подкачайте. Вперед!

Спускаемся с насыпи и бежим вперед. Быстро согрелись — поле оказалось топким, сырым, еле ноги вытаскиваем из грязи — март, ничего не поделаешь. Пробежали уже половину поля. Из домов, что впереди, никто не стреляет. Но предчувствие подсказывает, что это неспроста, скоро нам устроят горячую встречу. Думаем, хотя бы до автотрассы дойти — там место посуше и за дорогу можно спрятаться. Вот уж до дороги осталось меньше 100 метров. Поперек пути протянулась канава с водой, грунт ее выброшен на нашу сторону. Слева, метрах в 50 от нас, скирда соломы. Вот мы уже подбежали к канаве. И тут началось! Снаряды, мины, пули вжали нас в землю. Благо насыпь у канавы еще спасает от пуль. А снаряд ударит в раскисшую землю, зароется в мягкий грунт и взрывается с каким-то глухим утробным звуком, закидывая всех жидкой грязью. Через минуту мы уже стали похожи на чертей — грязные, мокрые...

Вдруг огонь по нам прекратился. Немцы перенесли его на НП нашего батальона. Видно, заметили там скопление начальства. А мы лежим в воде, сверху дождь льет. Не подняться, не окопаться — срежут. Завидуем тем, кто в направлении скирды наступал. (Потом оказалось, зря завидовали. Снаряд прямо в эту скирду угодил, и она разом вспыхнула, не знаю, остался ли там кто-нибудь в живых). А мы замерзаем, вода, кажется, до костей уже проникла. И ни связи, ни одного офицера нет, только сержантик с нами. Мы на него: давай, мол, решай, что нам делать, ты у нас самый старший начальник. Он чуть не плачет. «Ну, какой, — говорит, — я вам начальник». В конце-концов решаем сами наступать короткими перебежками к автодороге. Все-таки она поднята на полметра над водой.

Первым слева в цепи лежал бывший военнопленный. Перед тем, как снова встать в

строй, он прошел проверку в особом отделе. Частенько говаривал, что прошел все мытарства и невзгоды, в плену не погиб, так неужели, мол, на фронте погибну? Ему первому делать перебежку. Открыли мы огонь по окнам домов, он вскочил на ноги, перепрыгнул канаву, пробежал обстреливаемый отрезок и распластался под дорогой. Теперь моя очередь. Товарищи торопят. Давай, дескать, быстрее. Я говорю: «Ребята, дайте сухарь пожевать». Сам же думаю, надо хоть немного нервы успокоить. Стал снимать вещмешок, чуть приподнял голову над насыпью — и тотчас же пуля по шапке: кирк! Пресекла завязки и шапку на голове развернуло так, что одно ухо оказалось над глазами. Тут у меня всякая охота пропала жевать сухарь.

СОН В РУКУ

В это время сзади подползли к нам младший лейтенант и молоденький связист. Появилась связь. Лейтенант рассказал нам, что на НП погибло много наших, убиты ротный, батальонный. В это время звонок — приказ младшему лейтенанту: «Подымай бойцов! Вперед!» Он в ответ: «Как начинать бой без артподготовки? Это же верная гибель». Ему: «Сейчас откроем огонь по домам. К нам прибыли две 76-мм пушки». И действительно, пушки немного постреляли по окнам домов. Но это была капля в море, только немцев озлили, те давай снова лупить по домам. По телефону опять приказывают: «Лейтенант, поднимайте людей, артподготовка окончена!» И мы все в голос: «Веди, младший лейтенант, промерзли все до костей». А он, видать, боится. «Если, — говорит, — я выскочу, то вы останетесь». Тогда мы сами решили дальше продолжать перебежки по одному. Благо, первый уже на месте. И на сухом месте.

— Ребята, бейте по окнам из всего оружия. Давай, братва!

Открыли огонь. Я перескочил через канаву и бросился вперед. А ноги от холода одеревенели, не слушаются. Бегу, как могу, петляю, как заяц, чтоб немец не мог меня на прицел взять. А немцы очухались и по мне огонь открыли, да какой! Пули по полам шинели щелкают, вот-вот — и капут мне. Хотел уже на землю броситься, а передо мной снова лужа. И до сухого-то места осталось всего ничего — метров десять. Дай, думаю, дотяну. В это время сильный удар в правую руку возле локтя. Упал я на левый бок и закрутился по земле волчком. Боль адская! Думал, что снарядом руку оторвало. Перевернулся на спину, смотрю: рука на месте, только вся в крови и развернуло ее наоборот. Вот уж верно сон в руку...

ГИБЕЛЬ НАПАРНИКА

Немец ожесточенно лупит по ребятам и по мне. Я весь в грязи. Лежу опять в луже, а до сухого места рукой подать. Кое-как снова перевернулся на левый бок и зубами цепляюсь за прошлогоднюю траву, за землю, стараюсь переползти на это сухое место под автодорогу.

Вдруг передо мной оказывается мой старичок-напарник. Кричит мне:

— Что с тобой, Боря?!

Я на него:

— Ложись, убьют!

Он прилег рядом, вытащил из кармана перевязочный пакет и хотел было мою руку из рукава вытащить. Ну, тут уж я взвыл — по руке словно раскаленным железом полоснуло.

— Что ты делаешь?! — ору. — Вытаскивай нож — он у меня на поясе — и режь рукав!

Не помню, как он меня перевязал. Кость оказалась перебитой, и как только он за нее заденет, я сразу сознание теряю. Наконец закончилась эта пытка.

— Боря, — говорит мне напарник, — давай я тебя волоком под автостраду подтащу. А мне рука даже приподняться не дает — такая боль, спасу нет. Я говорю.

— Забирай пулемет, ползи к дороге, копай пулеметное гнездо. А я уж как-нибудь сам до тебя доберусь потихоньку.

Не послушал он меня, вскочил на ноги и метрах в трех от меня повалился. Успел только прохрипеть: «Боря, я готов». Заскоблил землю ногами и скончался... Недаром, видно, и ему сон приснился.

Я кое-как подполз под дорогу. Перевернулся на спину, лежу и чувствую, как силы постепенно уходят. Вскоре рядом появились наши солдаты, залегли цепью. После залпа «катюши» раздалась команда «Вперед!». Солдаты выскочили на дорогу, но проскочить ее не удалось никому — место тут немец так пристрелял, что и зайцу не проскочить.

Подползло еще подкрепление. Рядом со мной оказались политрук и старший лейтенант. Снова команда «Вперед!» — никто из бойцов не поднимается. Политрук старшему лейтенанту: «Веди бойцов!» Тот в ответ: «Сам веди!» Политрук вынимает пистолет и на лейтенанта, тот тоже за пистолет схватился...

ПОД ГУСЕНИЦАМИ ТАНКА

В это время с немецкой стороны показались три танка. А у нас никакой защиты от них нет, и дрогнула наша цепь, покатила назад. Я же как лежал на спине, так и лежу. Не то что отползли, перевернуться и то не могу.

Танки выползли на дорогу. Наши пушки открыли по ним огонь. Левый танк сразу загорелся, а два других остановились и давай бить по пушкам. Вскоре средний танк — видать, струсили фрицы — развернулся и рванул назад, а правый выдвинулся еще вперед, гусеницы его нависли прямо надо мной (я ведь лежал под дорогой). Продвинулся он еще чуть-чуть и поминай меня, как звали...

Надо мной нависла танковая пушка с набалдашником. Вот из нее вырвался снап огня, грохот оглушил меня. Еще один выстрел, еще... Я и маму мою вспомнил, и бога, хоть молиться не умел. Тоска смертная, до чего не хочется умирать в чужой немецкой земле! Хорошо бы вывезли хоть в Белоруссию, там похоронили, все к родному Уралу ближе и земля там уже наша.

Но, видно, родился я в рубашке. Танк вдруг развернулся и, обдав меня своими вонючими выхлопными газами, укатил в свой тыл. А я остался лежать в каком-то полубессознательном забытии.

Очнулся в сумерках от сильного грохота. Наши вновь готовили наступление. Часа

полтора дальнобойная артиллерия и «катюши» долбили немцев на нашем участке. Потом канонада затихла и вперед пошла родная пехота. Я левой рукой нащупал карабин убитого рядом солдата, кое-как упер его прикладом в землю и покачиваю стволом, чтобы меня ненароком не стоптали. А справа и слева грохочут наши танки, на ходу бьют по городу. И пехота уже ворвалась на окраины Альдама...

В МЕДСАНБАТ

Появились санитары. Ко мне подошли. «Во что ранен?» «В руку». «Давно лежишь?» «Давно, в тыл бы надо идти, но подняться не могу». «Сейчас поднимем». Санитар оказался опытный. Осмотрел руку. «Понятно, держись крепче». Резким движением выправил руку и согнул ее в локте, аж кости перебитые захрупали. От адской боли я потерял сознание.

Повели меня двое санитаров на бывший НП. А там ничего не осталось, немцы все раздолбали. Один только какой-то домик уцелел в стороне. Собрали нас там раненых человек пять, уложили на пол на солому. А весь наш батальон остался навечно лежать в поле...

Старшина побежал искать ездового у вокзала. Не нашел. Солдаты сказали, что как только начался обстрел, он удрал на лошади в тыл.

— Вот гад! — вспылил мой земляк. — Поймаю — самолично расстреляю! В санбат ребят из-за него неначем везти. Ну, ладно, вы, ребята, подождите чуток, сейчас я в тыл поеду, найду транспорт и всех вас в санбат отвезу.

Развернул он свою кухню и мне предложил устроиться на задке. Подсадил меня, обвязал телефонным кабелем, чтоб я не свалился, поехали тихонечко. А уже темно, ночь. Только въехали в сосновый бор, навстречу повозка. Тот самый ездовой, что удрал при обстреле, возвращается. Мой старшина к нему:

— Где ты был, гад?

Тот, заикаясь, лопочет, что как-де начался обстрел, лошадь с привязи сорвалась и убежала, а он ее догонять бросился.

— Я бы тебя сейчас расстрелял, — говорит старшина, — да раненых надо вывести. А ну, быстро за ранеными! — и по щекам его для убедительности отхлестал. — После разберемся!

Довез меня старшина до медсанбата. Попрощались мы с ним. «Повезло тебе, земляк, — сказал он, — хоть и калека. А мне, вот, не знаю, какая судьба достанется. Эх, дожить бы до победы»...

Так кончилась для меня война. Кончилась 17 марта 1945 года. Потом долго лежал я в госпиталях Германии, Польши, России. Только 15 июля 1945 года выписали и комиссовали подчистую как инвалида второй группы.

А отец мой Оберюхтин Александр Ефимович пошел добровольцем в Уральский танковый корпус, с боями прошел от Курской дуги до Берлина и в Берлине погиб...

* * *

Необычную эту главу необычно и закончим. Если в воспоминаниях Бориса Александровича Оберюхтина мы проследили несколько мгновений его фронтовой жизни, то в пись-

мах с фронта (они сохранились) мы можем судить уже о годах, проведенных на войне. Трогательная забота о маме, о семье. Краткие успокаивающие вести о себе...

«Всем шлю красноармейский привет. Сообщаю, что жив и здоров. Мама, если будешь посылать посылку, паек от себя, пожалуйста, не отнимай. Все равно мне этим не прокормиться. По-возможности берегите картошку. Старайтесь посадить ее как можно больше. Не знаю, как будете страдовать. «Ничего, мама, все переживем, только береги себя».

«Пока письма не посылайте. Переехал на новое место, адрес не установился... Обо мне не беспокойтесь, живу ничего».

«Здравствуйте, милая жена Нюра и сын Гера. Шлю вам свой боевой привет. Сообщаю, что все у меня в порядке. Сейчас — на отдыхе.

Живу хорошо. Но в голове крутится одна и та же мысль» «Когда же домой?» Хочется вернуться поскорее. Ваши письма получаю редко. Недавно написал в райком партии с просьбой, чтоб помогли моей семье. Ведь у тебя, Нюра, муж и сын ушли добровольцами. Но, кто его знает, что решат, ведь над ними не рвутся снаряды...»

ГЛАВА 15

«Мы зарабатывали этот орден кровью»

Начну эту главу необычно. А именно с книги депутата Государственной Думы I и II созывов, лидера Либерально-Демократической партии России В. В. Жириновского «Последний вагон на Север» (Москва, 1995 год, третье издание).

Оговорюсь сразу. Я — не жириновец, противник некоторых его идей. Но он ратует за Россию, которую собирали цари и Сталин. Он против растаскивания России по суверенным закоулкам.

В частности речь пойдет о попрании справедливости, об унижении фронтовиков. В главе 16 «Патриотизм — это высшее качество человека!» на страницах 94—95 приводится письмо ветерана войны, по известным причинам пожелавшего остаться неизвестным.

«Владимир Вольфович!

К президенту не пробиться — его окружает плотная стена холуев. Вы можете пробиться в Думе.

Умоляем, просим, настаиваем: **УДЕРЖИТЕ ПРЕЗИДЕНТА ОТ ОЧЕРЕДНОГО ГЛУМЛЕНИЯ НАД ФРОНТОВИКАМИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!** Пусть он оставит идею очередного массового награждения орденами и медалями в годовщину Победы в 1995 году.

Хватит того, что Горбачев в 1985 году обесценил и испохабил орден Великой Отечественной войны (так в тексте. По статуту эта награда называется орденом Отечественной войны. — Ю. М.) тем, что наградил повально всех подряд! По статуту ордена не было формулировки — наградить за **ПРИСУТСТВИЕ НА ВОЙНЕ И ПОБЛИЗОСТИ.**

Мы зарабатывали этот орден кровью».

Я полностью солидарен с автором письма насчет ордена Отечественной войны. Неужели в год 40-летия Победы нельзя было придумать что-то другое, чтобы достойно отметить ветеранов, при этом не принижая статута ордена Отечественной войны и не унижая фронтовиков, получивших этот когда-то престижный орден на фронте. Горбачев практически единолично перечеркнул Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года об учреждении ордена Отечественной войны. А статут таков:

Орденом Отечественной войны награждались военнослужащие и партизаны, проявившие в боях за Родину храбрость, стойкость, мужество.

Орден имеет две степени: I и II. Высшей степенью является первая.

Орденом награждались те, кто: метко поразил и разрушил особо важный объект в тылу противника; Мужественно выполнял свои обязанности в экипаже самолета при выполнении боевого задания, за которое штурман или летчик награждены орденом Ленина; совершил от 15 до 60 успешных боевых вылетов; лично уничтожил 2 тяжелых

или средних или 3 легких танка (бронемашин); первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон; организовал и высадил морской десант на территории противника и др.

Готовя материал, я попросил в городском совете ветеранов список людей, награжденных этим орденом во время войны. В нем оказалось всего лишь около двух десятков фамилий. Не претендуя на полноту списка, назову несколько имен и фамилий. Их краткий боевой путь.

Павел Михайлович Журавин. Сержант. Начинал войну под Москвой, закончил ее в Берлине. Был ранен. Награжден также двумя орденами «Красной Звезды», двумя медалями «За отвагу» и др. В мирное время П. М. Журавин награжден орденом «Октябрьской революции».

Иван Иванович Котов. Сержант. Служил на Дальнем Востоке. Защищал Москву.

Григорий Петрович Половченя. Рядовой. Пулеметчик. Войну закончил в Германии. На Зееловских высотах был ранен. Награжден также медалью «За боевые заслуги».

Николай Максимович Решетников. Старшина. Танкист. Служил в армии с 1943 по 1951 годы. Воевал в составе III Украинского фронта. Был тяжело ранен.

Федор Матвеевич Суров. Старший сержант. Воевал в составе Волховского и I Украинского фронтов.

Михаил Савельевич Косарев. Старший сержант. Минометчик. Воевал с 1941 по 1945 годы. Награжден также медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами.

Иван Харитонович Симонов. Старший лейтенант. Участник Финской и Великой Отечественной войн. Был ранен.

Леонид Федорович Важесов. Сержант. Служил в специальных войсках по борьбе с бандитизмом. Был ранен.

Степан Евдокимович Вернидубов. Старшина. Участвовал в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, в Финской и Великой Отечественной войне.

Евгений Николаевич Подчиненов. Майор. Воевал в составе Сталинградского, Калининского, Прибалтийского, Ленинградского фронтов. Награжден также медалями «За отвагу», трижды ранен и контужен.

Иван Яковлевич Прокопьев. Капитан. Воевал в составе Центрального и I Прибалтийского фронтов. Был контужен и ранен. Награжден также медалью «За отвагу».

Иван Александрович Каракуц. Рядовой. Воевал в составе Воронежского фронта. Был ранен. Награжден также медалью «За отвагу».

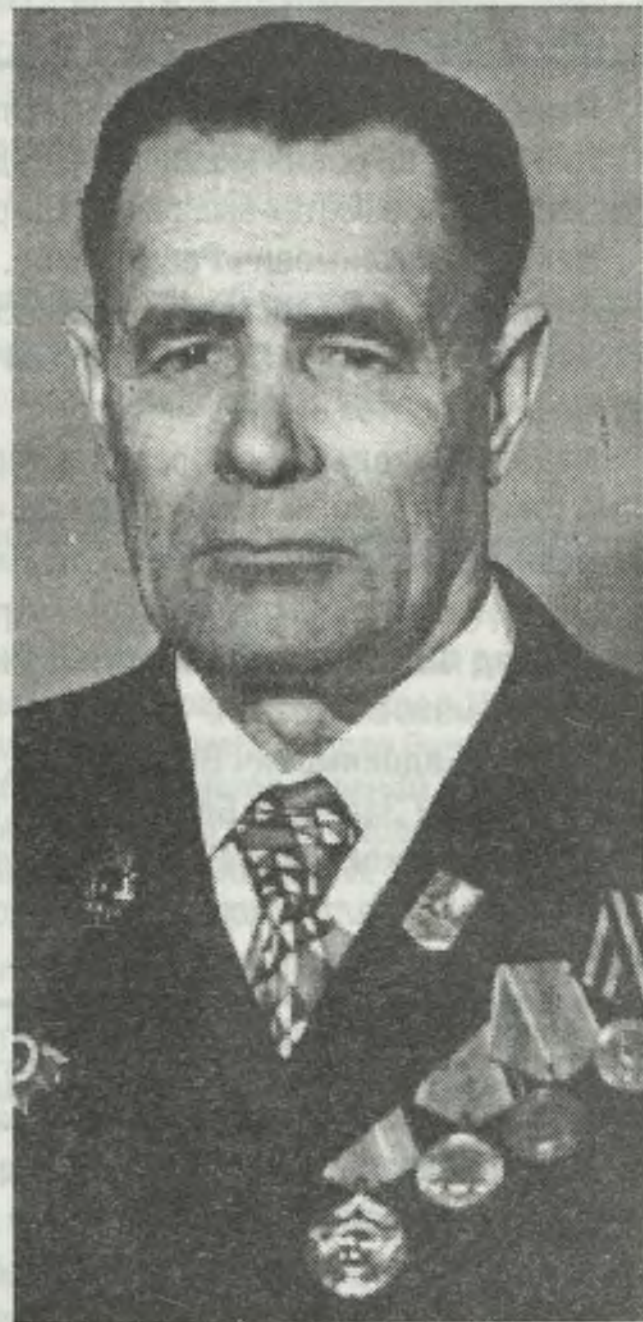
Некоторые кавалеры ордена Отечественной войны, не упоминаемые здесь, будут фигурировать в других материалах. В список включаем также **Ивана Ефимовича Мотузова** (читайте о нем в материале «Иного не было пути»), **Александра Михайловича Глотова** и **Василия Николаевича Пушкарева** (читайте материал «И все это было пройдено»). В последнюю минуту перед сдачей рукописи в набор мне сообщили, что этим орденом награждены также **С. П. Кудин**, **К. И. Медяник**. Читайте также материал о **П. К. Шитоеве** и других кавалерах ордена Отечественной войны.

ГЛАВА 16

И все это было пройдено

Александр
Михайлович
ГЛОТОВ

Василий
Николаевич
ПУШКАРЕВ

Одна из трагических страниц истории Второй мировой войны — это ленинградская блокада. А прорыв ее — одна из самых героических операций Советской Армии в Великой Отечественной войне.

Среди ветеранов Качканара есть люди, сражавшиеся с врагом в составах Волховского и Ленинградского фронтов, историческая встреча которых состоялась 18 января 1943 года. Она ознаменовала прорыв 999-дневной блокады многострадального города, в котором от голода и холода погибло почти полмиллиона ленинградцев, покоящихся на Пискаревском мемориальном кладбище.

...Причудливы судьбы людские. Десятки лет прожили в нашем небольшом городе ветераны войны и труда Александр Михайлович Глотов и Василий Николаевич Пушкарев. Хорошо знали друг друга по качканарской жизни, но не знали, что воевали в одной 71-й Краснознаменной Торуньской стрелковой дивизии. Первый был офицером — начальником штаба батальона связи, второй — пехотным старшиной (позднее тоже стал офицером). На одной из встреч, посвященный Дню Победы, они увидели на груди друг друга одинаковые памятные знаки...

Александр Михайлович Глотов, экономист по образованию, приехал в Качканар в 1960 году. Работал заместителем директора горно-обогатительного комбината, возглавлял партийный комитет.

Василий Николаевич Пушкарев начал осваивать Качканар практически сразу же после войны, работал в геологоразведке, затем в строительных организациях Качканара.

Оба ветерана награждены высокими правительственными наградами, как за ратный, так и за созидательный труд, в том числе и орденом Отечественной войны, полученным на фронте.

После Ленинграда шли они дальше на Запад. До самой Победы. Было много еще на их пути трагедий, горя, радости побед. Все это они хорошо помнят. Но, вероятно, трагически-радостное событие (и так бывает!) — освобождение от врага великого города на Неве — одно из самых памятных в их жизни.

Привожу рассказ Василий Николаевич Пушкарева о том, как они прорывали ленинградскую блокаду:

— Осенью 1942 года наша дивизия оставила Карелию, унося с собой память о труднейших сражениях в этом суровом краю. В конце декабря дивизия вошла в состав 2-й ударной армии Волховского фронта. Стало ясно: идем на прорыв вражеской блокады Ленинграда. Весь декабрь 1942 года и почти половину января 1943-го войска напряженно готовились к предстоящему наступлению. О том, что оно скоро начнется, свидетельствовал факт приезда на фронт маршала К. Ворошилова, генерала армии Г. Жукова и других высоких военачальников.

12 января в 9 часов 30 минут началась артподготовка, а через два часа после нее — операция по прорыву блокады, длившаяся семь дней и ночей.

Полоса наступления была густо напичкана сетью гитлеровских траншей, дотов, минных полей, проволочных заграждений. Спротивление фашистов было бешеным. Мы несли большие потери. Только один наш батальон четырежды получал пополнение из

резерва армии. Основным ядром пополнения были солдаты и сержанты, прибывшие на фронт после излечения в госпиталях. Прибывали и молодые воины (1924 года рождения), призванные из всех 16-и республик.

Массовая гибель наших воинов объяснялась просто. Ведь каждую огневую точку врага приходилось брать в лоб. Обходных путей не было. В этом я убедился, когда сам оказался в боевых порядках, будучи направленным на должность командира роты взамен погибшего офицера. Заметьте, я был тогда старшиной. Офицеры все погибли.

Передо мной была поставлена задача овладеть двумя фашистскими дотами, удаленными от нас на 100-150 метров. Поддерживали нас станковый пулемет и две 45-миллиметровые пушки. Но даже при прямом попадании снарядов доты оставались целыми. Местность вокруг голая, снег смешан с землей, хлюпает под ногами ржавая болотная вода.

После первого броска солдаты надолго залегли. Огонь был шквальным. Подбирались к дотам ползком. Около одного из них заметил наших солдат. Скомандовал: «Вперед!» Никакого движения. Оказывается я дал команду... убитым солдатам. Обошли с двумя красноармейцами дот с тыла. Раскрыли дверь. Увидел я гитлеровца, метнувшегося в угол. Он успел выстрелить первым, ранил меня в ногу...

Приволокли меня в медсанбат, и тут на моих глазах произошла трагедия. Прямым попаданием снаряда накрыло палатку медсанбата. Погибли раненые и весь медперсонал. А случилось это буквально в 500 метрах от спешивших на соединение с нами частей Ленинградского фронта...

Беседую с Александром Михайловичем Глотовым. Искоса поглядываю на «иконостас» на костюме хозяина. Два ордена Отечественной войны, орден Красной звезды, орден Трудового Красного Знамени. Медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией». И еще одна медаль. Необычная — «В память 1500-летия Киева». В Качканаре этой медалью были награждены три человека — А. М. Глотов, В. Н. Пушкарев, К. Н. Новиков.

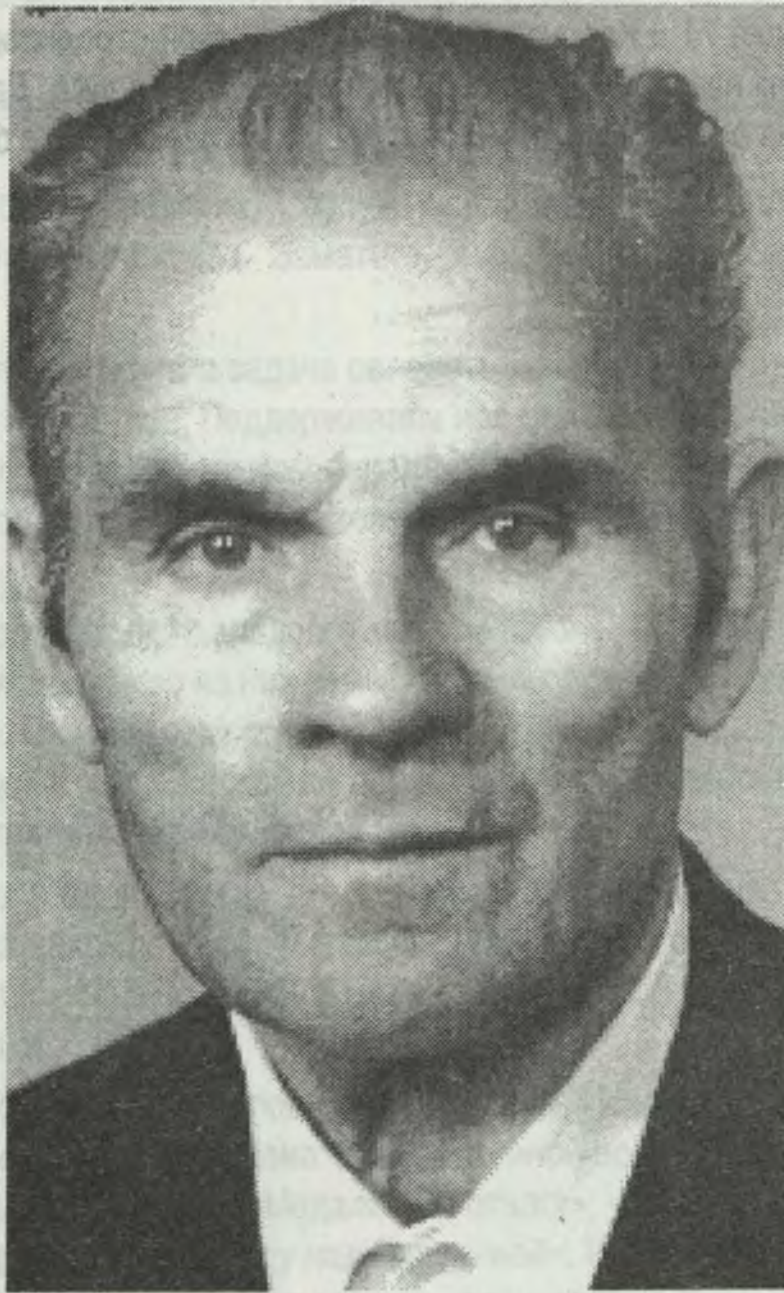
Бывший начальник штаба батальона связи 71-й стрелковой дивизии капитан Глотов показывает схемы боевого пути, фотоальбомы, книгу «Вспоминают ветераны» — о воинах этой дивизии. На двух иллюстрациях книги узнаю молодого офицера Глотова.

... Ехали на подводе по дороге, рядом телефонная линия. Повозка наехала на противотанковую мину. Взрыв подбросил Глотова до самых изоляторов... Тяжелейшая контузия. А перед этим еще в 1941 году, отступая под напором врага из Карелии, обморозил руки, ноги, лицо.

Стало трудно ходить. Замучила спина. А первый серьезный «звонок» прозвенел уже после Победы. В числе других счастливиц Александр Михайлович должен был принимать участие в знаменитом параде Победы. Ходил на занятия по строевой подготовке, тренировался. И упал однажды от резкой боли в спине...

Так и мучается всю жизнь спиной и ногами. Ни курорты, ни санатории не помогают излечить травмы, нанесенные войной.

На памятном знаке 71-й Краснознаменной Торуньской стрелковой дивизии есть четыре географических названия: Карелия, Синявино, Курская дуга, Данциг. Чтобы пройти этот путь, надо было воевать в составе восьми фронтов. Пройти с боями тысячи верст. И все это было пройдено.

Кавалер ордена Ленина, трех орденов
Отечественной войны (два получены на
фронте), Красной Звезды и других боевых и
мирных наград

Яков Никитич
ВЛАСЕНКО.

**СОВСЕМ НЕДАВНО
ВЕЧНАЯ**

Кавалер трех орденов Красной Звезды и
других боевых наград

**Павел Николаевич
МАСЛОВ.**

Кавалер двух орденов Славы и других
боевых наград

**Василий Акимович
НЕСТЕРОВ.**

**ОНИ БЫЛИ СРЕДИ НАС.
ПАМЯТЬ!**

Группа ветеранов поселка Валериановск

ГЛАВА 18

Ветераны горняцкого поселка

Бывший прииск, а ныне горняцкий поселок Валериановск в жизни Качканара играет особую роль. Он первооснова нашего города. Отсюда прорубили первые просеки к будущему городу и комбинату. Отсюда увезли в Нижний Тагил первую тонну железной руды. Здесь стоит памятник павшим бойцам за свободу нашей Родины.

*А к мертвым,
выправив билет,
все едет кто-нибудь
из близких.
И время добавляет
в списки:
еще кого-то нет.
И ставитobeliski.*

Из 450 ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в Качканаре, тридцать с небольшим доживают свой век в Валериановске.

В клубе «Ветеран» экспонируется несколько фотоальбомов. Один из них посвящен тем, кто ушел из жизни. Он объемист, в нем сотни фотографий, как свежих, так и пожелтевших, растрескавшихся, с обломанными уголками, царапинами. Их бережно реставрировали. Еще один альбом. Он посвящен труженикам тыла.

На стене — несколько планшетов, посвященных ныне живущим фронтовикам. 34 человека. Но две фотографии в траурных рамках. Значит, осталось 32... По крайней мере, на то время, когда писались эти строки — во второй декаде февраля 1996 года. Уходят один за другим из жизни ветераны Великой Отечественной. Но остаются их воспоминания, фотографии, письма, награды и другие ценные реликвии.

Я рассматриваю фотоальбомы, а за стенкой звучат песни, музыка. На очередную репетицию собрался хор клуба «Ветеран». Здесь — участники войны, труженики тыла, их дети.

Беседую с нынешним руководителем ветеранской организации поселка Капиталиной Николаевной Лапшиной и бывшим ее руководителем, активным сторонником ветеранского движения Виктором Матвеевичем Прокошевым. Они рассказывают об истории сооружения памятника воинам-валериановцам, создания клуба «Ветеран», о трудностях, с которыми сталкивались прежде и сейчас, добрым словом вспоминают своих предшественников.

Клубу «Ветеран» 10 лет. Сначала ютились по разным углам, в библиотеке, в клубе

«Ромашка». Но вот уже пять лет, как переехали в отдельный деревянный дом старой постройки. Его обшили снаружи досками, внутри оштукатурили, покрасили. 620 пенсионеров поселка пользуются его услугами. Клуб славится как в поселке, так и в городе. Здесь справляют торжественные даты, дни рождения ветеранов, дни поселка. Клуб является центром культуры, военно-патриотического воспитания.

ВETERАНЫ ВОЙНЫ ВАЛЕРИАНОВСКА

Алласте Евдокия Николаевна. Медсестра. Воевала в составе Ленинградского фронта.

Анисимов Панкрат Тимофеевич. Участник войны с Японией. Специалист колесных машин.

Бовыкин Александр Дмитриевич. Участник войны с Японией. Пулеметчик.

Брылунова Полина Ефимовна. Участница войны с Японией. Старший сержант. Связист.

Бабилов Иван Александрович. Сержант. Радист. Кавалер орденов Красной Звезды, Славы III степени и др.

Булдаков Леонид Степанович. Участник войны с Германией и Японией. Танкист. Пулеметчик.

Валиахметов Маснали Хазиахметович. Воевал в составе II Украинского фронта.

Возовиков Павел Александрович. Гвардии ефрейтор. Связист. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Вернидубов Степан Евдокимович. Участник Финской и Великой Отечественной войн. Старшина. Шофер. Кавалер орденов Отечественной войны I и II степени и др.

Ганичев Николай Михайлович. Сапер. Награжден медалью «За отвагу» и др.

Головщиц Вильгельм Эдиславович. Пулеметчик. Награжден медалью «За отвагу» и др.

Жуковец Михаил Васильевич. Стрелок-десантник.

Коннов Илья Григорьевич. Башенный стрелок танка «Т-34». Сержант.

Клещёнок Виктор Васильевич. Партизан Великой Отечественной войны (читайте о нем очерк «В тринадцать мальчишеских лет»).

Кунилов Яков Авдеевич, шофер-повар.

Лужбин Андрей Николаевич. Стрелок военно-воздушных сил Северного флота.

Лужбин Владимир Николаевич. Участник войны с Японией. Сержант. Зенитчик.

Молчанов Алексей Андреевич. Участник трех войн — Финской, Великой Отечественной, Японской. Награжден медалью «За отвагу» и др.

Оберюхтин Борис Александрович. Пулеметчик. Награжден медалью «За отвагу» и др. (Читайте его воспоминания «Под гусеницами танка»).

Постников Николай Ефстафьевич. Участник войны с Японией и Германией. Связист.

Питателев Степан Иванович. Рядовой. Шофер. Кавалер ордена Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Попов Валентин Михайлович. Рядовой. Награжден медалью «За отвагу» и др.

Прокуров Геннадий Иванович. Воевал в воздушно-десантных войсках. Награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и др.

Сомов Евгений Степанович. Стрелок.

Сазонов Василий Петрович. Артиллерист.

Упоров Владимир Павлович. Авиадесантник.

Худяков Виктор Алексеевич. Участник войны с Японией. Радист. Пулеметчик.

Харин Вениамин Селиверстович. Сержант.

Шитов Виктор Иванович. Участник войны с Японией. Матрос.

**Василий Григорьевич
ОТРЕПЬЕВ**

ГЛАВА 19

Строки из биографии

Худощавый, стройный, подтянутый. Улыбающийся, веселый, задорный. Таков краткий портрет бывшего старшины Василия Григорьевича Отрепьева — кавалера двух орденов Красной Звезды, Славы III степени и других ратных наград.

Одно только перечисление фронтов, городов, в которых воевал и которые штурмовал он, займут немало места.

421-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион. 215-я стрелковая Смоленская, Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия. Калининский, Западный, III Белорусский, I Дальневосточный фронты.

Участвовал в военных операциях по освобождению от немцев городов: Русев, Смоленск, Борисов, Вильнюс, Каунас, Кайльсберг, Фридланд, Истенбург, Кенигсберг, Харбин...

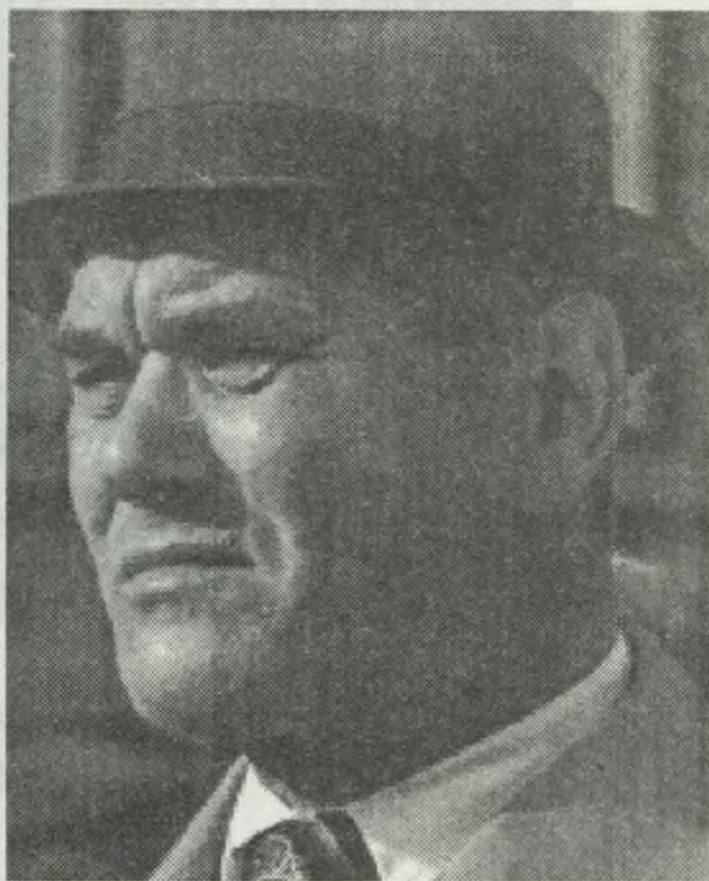
Август 1945 года. Тяжелое пулевое ранение под Харбином. Февраль 1946 года — демобилизован, как инвалид войны II группы.

В 1948 году окончил Свердловскую юридическую школу. На Качканарском ГОКе трудился 22 года.

Кавалер
ордена Красной Звезды,
артиллерист
Виталий Васильевич
СМИРНОВ

Кавалер ордена
Отечественной войны,
танкист
Николай Максимович
РЕШЕТНИКОВ

ГЛАВА 20

Пропахали пол-Европы

Виталий Васильевич Смирнов войну начал с Курской битвы в рядах 299-й стрелковой дивизии в июне 1943 года командиром отделения пулеметчиков, помощником командира взвода.

После госпиталя его направили в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус в 152-й гв. истребительно-противотанковый артиллерийский полк (ИПТАП). Участвовал в боях в Белоруссии, Польше, Румынии, Венгрии, Чехословакии, закончил войну в Праге. Был заряжающим, наводчиком, командиром орудия. Затем Виталий Васильевич служил на Дальнем Востоке в 99-м гвардейском минометном полку «катюш». В. В. Смирнов ведет большую переписку с однополчанами, неоднократно с ними встречался. На основе их воспоминаний написал книгу «ИПТАПОВЦЫ».

* * *

Я часто встречаю Николая Максимовича Решетникова в своем микрорайоне. Косая сажень в плечах, высок, строен. Выправка гвардейская. И немудрено. В армии прослужил восемь лет — с 1943 по 1951 годы.

Механик-водитель танка старшина Решетников воевал в составе 4-го механизированного корпуса на III Украинском фронте. Тоже «пропахал» пол-Европы. Был тяжело ранен. За боевые заслуги прямо на передовой вручали ему орден Отечественной войны.

Прокопий Кузьмич
ШИТОВ

ГЛАВА 21

Кто с мечом к нам войдет...

Несомненно, что одним из самых заслуженных участников войны в Качканаре является Прокопий Кузьмич Шитоев, которому исполняется 82 года. Он служил в Красной Армии с 1941 по 1959 годы. Воевал в составе Центрального, I, II Прибалтийских и других фронтов, дошел до Эльбы, где встретились войска антигитлеровской коалиции. Он был дважды ранен и один раз контужен.

На снимке из 1943 года гвардии майору командиру полка Прокопию Шитоеву — 29 лет. Обратите внимание на его награды. Это высшие знаки воинской доблести. Два ордена Александра Невского, ордена Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и другие. Всего на груди заслуженного воина около десяти орденов и более 30 медалей.

«Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет» — эта крылатая фраза принадлежит знаменитому полководцу Александру Невскому. Не зря во время войны были учреждены ордена, названные именами наших великих предков — Суворова, Кутузова, Хмельницкого, Нахимова, Ушакова, Невского — за полководческое искусство. С именами этих знаменитых людей, с полками и дивизиями, на знаменах которых сверкали эти и другие награды, под командованием таких геройских командиров, как Прокопий Кузьмич Шитоев, бойцы Красной Армии отстаивали честь своей Родины, освободили Европу от фашистских мракобесов.

**Николай Михайлович
СЕМЕНОВ**

ГЛАВА 22

Наступит время подводить итоги...

Накануне 50-летия Победы большая группа ветеранов войны отдыхала в профилактории «Зеленый мыс». Среди них находился и Николай Михайлович Семенов. Он оставил в книге отзывов стихи. Они верно отражают внутренний мир ветерана.

Наступит время подводить итоги

Минувшему — я знаю наперед!

Лишь кое-как на взвод убогий

Россия ветеранов наберет.

...И где-то звезды в вышине

Уронят свет во мгле.

Пусть будет больше тишины

И мира на земле!

Военного лиха хлебнул Николай Михайлович предостаточно. Служил с 1942 по 1956 годы. В анкете, заполненной им лично, скромная запись без расшифровки о награждениях. 3 ордена, 15 медалей СССР, 3 медали КНР.

На фотографии 1983 года бывший командир роты капитан Семенов запечатлен в военной форме. На его груди ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», медали трех степеней Китайской Народной Республики. С 1950 по 1955 годы Николай Михайлович принимал участие в интернациональных боевых действиях на стороне Китая и Северной Кореи. А до этого была Великая Отечественная война, на которой он, командир взвода, затем — роты участвовал в боях с фашистами на Северокавказском, трех Белорусских фронтах, в отдельной армии в Крыму и др. Четырежды был ранен, получил увечье рук, был также контужен.

Николай Михайлович один из активистов ветеранского движения, патриотического воспитания молодежи.

ГЛАВА 23

● Рассказ-быль

Когда бы не было войны

(ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА)

Когда закончилась война, мне было восемь лет. День Победы я запомнил по звукам гармошек, раздававшихся то в одном, то в другом конце нашего большого уральского села, частушками девчат, залихватскими плясками молодых ребят. Еще — звуками граммофонных торжественных маршей, вылетающих из открытых окон детдома, где жили эвакуированные ленинградские дети. И еще — редкими слезами радости женщин, которые совсем недавно получили письма с фронта от мужей, братьев и сыновей. Значит, они вот-вот вернутся домой. И, конечно, скорбными лицами большинства женщин, которые знали, что их мужья, братья, сыновья никогда уже не напишут, никогда не вернутся домой.

Наступило яркое мирное лето, а мы, пацанята, по-прежнему играли в войну. А потом пришла хмурая затяжная осень. В село стали возвращаться уцелевшие фронтовики.

Особенно ярко запечатлелись в памяти два случая. Потому что один из пришедших был отцом моего одноклассника, а второй — отцом одноклассницы. По этому праву я мог быть не только свидетелем торжеств, но и участником. То есть, взобраться на полати и с высоты созерцать происходящее.

Приезд отца моего дружка Проньки заставил ахнуть от восхищения и изумления все село. Пронькин отец прибыл из районного центра (25 километров от нашего села) на райисполкомовской «эмке». И это было одним из первых чудес. Потому что сельчане до района и обратно добирались в те времена пешком, в лучшем случае на лошадях.

Он вышел из машины в сиянии медалей и отполированных до солнечных бликов хромовых сапогах. Высоченного роста, широкоплечий, со старшинскими погонами. На покрасневшем лице усы, «как у Буденного».

Он степенно обнял повиснувших на нем жену, детей, родственников, кивнул окружившей его толпе сельчан и открыл заднюю дверь «эмки». Из чрева ее он вынул шесть объемистых чемоданов. И это было второе чудо. Чемодан в деревне — большая редкость. Если у кого и были они, то деревянные. А тут... Сверкающие никелем уголки и замочки, замысловатые ремешки и бугристая темно-коричневая кожа.

Когда семья готова была усесться за стол, случилось третье невиданное чудо. Женщины метали на стол жареное, вареное, бутылки с мутноватой белесой жидкостью, потрескавшиеся и облупившиеся деревянные ложки. После того, как в центр стола они

водрузили фыркающий паром и сверкающий медью самовар, Пронькин отец, молча наблюдавший за действием своих родичей, тихо произнес:

— Отставить. Убрать. Все убрать.

В том, моем далеком детстве я, естественно, не читал Гоголя и не знал о его знаменитой немой сцене из «Ревизора». Повзрослев, я в кино увидел эту сцену и понял, что вижу ее уже во второй раз. После слов «все убрать» люди, находящиеся в избе, замолкли и застыли на несколько мгновений в вопросительном и почтительном недоумении.

Пронькин отец поднялся и пока женщины, передвигаясь на цыпочках, убрали со стола нехитрую крестьянскую снедь, открыл малюсеньким ключиком один из чемоданов. Он водрузил его на стол и ленивыми движениями огромных клешнчатых рук, покрытых рыжими волосками, стал вынимать из нутра его тарелки с золочеными ободками и какими-то мудреными рисунками в центре, сверкающие ложки, вилки, ножи и еще кучу непонятных предметов.

— Саксонский фарфор. Мельхиер, золото и серебро. Все это называется сервись. Одно слово, Европа, — обстоятельно объяснил Пронькин отец.

Затем на смену первому он открыл второй чемодан. на столе, как на скатерти-самобранке, появились бутылки — пузатые, квадратные, длинные, затем невиданные стопки.

— Фюзеры и рюмки, — объяснил Пронькин отец. — Из них пьют...

Кто-то прыснул в кулак. Как будто непонятно, что из них не едят...

— А это — шнапсь, коньяк, виска, джигин. А вот и закусь. Шпреты, крабы, сосиськи, беконь... Одно слово, Европа.

Необыкновенным рогатым ножом со штопором Пронькин отец со знанием дела откупорил бутылки, вспорол консервы, разрезал колбасу, «сосиськи» и «беконь», разложил по тарелкам.

— Вот таперича можно начинать.

Сначала выпили за возвращение фронтовика всей семьей. Затем обнесли рюмочкой каждого присутствующего. Пили, чмокали, вздыхали. Старый-престарый дед Трофим после первой рюмки виски сморщился, чихнул, шепотом произнес:

— Гадость. Я на Японской когда-то такую пробовал. Лучше нашей русской нет.

Забубнили, заговорили, пытались что-то запеть. Кто-то принес русскую гармошку. Пронькин отец остановил гармониста властным движением руки. Открыл третий чемодан. И извлек из него сверкающий перламутром аккордеон.

— Могешь?

— Попробую. На баяне-то играл. И с этой штукой, думаю, справлюсь.

Несколько минут он перебирал клавиши и кнопки и вдруг рванул «Барыню». И понеслись над вечерним селом такие знакомо-незнакомые звуки, и поднялся дым коромыслом. И исчезли в мгновение ока со стола заморские деликатесы, и дымились пельмени, матово блестели на заграничных тарелках крупно нарезанные лохмотья квашеной капусты, зеленели малосольные огурчики, белели соленые груздочки, рекой лились самогон и бражка.

Пронькин отец вдруг вскочил, вскрыл остальные чемоданы, к нам на полати полетела

пригоршня конфет, на родственников — какие-то платья, нижнее женское ажурное белье, меха, обувь. Под конец он выхватил из чемодана свернутое в трубку какое-то полотно, развернул его...

Боже ты мой! Кто-то захихикал, кто-то стыдливо отвернулся. Лежащий рядом со мной на полатах Еська Косолапов брякнул громко:

— А титьки-те, титьки-те точно, как у нашей дурочки Анфисы...

Я больно толкнул его локтем в бок.

Пронькин отец вновь раскрыл первый чемодан, подозвал жену и приказал:

— Всем гостям по ложке и вилке! Всем!!!

Первой претенденткой на подарок оказалась Глаша, молодая красивая вдова с бледным лицом и яркими губами. Муж ее погиб в первый год войны.

Когда Пронькина мать подошла к женщине и произнесла «Прими, Глашенька», вдова отшатнулась, в упор уставилась на Пронькиного отца и проговорила тихо:

— Не совестно тебе, Иван? Знаешь, кто ты есть, ты...

— А-а-атставить!!! — пьяно заорал Пронькин отец.

— Дураком ты был, дураком и остался. Извиняйте, ваше грабительское благородие.

И Глаша, бросив полный презрения взгляд на Пронькиного отца, вышла из избы. За ней потянулись остальные гости...

* * *

С одноклассницей Валею Трапезниковой мы жили почти рядом на одной улице. Вместе ходили в школу, вместе возвращались домой. Валя была веселой и бойкой девчушкой. За год-полтора до Победы она вдруг резко изменилась. Стала задумчивой, раздражительной, на уроках отвечала невпопад. Однажды призналась мне, что от тяти давно писем нет». Не было от него весточки до самого 45-го года.

Однажды поздно вечером на нашей пустынной улице я увидел тихо идущего, сильно прихрамывающего солдата. Он был в пилотке, в длинной без ремня замызганной шинели. На ногах — обмотки и большие разбитые ботинки. За спиной топорщился тощий вещевой мешок. Солдат прошел мимо меня и свернул к дому Трапезниковых. «Да это же Валин отец вернулся», — догадался я и кинулся к Трапезниковым. Но застыл на крылечке их избы. Понял своим детским умом, что не ко времени прибежал. Из-за двери слышались сдержанные рыдания, всхлипы.

Отца Вали дядю Степана оплакивали уже во второй раз. Сначала, когда получили известие, что он пропал без вести — от горя. И вот сейчас живого — от радости.

Будет еще и третий повод оплакивать...

Я сидел на завалинке, а около дома собирались соседи. И все принесли сверточки. У кого каравай хлеба, у кого нижнее мужское белье. Кто-то принес яловые поношенные сапоги, кто-то бутылку самогона.

Деревенское сарафанное радио сработало безукоризненно — пришел из плена Степан Трапезников — «болезный и изранетый, худющий, как шкелет, и весь в ремках»...

В огороде Трапезниковых топилась баня. Слышно было, как нещадно хлестали Степана березовыми вениками его жена и старшая сестра. А еще через некоторое время мать Вали тетка Степанида вышла на улицу и пригласила всех в дом.

Дядя Степан сидел в белой косоворотке под божницей в красном углу и рассказывал:
— Ранили меня тяжело в ногу. А очнулся у немцев. Подлечили малость, увезли в Германию. Прошел три концлагеря. Потом у бауэра одного работал скотником. Бежал два раза. Да куда убежишь? По-немецки-то я только «хенде хох» знал. Да и слаб был. Кормили хуже скотины. Лишь бы на ногах стоял. В общем, ловили и били, снова ловили и били. Освободили американцы. Передали нашим. Прошел фильтрацию. Отпустили домой, но предупредили, что снова фильтровать будут... Ну, вот добрался, слава богу. Спасибо вам, люди, что пришли проведать.

— Слава богу, слава богу. Ты, Степан, прими-ко от нас кое-что...

— Да что вы, соседушки. Да разве можно? Я ведь живой, работать пойду, руки целы...

— Ты, Степанушко, прими. У тебя ведь семеро по лавкам. Степанида-то твоя с ребятишками за четыре года тоже муку тяжкую перенесла. Сочтемся, бог даст. Прими, Степанушко...

Дядя Степан растерянно развел руки, поднес их к глазам. Катились по его впалым, обветренным щекам слезы.

— Спасибо, люди, вовек не забуду.

А потом началось обычное деревенское застолье-веселье. И самогонка-бражка лилась рекой, и взвизгивала гармоника, и брэнчала балалайка, и ходуном ходил пол в ветхой избе Трапезниковых.

...Сначала арестовали Пронькиного отца. Конфисковали все привезенное им имущество. Один из дядей в погонах при этом говорил другому:

— Это же надо, через пол-Европы и пол-России провезти столько добра... И никто не заметил. Или не захотел замечать. И ведь — сукин сын! — медалей навешал, кого-то обобрал... Ни на одну документов нету. Писаришкой «воевал». Ефрейтор он, а не старшина... Что? Да нет, не хватились бы. Но он одному нашему особисту картину показал. По пьянке, одним словом. А это, оказывается, картина знаменитого голландского художника. Средние века, одним словом...

Позднее арестовали Степана Трапезникова. Получили от него через год весточку с Колымы...

Больше о Пронькином отце и Валином отце в селе не слышали. Сгинули люди. Каждый по-своему. Один по-справедливости. Другой несправедливо.

Когда бы не было войны, то не было бы и этой невеселой истории. Но она высветила две судьбы. Один человек был со светлой душой, другой — с черным сердцем. А кончили одинаково.

Ах, когда бы не было войны...

ГЛАВА 24

Солдатская слава

Одной из самых почетных наград на войне был орден Славы, учрежденный 8 ноября 1943 года. Награжденные орденом Славы всех трех степеней приравниваются к званию Героя Советского Союза. Награждались этим орденом солдаты, сержанты и младшие лейтенанты (в авиации). Почти, как правило, кавалеры ордена Славы имели и медаль «За отвагу» — тоже наивысший знак солдатской доблести.

В Качканаре кавалеров ордена Славы около полутора десятков человек.

Виктор Васильевич Мамонтов. Он — кавалер ордена Славы III и II степени. Оба ордена получил в 1945 году в Польше и Германии. Соответственно награжден медалями «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина». Первая же награда разведчика, командира отделения 12-й артиллерийской дивизии 224-го гвардейского минометного полка сержанта В. В. Мамонтова была медаль «За отвагу». Он получил ее за подвиг на Курской дуге. (Читайте материал «Наследник солдатского «Георгия»).

Одним из старейших ветеранов Качканара является **Марк Филиппович Пудов.** Он ровесник века, родился в 1900 году, свидетель четырех войн и участник трех — гражданской, Финской, Великой Отечественной.

Вот что писал о М. Ф. Пудове журналист М. Ю. Медведев (М. Кузнецов) в очерке «Ровесник века» («Руда» от 3-го июня 1995 года). «Давно закончилась война. Беспокойный характер нашего героя не давал ему осесть на одном месте. Он колесил по бескрайним просторам Союза, а следом за ним долгих тридцать лет и три года гонялся орден Славы. Легко представить, каково было удивление бывшего фронтовика, когда в 70-х в Кушве его настигла, наконец, высшая солдатская награда...

Александр Александрович Прядильщиков. Старший сержант. Начал свой боевой путь от Сталинграда. Воевал в Румынии, Польше, Германии. Кроме Славы III ст. награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». Трижды был ранен, а также контужен.

Иван Семенович Двоеглазов. Старшина. Воевал в составе II Украинского фронта. В 1943 году был ранен. Инвалид I группы.

Василий Васильевич Беляев. Сержант. Прошел с боями от Вислы до Берлина. Был ранен. Награжден также медалью «За отвагу», орденом Трудового Красного Знамени и др.

Петр Власович Герасимов. Рядовой. Участник боев на Курской дуге. Кроме ордена

Славы награжден тремя медалями «За отвагу» и др.

Александр Григорьевич Расковалов. Старшина. Участник боев на Курской дуге под Прохоровкой, где происходила самая жестокая танковая битва Второй мировой войны. Закончил войну в Праге. Награжден медалью «За отвагу». Дважды ранен.

Михаил Маркелович Каратаев. Рядовой. Принимал участие в освобождении Минска, Варшавы. Закончил войну на Одере. Дважды ранен.

Иван Ильич Семенов. Старший сержант. Наводчик самоходной артиллерийской установки.

Василий Петрович Кинев. Рядовой. Участвовал в освобождении Крыма.

Алексей Иванович Макаревич. Рядовой. Разведчик. Награжден медалью «За отвагу». Имеет ранение.

Иван Федорович Токарев. Рядовой. Разведчик. Награжден медалью «За отвагу».

Иван Александрович Ремизов. Старшина. Прошел всю войну. Пять раз был ранен. Награжден тремя боевыми орденами.

Александр Иванович Неустроев. Рядовой. Пограничник. Воевал в составе Волховского фронта.

Бабилов Иван Александрович. Сержант. Воевал в составе Центрального, II и III Белорусских фронтов. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и др.

Простолупов Сергей Николаевич. Воевал в составе III Белорусского и I Дальневосточного фронтов. Кавалер ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги» и др.

Скурихин Николай Иванович. Воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Кавалер ордена Красной Звезды и других наград.

Пырков Василий Иванович. Служил в мотопехоте в составе II Украинского и I Белорусского фронтов. Кавалер двух орденов Красной Звезды и других наград.

Отрепьев Василий Григорьевич. Старшина. Участник войны с Германией и Японией. Кавалер двух орденов Красной Звезды и других наград. Был тяжело ранен.

Черепанов Виктор Николаевич. (Читайте о нем очерк «На войне, как на войне»).

ГЛАВА 25

За мужество и отвагу

Орден Красной Звезды учрежден Постановлением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1930 года. Им награждались лица рядового и начальствующего состава всех видов войск за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию и умелое руководство боевыми действиями... Орден изготовлялся из серебра, покрытым красно-рубиновой эмалью.

Примерно девятая часть живущих ныне в Качканаре ветеранов войны отмечены этой высокой наградой.

Кавалер трех орденов Красной Звезды

Маслов Павел Николаевич.

Кавалеры двух орденов Красной Звезды

Ведунов Николай Дмитриевич

Журавин Павел Михайлович.

Машканцев Василий Александрович.

Мохов Борис Иванович.

Отрепьев Василий Григорьевич.

Попов Иван Николаевич.

Пырков Василий Иванович.

Кавалеры ордена Красной Звезды

Аносов Леонид Николаевич.

Астахов Иван Федорович.

Бабилов Иван Александрович.

Барсохина Валентина Васильевна.

Бочаров Иван Тимофеевич.

Безденежных Александр Васильевич.

Веретина Александра Васильевна.

Веретин Александр Иванович.

Воротилин Георгий Иванович.

Галышев Евгений Иванович.

Гареев Михаил Гареевич.
Готов Александр Михайлович.
Екимов Станислав Григорьевич.
Желонкин Сергей Иванович.
Зворыгин Геннадий Ефимович.
Козлов Евгений Андреевич.

Котников Михаил Федорович.

Кузьминов Василий Федорович.
Кудин Сергей Прокопьевич.
Курлыкин Дмитрий Яковлевич.

Лесников Иван Захарович.

Лукиянов Николай Григорьевич.

Малявин Владимир Александрович.

Мальцев Василий Федорович.
Мальцев Анатолий Константинович.
Мачехин Николай Ефимович.
Машкин Георгий Сергеевич.
Подчиненов Евгений Николаевич.

Прядильщиков Александр Александрович.

Папилин Степан Алексеевич.
Перминов Вячеслав Иванович.
Питателев Степан Иванович.

Простолупов Сергей Николаевич.

Русских Иван Филиппович.

Рублев Александр Егорович.
Ремизов Иван Александрович.
Савельев Иван Михайлович.
Смирнов Виталий Васильевич.

Сетенев Николай Михайлович.

Семенов Николай Михайлович.
Стариков Дмитрий Иванович.

Скурихин Николай Иванович.

Соколова Галина Андреевна.
Соколов Борис Петрович.
Суханов Феодосий Тимофеевич.
Теплов Николай Иосифович.
Танков Дмитрий Алексеевич.

Урванцев Сергей Михайлович.

Хоруженко Василий Емельянович.
Цыплаков Иван Иванович.

Черепенин Николай Михайлович.

Черепанов Виктор Николаевич.

Шведский Сергей Яковлевич.
Шитоев Прокопий Кузьмич.
Шмелев Василий Гаврилович.
Якушев Игорь Иванович.

ГЛАВА 26

Серебряный блеск подвига

С особым уважением отношусь к ветеранам, награжденным медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Это еще с детства. У первого фронтовика, который вернулся после Победы домой, на груди сияли эти две медали. Светило яркое солнце и лучи его бликами отражались от двух серебряных кружочков.

Обе медали были учреждены 17 октября 1938 года. Ими награждались военнослужащие и другие граждане СССР за личное мужество и отвагу, проявленные в боях с врагом. Причем, в статуте медали «За отвагу» подчеркнуто, что этой награды удостоиваются люди, которые при исполнении воинского долга рисковали жизнью. Обе медали изготавливались из серебра.

Большинство ветеранов-фронтовиков нашего города имеют ту или иную медаль или награждены обеими медалями. Я сделал выборку (вероятно, далеко не полную) ветеранов, которые награждены четырьмя, тремя и двумя медалями «За отвагу», а также женщин-фронтовичек, награжденных медалью «За отвагу».

ВETERАНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ЧЕТЫРЬМЯ МЕДАЛЯМИ «ЗА ОТВАГУ»

Иван Филиппович Русских

ВETERАНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ТРЕМЯ МЕДАЛЯМИ «ЗА ОТВАГУ»

Петр Власьевич Герасимов — кавалер ордена Славы III степени.

ВETERАНЫ, НАГРАЖДЕННЫЕ ДВУМЯ МЕДАЛЯМИ «ЗА ОТВАГУ»

Александр Никанорович Шурпатов.

Андрей Алексеевич Плюхин.

Павел Михайлович Журавин.

Владимир Георгиевич Соколов.

Леонид Михайлович Мельков — награжден также двумя медалями «За боевые заслуги».

Николай Семенович Созонтов.
Евгений Николаевич Подчиненов.

**ЖЕНЩИНЫ-ВETERАНЫ,
НАГРАЖДЕННЫЕ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОТВАГУ»**

Ольга Ивановна Носова.
Екатерина Петровна Беляева.

ГЛАВА 27

Без них мы не победили бы

У войны не женское лицо! Фраза, претендующая на истину в конечной инстанции. Но она так и остается пустой фразой. Потому что истина не доказана. Желаемое мы выдаем за действительное.

Женщина по природе своей созидатель и ей противопоказано брать в руки оружие и идти убивать кого-то. Но вся история человечества говорит об обратном. Увы, женщина — тоже воин. Она становится им, когда враг грозит убить и убивает ее сына, мужа, брата, отца, всю ее семью, большую и малую родину.

Привожу список живущих в нашем городе женщин-участниц Великой Отечественной войны. Они составляют восьмую часть проживающих в Качканаре ветеранов войны (по крайней мере, на тот период, когда пишутся эти строки — январь 1996 года. — Ю. М.)

Вот и судите, какое у войны лицо...

Алласте Евдокия Николаевна.

Атаманчук Анна Ивановна.

Барсохина Валентина Васильевна.

Беляева Екатерина Петровна.

Береснева Клавдия Васильевна.

Болотова Нина Михайловна.

Борисова Валентина Павловна.

Брылунова Полина Ефимовна.

Бурмистрова Елена Спиридоновна.

Буторина Анна Николаевна.

Веретина Александра Васильевна.

Волкова Мария Николаевна.

Гордиенко Екатерина Ивановна.

Дунаева Александра Петровна.

Завальницкая Серафима Семеновна.

Колисниченко Татьяна Васильевна.

Корякина Ольга Дмитриевна.

Корьякина Мария Ивановна.

Кузнецова Мария Ивановна.

Кулакова Анастасия Борисовна.

Лапина Валентина Сергеевна.

Ларионова Анна Денисовна.

Литвиненко Нина Федоровна.
Литингмей Нина Александровна.
Максимова Александра Владимировна.
Малявина Антонина Степановна.
Мамонтова Алевтина Сергеевна.
Медовщикова Зинаида Григорьевна.
Мотузова Устинья Семеновна.
Мултусова Мария Васильевна.

Неволина Ида Тихоновна.

Никиша Мария Николаевна.
Новоселова Алевтина Семеновна.
Носова Ольга Ивановна.
Панова Римма Петровна.
Пименова Мария Николаевна.
Плюснина Татьяна Михайловна.
Попова Лидия Павловна.
Потапова Клавдия Тихоновна.
Приведенцева Анна Григорьевна.
Раскачаева Лидия Александровна.
Саголаева Анна Ильинична.
Седойкина Анна Ильинична.
Слюсарь Александра Степановна.
Созинова Клавдия Григорьевна.
Соколова Галина Андреевна.
Стольниковна Анна Илларионовна.
Токарева Любовь Николаевна.

Ханжинова Александра Марковна.

Чеснокова Нина Ивановна.
Широкова Анастасия Васильевна.
Шихина Татьяна Емельяновна.
Шубик Зинаида Иосифовна.
Шурмаева Евдокия Ивановна.

ГЛАВА 28

«Минуте молчания» — больше полвека

У бывшей учительницы, труженицы военного тыла, а ныне пенсионерки Ксении Николаевны Костиной (в девичестве — Лучина) было пятеро братьев. Все фронтовики.

Илья Николаевич Лучина умер после войны. Воевал с 1941 по 1945 годы.

В 1960 году умер **Василий Николаевич Лучина**. Он артиллерист. Призван был в армию в 1937 году. Участник трех войн. Вернулся с фронта в 1945 году жестоко израненным.

Пехотинец **Федор Николаевич Лучина** погиб под Ржевом в 1942 году.

Разведчик **Павел Николаевич Лучина** погиб в 1943 году, похоронен в Латвии.

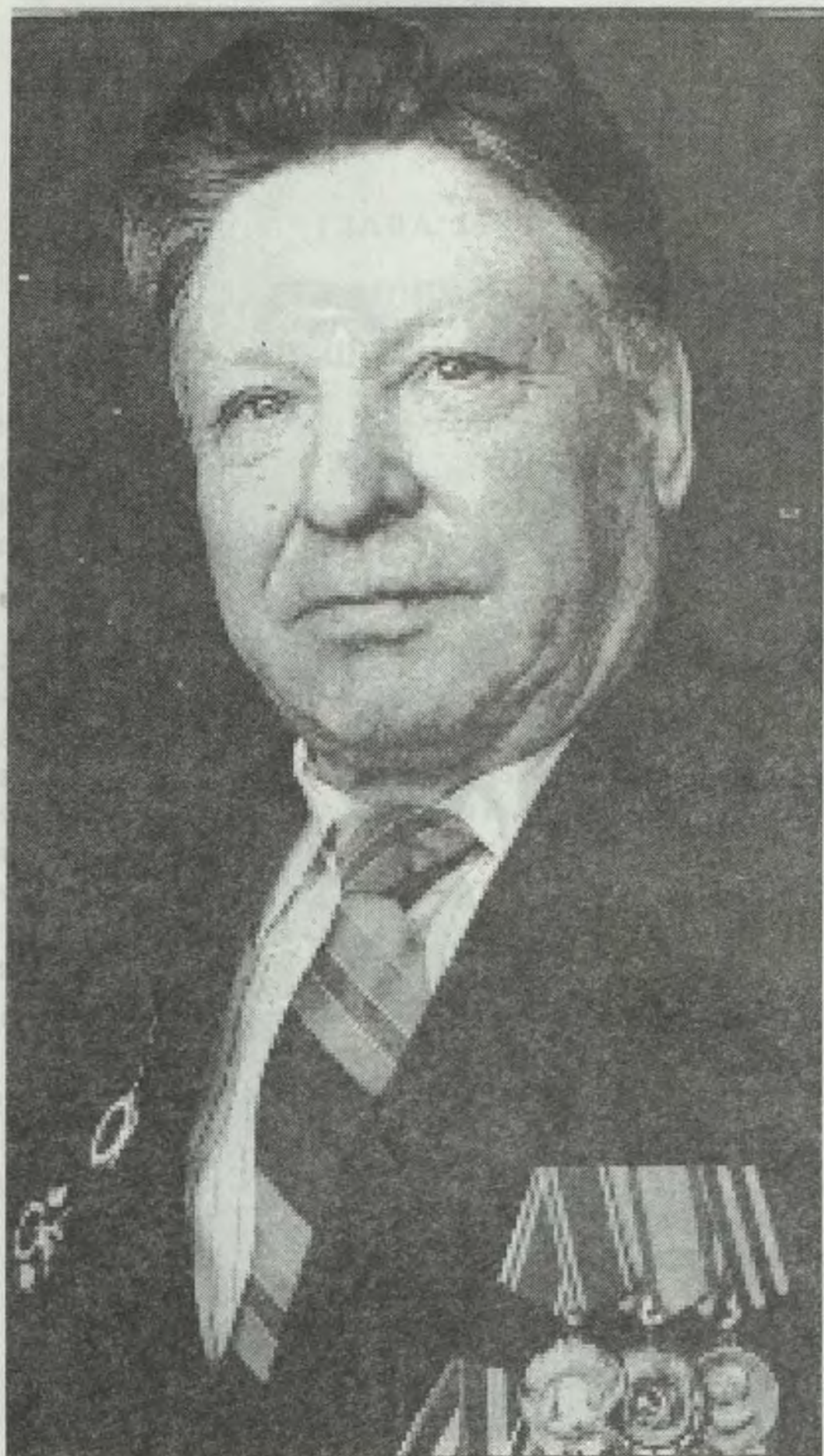
В том же году погиб на Курской дуге рядовой **Иван Николаевич Лучина**. До этого он был тяжело ранен, лечился дома. Снова ушел на фронт и геройски погиб...

Из года в год в очередную годовщину Победы выходит Ксения Николаевна Костина с фотографиями погибших братьев на главную площадь Качканара. Собираются вокруг ветераны, женщины, дети и молча смотрят на эту старушку, на фотографии молодых людей. Они ушли из жизни соответственно в возрасте 20, 29 и 33 лет.

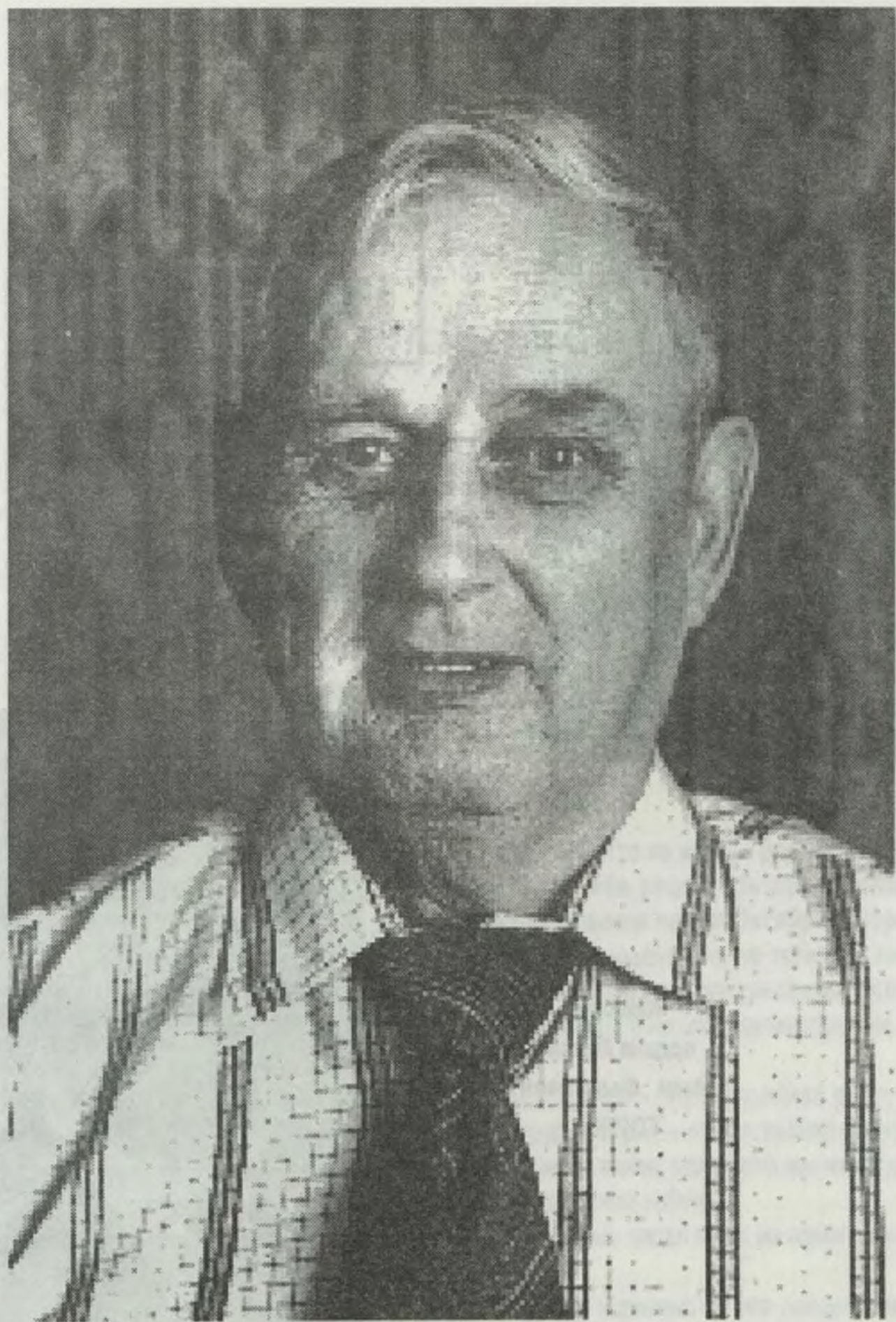
А «минуте молчания» уже более полвека...

Герой Социалистического Труда
Карам Харламович
ЯППАРОВ

Кавалер ордена Ленина
Геннадий Николаевич
ПЛОТНИКОВ

Кавалер ордена Ленина
Виктор Викторович
КАБАЛИНОВ

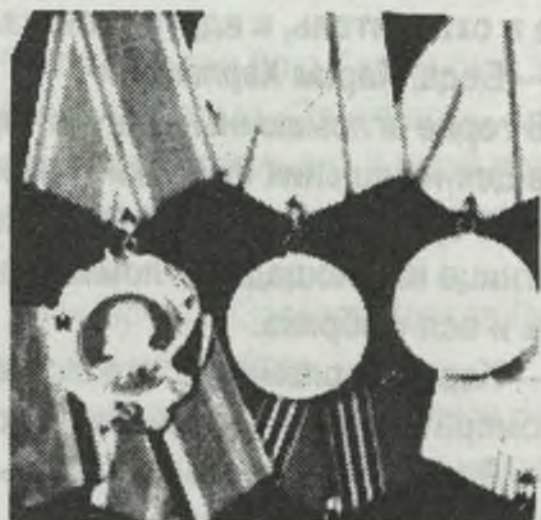

Кавалер
ордена Ленина
Константин Георгиевич
БРАТНИКОВ

Кавалер
ордена Ленина
Иван Федотович
ГОРЯЕВ

ГЛАВА 29

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд

Этому поколению достались все трудности XX века. Кто-то из них родился еще до Октябрьской революции и таким образом испытал на себе ужасы братоубийственной гражданской войны, послевоенной разрухи. Кто-то родился после Октября и хорошо помнит коллективизацию и индустриализацию страны, связанными не только с лишениями и трагедиями тридцатых годов, но и с небывалым трудовым энтузиазмом. Все они уже трудились на заводах, на стройках, в колхозах, учились в школах, ремесленных училищах, техникумах и вузах.

Потом случилась война. Они доблестно воевали. Потом — послевоенная разруха и ударный, построенный часто на голом энтузиазме труд. Потом — «перестройка», реформы, бойня в Чечне и других «горячих» точках. Состояние такое, как будто мы никогда не переставали воевать, как будто мы все еще на той далекой войне.

Но люди остались людьми. Особое поколение. Это о них писал поэт: из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...

В Качканаре, да и на всем металлургическом Урале и далеко за его пределами хорошо известно имя **Карамы Харламовича Яппарова**. О нем много писали как местные, так и центральные газеты. Ему посвящены и главы отдельных книг. Башкирский паренек Карам Яппаров прошел в жизни огонь и воду. Так говорят образно, общо. На самом же деле огонь он прошел буквально в прямом смысле этого слова. Сначала на войне,

о чем свидетельствует медаль «За отвагу», потом на агломерационном производстве.

Позволю процитировать самого себя выдержкой из книги «Гвардия мирного времени», изданной в 1975 году Среднеуральским книжным издательством (Ю. Медведев. Очерк «Своя ноша — не тянет»):

«...А через несколько дней на его долю выпало тяжелое испытание.

Карам Харламович вышел в ночную смену. Он не спеша обходил машину от ее головной части до хвостовой, смотрел на раскаленные куски агломерата, падающие в охладитель, и вдруг услышал голос одного из подручных.

— Беда, Карам Харламович!

В горне агломашины рухнула торцевая стенка. Узнав об аварии, срочно прибыли в цех начальник фабрики Николай Лукьянович Красноселов и секретарь партийной организации Юрий Архипович Окунев. Они поднялись по металлической лестнице на площадку агломашины. Ее остановка привела к тому, что остановилась и вся фабрика.

— Карам Харламович, что скажешь? — спросили стоявшего поодаль старшего агломератчика. — Ты ведь самый опытный из нас.

— Всякое в практике случалось, но такое впервые, подумать надо. — Яппаров отозвал в сторону агломератчика Кузьменкова.

Василий Ивлевич Кузьменков — человек авторитетный в коллективе. Участник Великой Отечественной войны, коммунист, член городского комитета партии. Судьбы Кузьменкова и Яппарова во многом схожи.

И вот сейчас два ветерана войны и труда стояли и вполголоса переговаривались. И все присутствующие на совещании напряженно ждали.

— В общем, решили мы с Василием Ивлевичем аварию устранить сейчас же. Нужны плотная брезентовая роба, вода и сжатый холодный воздух.

— Это опасно, — возразил кто-то.

— Да, рискуем. Но мы не одни, и на вашу помощь надеемся. Кстати, нам нужен умелый помощник. — Яппаров мгновение помедлил, затем подошел к рабочему Бочкареву и сказал:

— Ты нам подходишь. Втроем управимся.

Сменяя друг друга, ремонтники ныряли в зев горна на минуту-другую, выскивали оттуда с опаленными бровями и багрово-темными от нестерпимого жара лицами, обливались водой из упругих резиновых шлангов и опять отправлялись в пекло, куда все время нагнетали холодный сжатый воздух. Через два часа зашевелилась, поползла аглолента, неся на себе раскаленные куски агломерата...»

В 1992 году в Свердловске вышла книга бывшего качканарца Федора Тимофеевича Селянина «Сердце на скале». Она посвящена Качканару и его труженикам (один экземпляр автор прислал мне на память). В главе «Огонь с соломой не дружит» рассказ о К. Х. Яппарове. Вот небольшая выдержка из нее:

«Летом 1943 года часть заняла оборону под Белой Церковью. Пехота окопалась, пулеметные расчеты, в одном из которых служил семнадцатилетний боец, заняли

свои позиции. Командир отправил вечером Карама с термосом на полевую кухню. Когда Яппаров вернулся, товарищей уже не было, не было и пулемета — ночью ворвались на позиции немцы. А через несколько дней в подвале церкви освобожденного города нашли изуродованное тело командира расчет, сорокапятилетнего башкира Нуритдина, и его второго номера русоволосого мальчишку.

Командиром расчета стал Карам. Во всем он стремился походить на мужественного земляка Нуритдина, принявшего мученическую смерть, но не покорившегося врагу.

Однажды завязался тяжелый бой под Витебском. В этом бою Карам был контужен. Но остался в строю. Его мужество отметили медалью «За отвагу». А когда, во время другого боя, он понес донесение командира батальона в штаб полка, его тяжело ранило. Начались скитания по лазаретам. Санбат, потом госпиталя, две сложные операции...»

Ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда на груди заслуженного воина и металлурга.

Упоминаемый в очерке «Своя ноша — не тянет» кавалер ордена Октябрьской революции **Василий Ивлевич Кузьменков** — активный участник войны, награжден медалью «За отвагу» и другими фронтовыми наградами.

Геннадий Николаевич Плотников в силу своей молодости (родился в 1927 году) был призван в армию лишь в 1944 году, но хлебнул лиха, как говорится, по самую макушку. Он был направлен в 143-й стрелковый полк, который дислоцировался в Латвии. Охраняли тылы I Прибалтийского фронта, занимались ликвидацией остатков Курляндской группировки немцев и бандитских формирований.

После окончания войны сержант Геннадий Николаевич продолжал служить в войсках НКВД — МГБ. Демобилизовался лишь в апреле 1951 года.

...Банды формировались в основном из бывших эсэсовцев, полицаев, шуцманов, старост и всех тех, кто верой и правдой служил немцам, ненавидел Советскую власть. Война и после победы продолжалась. Много погибло наших солдат, много было покалеченных.

Вот один из многих случаев, о которых вспоминает Г. Н. Плотников: «Это было в марте 1949 года. На территории Латвии готовилось очередное выселение бандитов и их пособников. Необходимо было заранее и тайно познакомиться с хуторами, где жили бандиты и их семьи. На хуторе Викшни Гулбинского уезда мы с молодым солдатом Баевым встретились с бандой из пяти человек. На хуторе было очень много построек. Когда завязалась перестрелка, я вынужден был Баева отослать за сарай, чтобы обеспечить себе безопасность с тыла. В перестрелке одного бандита я убил, второго тяжело ранил. По тревоге поднялся соседний гарнизон, перекрыл пути отхода остальной части банды. Я получил за это отпуск на родину, а в дивизионной газете «Чекисты» обо мне напечатали статью под названием «Поединок».

После войны Геннадий Николаевич Плотников трудился на одной из шахт Нижнего Тагила, а с 1963 года до выхода на пенсию в 1977 году работал на Качканарском ГОКе

о чем свидетельствует медаль «За отвагу», потом на агломерационном производстве.

Позволю процитировать самого себя выдержкой из книги «Гвардия мирного времени», изданной в 1975 году Среднеуральским книжным издательством (Ю. Медведев. Очерк «Своя ноша — не тянет»):

«...А через несколько дней на его долю выпало тяжелое испытание.

Карам Харламович вышел в ночную смену. Он не спеша обходил машину от ее головной части до хвостовой, смотрел на раскаленные куски агломерата, падающие в охладитель, и вдруг услышал голос одного из подручных.

— Беда, Карам Харламович!

В горне агломашины рухнула торцевая стенка. Узнав об аварии, срочно прибыли в цех начальник фабрики Николай Лукьянович Красноселов и секретарь партийной организации Юрий Архипович Окунев. Они поднялись по металлической лестнице на площадку агломашины. Ее остановка привела к тому, что остановилась и вся фабрика.

— Карам Харламович, что скажешь? — спросили стоявшего поодаль старшего агломератчика. — Ты ведь самый опытный из нас.

— Всякое в практике случалось, но такое впервые, подумать надо. — Яппаров отозвал в сторону агломератчика Кузьменкова.

Василий Ивлевич Кузьменков — человек авторитетный в коллективе. Участник Великой Отечественной войны, коммунист, член городского комитета партии. Судьбы Кузьменкова и Яппарова во многом схожи.

И вот сейчас два ветерана войны и труда стояли и вполголоса переговаривались. И все присутствующие на совещании напряженно ждали.

— В общем, решили мы с Василием Ивлевичем аварию устранить сейчас же. Нужны плотная брезентовая роба, вода и сжатый холодный воздух.

— Это опасно, — возразил кто-то.

— Да, рискуем. Но мы не одни, и на вашу помощь надеемся. Кстати, нам нужен умелый помощник. — Яппаров мгновение помедлил, затем подошел к рабочему Бочкареву и сказал:

— Ты нам подходишь. Втроем управимся.

Сменяя друг друга, ремонтники ныряли в зев горна на минуту-другую, выскакивали оттуда с опаленными бровями и багрово-темными от нестерпимого жара лицами, обливались водой из упругих резиновых шлангов и опять отправлялись в пекло, куда все время нагнетали холодный сжатый воздух. Через два часа зашевелилась, поползла аглолента, неся на себе раскаленные куски агломерата...»

В 1992 году в Свердловске вышла книга бывшего качканарца Федора Тимофеевича Селянина «Сердце на скале». Она посвящена Качканару и его труженикам (один экземпляр автор прислал мне на память). В главе «Огонь с соломой не дружит» рассказ о К. Х. Яппарове. Вот небольшая выдержка из нее:

«Летом 1943 года часть заняла оборону под Белой Церковью. Пехота окопалась, пулеметные расчеты, в одном из которых служил семнадцатилетний боец, заняли

свои позиции. Командир отправил вечером Карама с термосом на полевую кухню. Когда Яппаров вернулся, товарищей уже не было, не было и пулемета — ночью ворвались на позиции немцы. А через несколько дней в подвале церкви освобожденного города нашли изуродованное тело командира расчет, сорокапятилетнего башкира Нуритдина, и его второго номера русоволосого мальчишку.

Командиром расчета стал Карам. Во всем он стремился походить на мужественного земляка Нуритдина, принявшего мученическую смерть, но не покорившегося врагу.

Однажды завязался тяжелый бой под Витебском. В этом бою Карам был контужен. Но остался в строю. Его мужество отметили медалью «За отвагу». А когда, во время другого боя, он понес донесение командира батальона в штаб полка, его тяжело ранило. Начались скитания по лазаретам. Санбат, потом госпиталя, две сложные операции...

Орден Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, Золотая Звезда Героя Социалистического Труда на груди заслуженного воина и металлурга.

Упомянутый в очерке «Своя ноша — не тянет» кавалер ордена Октябрьской революции **Василий Ивлевич Кузьменков** — активный участник войны, награжден медалью «За отвагу» и другими фронтовыми наградами.

Геннадий Николаевич Плотников в силу своей молодости (родился в 1927 году) был призван в армию лишь в 1944 году, но хлебнул лиха, как говорится, по самую макушку. Он был направлен в 143-й стрелковый полк, который дислоцировался в Латвии. Охраняли тылы I Прибалтийского фронта, занимались ликвидацией остатков Курляндской группировки немцев и бандитских формирований.

После окончания войны сержант Геннадий Николаевич продолжал служить в войсках НКВД — МГБ. Демобилизовался лишь в апреле 1951 года.

...Банды формировались в основном из бывших эсэсовцев, полицаев, шуцманов, старост и всех тех, кто верой и правдой служил немцам, ненавидел Советскую власть. Война и после победы продолжалась. Много погибло наших солдат, много было покалеченных.

Вот один из многих случаев, о которых вспоминает Г. Н. Плотников: «Это было в марте 1949 года. На территории Латвии готовилось очередное выселение бандитов и их пособников. Необходимо было заранее и тайно познакомиться с хуторами, где жили бандиты и их семьи. На хуторе Викшни Гулбинского уезда мы с молодым солдатом Баевым встретились с бандой из пяти человек. На хуторе было очень много построек. Когда завязалась перестрелка, я вынужден был Баева отослать за сарай, чтобы обеспечить себе безопасность с тыла. В перестрелке одного бандита я убил, второго тяжело ранил. По тревоге поднялся соседний гарнизон, перекрыл пути отхода остальной части банды. Я получил за это отпуск на родину, а в дивизионной газете «Чекисты» обо мне напечатали статью под названием «Поединок».

После войны Геннадий Николаевич Плотников трудился на одной из шахт Нижнего Тагила, а с 1963 года до выхода на пенсию в 1977 году работал на Качканарском ГОКе

взрывником. Кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны и других наград.

Сержант Константин Георгиевич Братчиков воевал в составе 135-го отдельного батальона на II Белорусском фронте механиком бронетранспортера, дошел до Кенигсберга. Был ранен.

Много лет Константин Георгиевич проработал главным энергетиком Качканарского ГОКа. Кавалер ордена Ленина.

Виктор Викторович Кабалинов воевал на Юго-Западном и Закавказском фронтах. Был ранен. На горно-обогатительном комбинате работал бригадиром слесарей. За добросовестный труд награжден орденами Ленина, Знак Почета и др.

Старший сержант **Иван Федотович Горяев** воевал на Западе с немцами, на Востоке — с японцами. Воевал храбро о чем свидетельствует медаль «За отвагу». Был ранен и контужен. В мирное время трудился много лет на Исовском прииске. Награжден высшей наградой СССР — орденом Ленина.

Бывший работник ГОКа **Георгий Васильевич Русских** — кавалер трех орденов — Отечественной войны, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени.

Одним из первых первопроходцев Качканара по праву считается **Василий Алексеевич Попов**. Он был первым секретарем первой партийной организации на стройке. Много лет работал секретарем парткома строительства Качканарского горно-обогатительного комбината. За свой труд награжден орденом Знак Почета. Младший сержант В. А. Попов — участник войны с Японией. Был радиолокаторщиком. Воевал в войсках противовоздушной обороны Тихоокеанского Флота.

К сожалению, строго ограниченные рамки книги не позволяют мне продолжить этот список. А он большой.

Храбро воевали эти люди на фронте. Самоотверженно трудились в мирное время. Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд!

**Председатель
городского совета ветеранов
Константин Кузьмич
ДЕРЯБИН**

**Заместитель
председателя
городского совета ветеранов
Римма Петровна
ШВАЛЁВА**

ГЛАВА 30

Здесь никогда не бывает пусто

В этом небольшом кабинете на троих, что находится на первом этаже местного «Белого дома», никогда не бывает пусто. Начиная с утра и завершая концом рабочего дня, сюда, в городской совет, идут и идут ветераны. С многочисленными просьбами, с тем, чтобы перекинуться просто словом, собираются члены совета, обсуждают планы, конкретные действия. В разные годы совет возглавляли Н. И. Балышев, З. С. Зильберов, активными членами совета были К. Н. Новиков, П. Н. Алексеев и многие другие. Седьмой год (второй выборный срок) работают председателем городского совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил Константин Кузьмич Дерябин и его заместитель Римма Петровна Швалева. Помогают им непосредственно бухгалтер Зинаида Павловна Потеряхина, члены президиума совета, руководители секций.

...В августе 1941 года 17-летним пареньком Константин Дерябин добровольно ушел в армию. Два месяца проучился в Свердловске на телеграфных курсах, а с середины ноября 1941-го в составе 104-го отдельного полка связи был направлен на Западный фронт. Радист первого класса, он работал на мощных радиостанциях, обслуживал штаб 20-й армии. Позже воевал на Прибалтийском и Белорусских фронтах. Принимал участие в освобождении оккупированных областей СССР, Восточной Пруссии. Награжден 13-ю правительственными наградами.

После войны Константин Кузьмич закончил заочно среднюю школу и институт. Трудился на комсомольской, партийной, советской работе.

В Качканаре К. К. Дерябин более 30 лет возглавляет Н-Тагильский филиал строительного техникума. За эти годы около двух тысяч человек окончили «дерябинскую академию». Константин Кузьмич опытный преподаватель истории, философии, политэкономии.

Римма Петровна Швалева в разные годы работала в библиотеках, в культурно-массовых комиссиях ведущих профсоюзных организаций города. Окончила Высшую профсоюзную школу.

В городе совет ветеранов, возглавляемый К. К. Дерябиным и Р. П. Швалевой, пользуется большой популярностью.

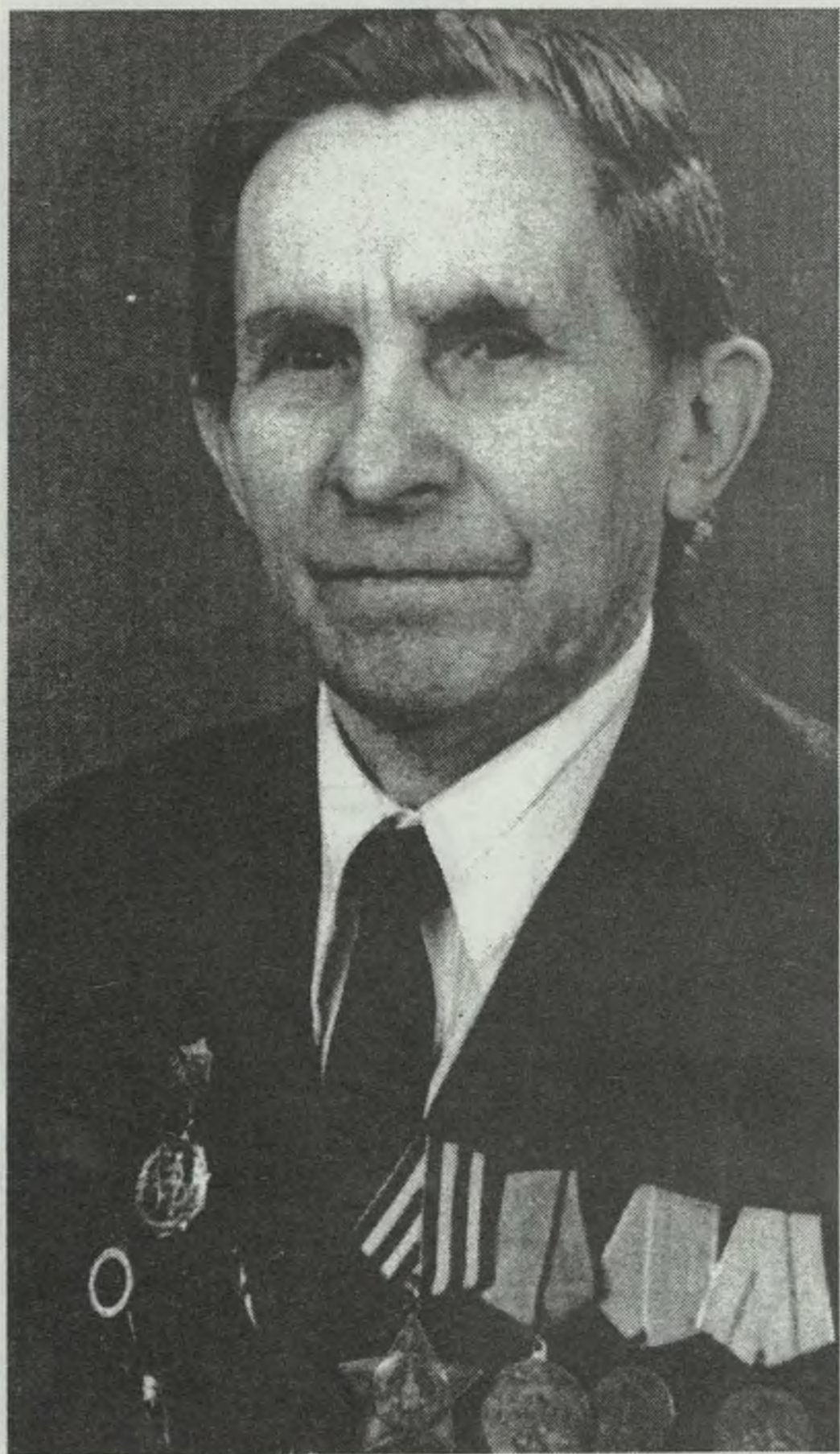
96-летний ветеран, Кавалер ордена Славы **Марк Филиппович ПУДОВ** с женой — труженицей военного тыла — **Татьяной Петровной**

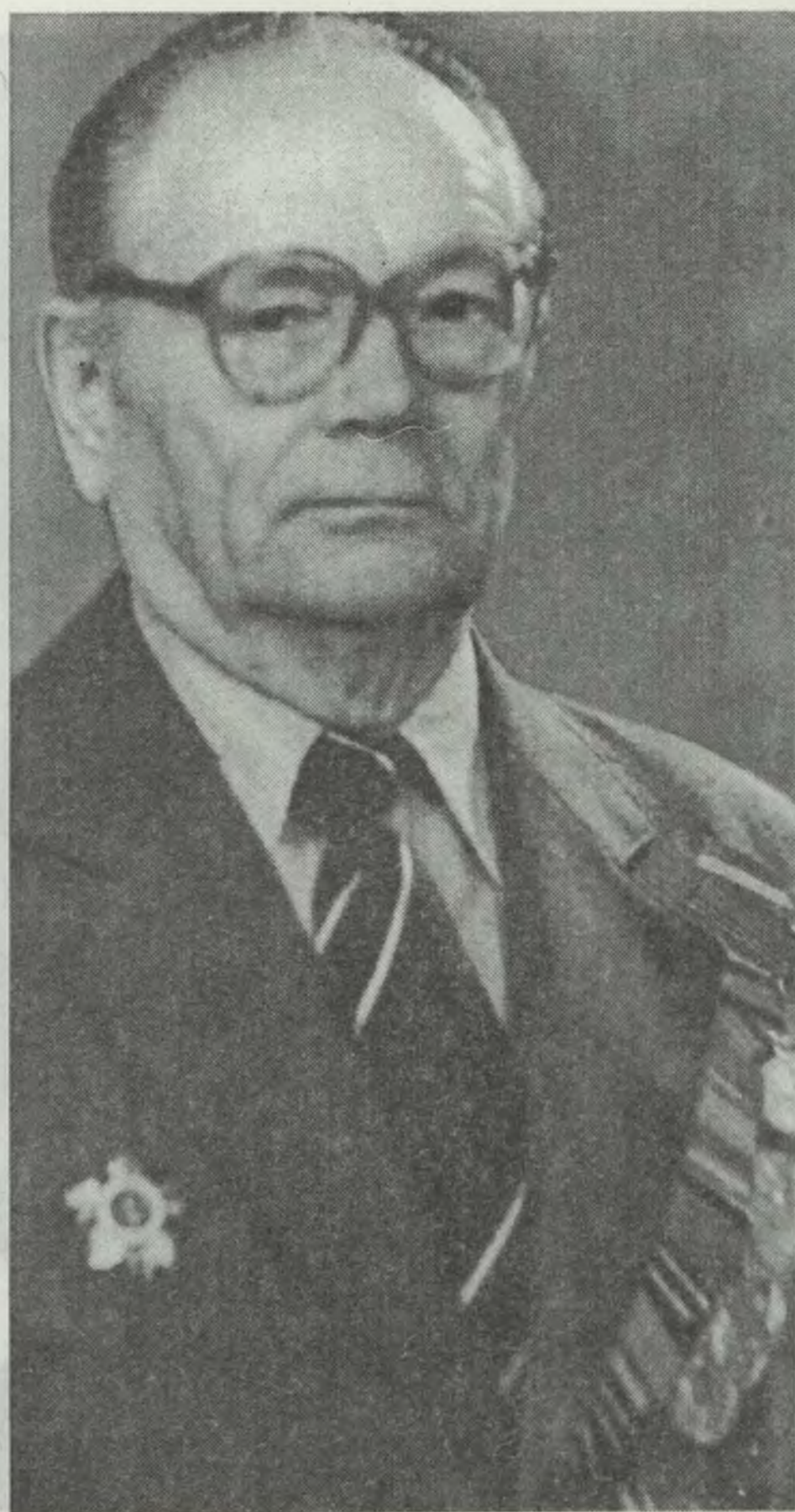
**Кавалер орденов
Славы III степени, Красной Звезды
Иван Александрович
БАБИКОВ**

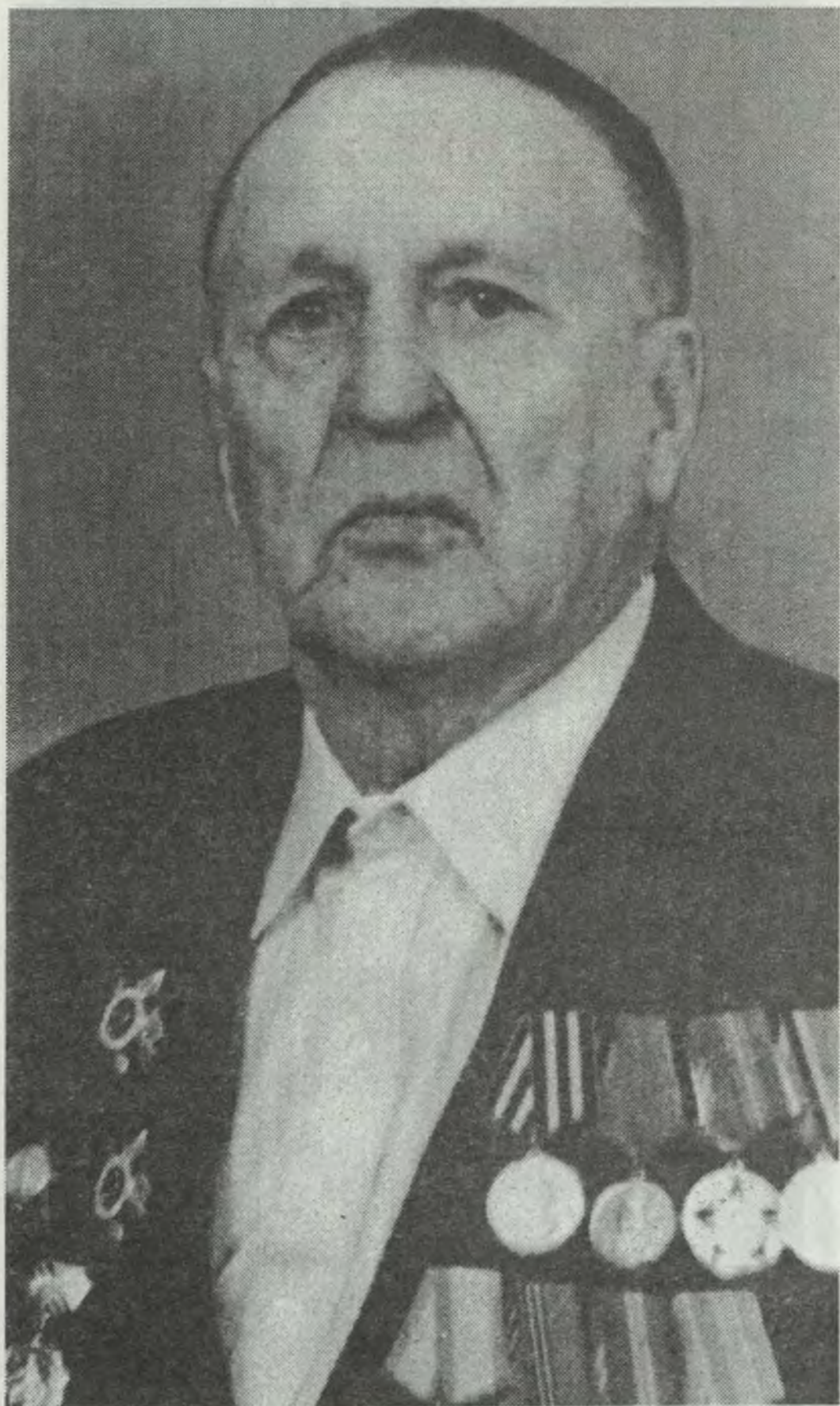
Кавалер орденов
Славы III степени, Красной Звезды
Иван Александрович
РЕМИЗОВ

Кавалер орденов
Славы III степени и Красной Звезды
Александр Александрович
ПРЯДИЛЬЩИКОВ

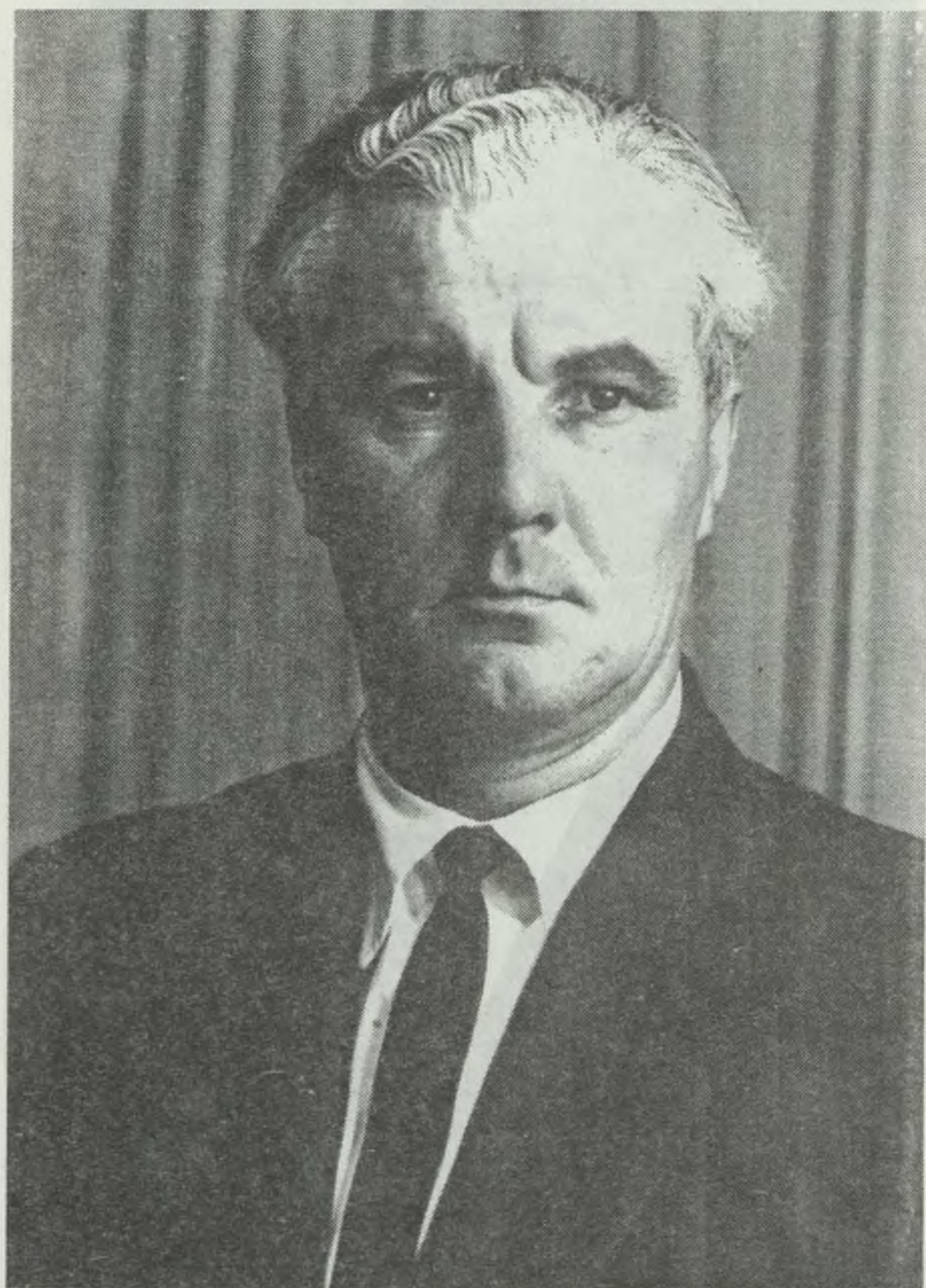
Кавалер ордена
Славы III степени
Александр Григорьевич
РАСКОВАЛОВ

Кавалер орденов
Красной Звезды и Отчественной войны
Сергей Прокопьевич
КУДИН

Кавалер орденов
Красной Звезды и Отечественной войны
Геннадий Ефимович
ЗВОРЫГИН

Кавалер орденов
Красной Звезды, Отечественной войны,
Знак Почета
Евгений Андреевич
КОЗЛОВ

Старшина, радист,
Кавалер ордена Красной Звезды

Валентина
Васильевна
БАРСОХИНА

Кавалер ордена
Славы III степени,
трех медалей «За отвагу»

Петр Власович
ГЕРАСИМОВ

1986 год. Ветераны войны, труда и Коммунистической партии

Перед очередной годовщиной Победы

Ветераны В. П. Балуев, Г. А. Соколова, Н. Е. Мачехин, Б. И. Мохов.

Ветераны войны и труда. Слева направо: Е. А. Подчиненов, В. В. Смирнов, А. П. Горбатов (председатель Совета ветеранов ГОКа), З. С. Зильберов (бывший председатель городского совета ветеранов, умер в 1996 году), В. Е. Хоруженко, В. В. Кадошников.

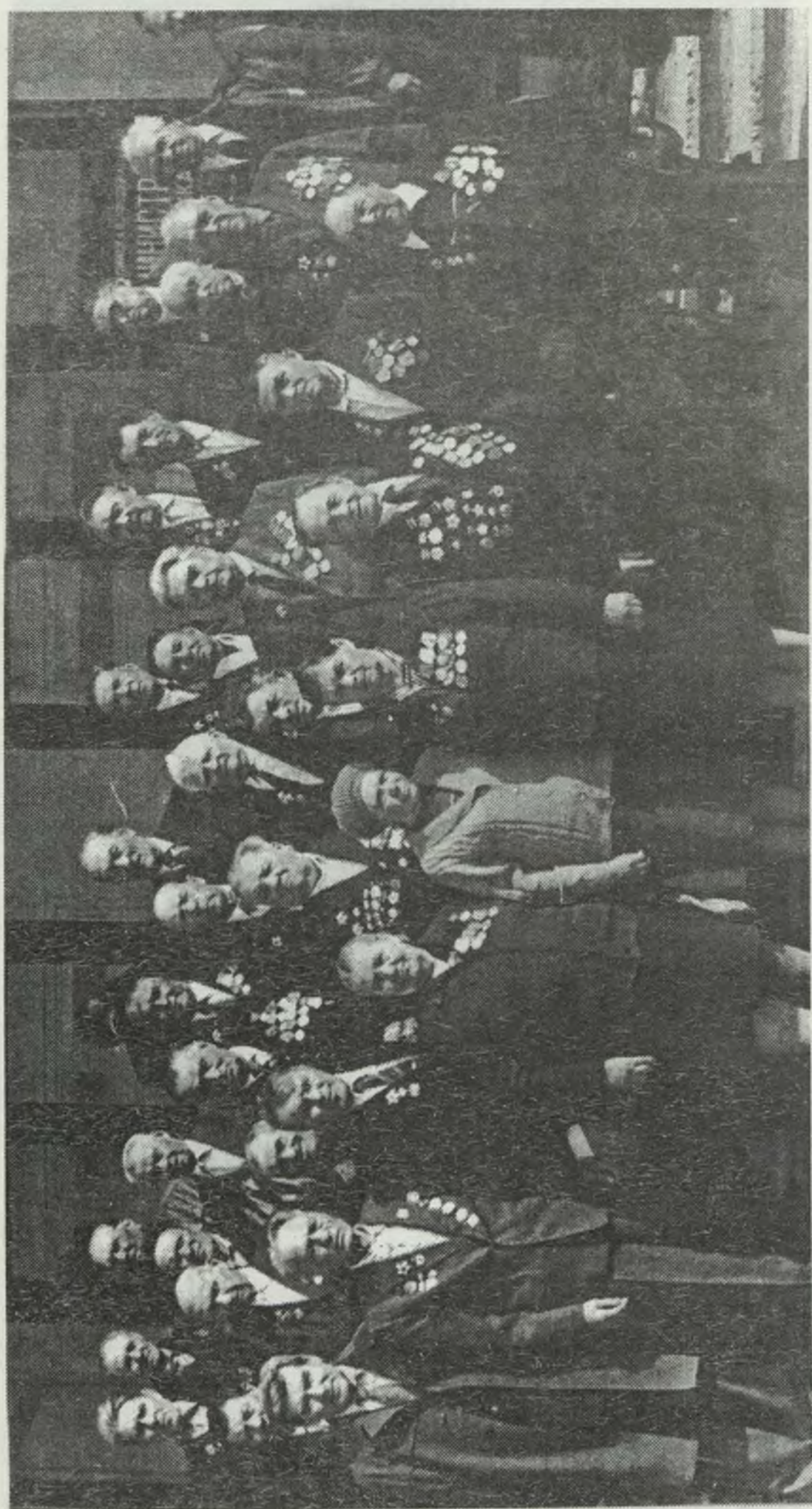
Константин Никитич
НОВИКОВ

МЫ ВАС

Николай Иванович
БАЛЫШЕВ

ПОМНИМ!

ГЛАВА 31

В запас не ушли

(Выдержки из статьи капитана в отставке, председателя секции ветеранов войны городского совета ветеранов С. Г. Екимова, опубликованной в «Качканарском рабочем» 22 марта 1995 года).

В этом материале мне хотелось рассказать немного о людях, которые не утратили, инициативу, энтузиазм, которые, как принято говорить, по-прежнему в строю и в запас уходить не собираются.

Живет, например, в Качканаре сержант в отставке **А. В. Безденежных**. Бывший минометчик, закончивший войну на Эльбе, много повидавший за три военных года. Он ведет военно-патриотическую работу в школе № 4, где его знают и уважают...

В школе № 2 таким пропагандистом стал **В. В. Смирнов**, который в беседе с детьми использует обширную переписку со своими однополчанами, материалы своей будущей книги о войне...

Нашел свой метод военно-патриотического воспитания в СПТУ-92 **П. И. Стяжкин**...

В Валериановской средней школе содействие в военно-патриотической работе оказывают **С. И. Питателев** и **В. З. Головчиц**...

Ветеран войны **К. К. Дерябин** кроме того, что является председателем городского совета ветеранов войны и труда и отдает этому делу всю душу и здоровье, он еще и частый гость в школах и училищах. Неугомонен, не стареет душой. Константин Кузьмич активно включился в создание городского музея, особенно его военного раздела.

Капитан в отставке **Н. М. Семенов** выполняет серьезное общественное поручение, является председателем комиссии содействия при военкомате. Хорошо начали пропагандистскую работу и такие участники войны, как **В. С. Москвичев** в школе № 7, **С. В. Кадачиков** в школе № 5, **Н. Ф. Литвиненко** в лицее-136, **В. А. Попов** в школе № 3. Проявляют активность и ветераны войны **А. Г. Расковалов**, **В. Г. Отрепьев**, **Г. А. Соколова**, **К. Х. Яппаров**, **Н. И. Филистеев**, **Н. М. Болотова**, **В. Е. Хоруженко**, **А. Н. Шурпатов** и другие...

К 100-летию
со дня
рождения
Маршала
Советского
Союза
Георгия
Константиновича
ЖУКОВА

ГЛАВА 32

ЖУКОВ С НАМИ

Из праздничных дней он коварно изъят,
В газетах об Армии Красной ни слова.
Не потому ль, что мятежный Кронштадт был взят
Ею и возвращен Революции снова?
Что одолела она Перекоп,
С бурей шрапнельною споря,
И, раздавив Юшуньский «окоп»,
Врангеля сбросила в Черное море?
И не за тот ли Антанте урок:
«В калашный ряд не соваться с рылом...»,
Что в Белом море дала зарок:

В драку не лезть с европейским пылом?
А может, за то лишь, что сбила спесь
С самураев на нашем Дальнем Востоке?...
Красная Армия! Путь ее весь:
Гасила пожара войны истоки.
...Зима в сорок первом. Враг под Москвой...
В истории было и раньше это.
И вдруг пораженья фашистского вой
Услышала вся Планета!!!
Красная Армия, словно щитом,
Грудью прикрыла врата столицы.
За что же предатели наши потом
О битве Московской сплели небылицы?...
А после, спасенья всей Родины ради,
Насмерть сражалась она в Сталинграде,
Куда враг метнулся, отчаянья полный,
И кровью разбавил сам волжские волны.
И помнят доселе со страхом враги
Побоище «тигров» у Курской дуги.
...Всех битв и сражений не перечесать,
И все они были — за Родины честь!
За мир и покой на просторах Отчизны
Свечами горели солдатские жизни...
Ужели нет гордости прежней у нас,
За все, что свершила Армия наша,
И вспомним о ней в роковой только час,
Когда не минует нас горькая чаша?!
Когда, обращаясь к солдатам страны,
Кто-то воскликнет: «Да осенит вас имя!...»
И названы будут Отчизны сыны —
И Фрунзе, и Жуков, и многие с ними...

Михаил МАРКОВ.

ГЛАВА 33

Слава живущим! Вечная память ушедшим!

Многие люди, о которых я пишу в этой книге, знакомы мне по три десятка лет и более. С кем-то вместе трудился на производстве, кого-то хорошо знал по совместной общественной работе, о ком-то писал будучи газетчиком.

Бывших фронтовиков становится все меньше и меньше. С грустью осознаю, что уже никогда больше не услышу голосов Николая Ивановича Балышева, Павла Тимофеевича Засобы, Александра Васильевича Ульянова, Петра Николаевича Алексева, Константина Никитича Новикова, Ивана Ефимовича Мотузова, Бориса Николаевича Домашева, Виктора Николаевича Черепанова, и многих, многих других ветеранов. И уже не раз ловил себя на мысли, что не случилось ли что-то непоправимое, когда берешь телефонную трубку, набираешь номер, а абонент на противоположном конце провода молчит. И вздрагиваешь невольно, когда детский голос отвечает: «Дедушка болен», «Дедушку увезли в больницу», «Дедушка...».

И радуешься, когда видишь, что ветеран еще здоров, смеется, шутит, рассказывает анекдоты. А фронтовикам никогда не изменяло чувство юмора. Они, прошедшие горнило кровопролитной войны, огонь и воду, — оптимисты. Они знают цену жизни. Они свято верят, что час негодяев, смутное время рано или поздно отсчитают последние секунды, и придет все же счастливое время, которое будет отсчитывать столетия. Придет!

Работая с людьми, беседуя с ними, я сверял их жизнь не только при помощи бесед, интервью, но изучал доступные мне документы из личных архивов ветеранов — вырезки из газет, фотографии, рукописные воспоминания, автобиографии, дневники и письма военных лет, наградные документы, грамоты, благодарности, книги о дивизиях и армиях, в которых они воевали, анкеты и др. Еще и еще раз убеждался в открытости, честности, благородстве, скромности и великом оптимизме поколения-победителя.

Передо мной некоторые анкеты ветеранов войны. Форма их менялась, но сущность была одна: фамилия, имя, отчество, год рождения, образование, воинское звание, участие в боях, награды, ранения, контузии, в какой помощи нуждается, размер пенсии и др. Одним словом, стандартная форма. Но вот неожиданно наталкиваюсь на необычные пункты: «Памятные эпизоды из военной жизни», «Смешные случаи в войну, которые случались с Вами или Вашими товарищами». Без всякого сомнения форму такой анке-

ты составлял бывший фронтовик, любящий шутку, смешные истории. И они, естественно, были. Однако в редкой анкете встретишь описание подобных историй. Трагизм войны, хотя и прошло после нее более полувека, глушил все остальное.

Так, например, кавалер двух орденов Красной Звезды и Славы III степени **Василий Григорьевич Отрепьев** на вопрос о «смешных историях» отвечает лаконично: «Не припомню».

О памятных эпизодах бывший разведчик **Степан Федотович Горяев**, награжденный медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», пишет: «Это было в Луге в госпитале, где я разговаривал с товарищем по койке и случайно нашел своего земляка с Иса — Геннадия Крапивина. С тех пор мы вместе ходили в разведку, выполняя военные задания, но позднее он погиб».

Декабрь 1941 года — оборона Москвы. Февраль 1942-го. Ранение. Минск. Литва. Восточная Пруссия — Кенигсберг. М. Хинган. Порт-Артур. Командир отделения. Пехота. Орден Отечественной войны. Медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга»... Это краткий послужной список **Михаила Савельевича Косарева** — бывшего воина и бывшего горняка.

Он вспоминает: «В Восточной Пруссии шли в атаку, а служил я в автоматной роте полка. Народу было мало. Мы выходили из окружения. Прорвались человек 150, вынесли знамя. Еще. Стояла задача не пропустить немцев на данном участке. Пошли в атаку, завязалась рукопашная — немцы отошли. А после часть пополнилась и пошли дальше в наступление». За каждой строчкой — героизм.

«Катюшник» **Иван Степанович Широких** воевал в 17-м отдельном гвардейском минометном дивизионе реактивных снарядов. Прошел с боями от Курской дуги до Берлина. Среди прочих наград отмечен медалью «За отвагу». Был ранен в голову. Он вспоминает: «В июле 1943 года при бомбежке были разбиты два дивизиона. Один наш остался — сумели вывести из-под обстрела... Тяжелые были бои под Бобруйском, Жлобином, Берлином. Всего не помню, запомнил. Смешных случаев не было, больше было трагических. На моих глазах погибли старший лейтенант Овсов, сержант Румянцев и другие товарищи...»

Артиллерист-зенитчик, участник Сталинградской битвы и взятия Берлина **Николай Александрович Субботин**. Был ранен. После войны работал на Исовском прииске, в Качканаре — на аглофабрике и на Западном карьере. Кавалер орденов Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, медали «За отвагу» и др. Он вспоминает: «Случай под Бреслау. С аэродрома немцы удирали. Один из самолетов — транспортный — начал набирать высоту. Мы стреляли по нему из 85-мм орудия. Один из снарядов попал в бензобак. Самолет взорвался. Как выяснилось, в нем летело высокое немецкое начальство... Много нам пришлось стрелять под Поворино. Расход снарядов — 200 штук. Пока одни орудия охлаждаются, другие стреляют. Немцы производят противозенитные маневры, бомбы сыплются мимо цели...»

Василий Александрович Машканцев. Кавалер двух орденов Красной Звезды, Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и др. Капитан медицинской службы. В

армии служил с 1936 по 1960 годы. Вот тут-то, наконец, от истории, которую поведал ветеран, можно улыбнуться: «1939 год. Стояли на Халхин-Голе. Полетели на поиск нового места для медсанбата. Кругом оказались японцы. Когда самолет приземлился, японцы растерялись и сдался в плен целый батальон. Мы, конечно, много смеялись в результате этого курьезного случая».

Судьбы фронтовиков. Как нет ни одного одинакового человека, так и нет одинаковых судеб. Редким из них приходилось закончить войну, как говорят, без единой царапины. Но кроме физических некоторым пришлось испытать и небывалые нравственные муки. Так, например, сержант **Агуреев Иван Трофимович**, воевавший на I Белорусском фронте, побывал в немецком плену. Подобная же участь постигла

Сизова Павла Ивановича и Сашко Петра Федоровича.

Разведчик П. И. Сизов дошел до Вислы. И попал в плен. Началась череда концлагерей. Трижды бежал и трижды его ловили, жестоко избивали, глумились над ним. Четвертая попытка побега закончилась успешно. Успел еще повоевать Павел Иванович. В одном из боев осколком мины оторвало ему ногу. И все же, пройдя ад войны и плена, выжил, вырастил детей, дождался внуков.

В Качканаре хорошо знают бывшего управляющего трестом «Качканаррудстрой» **Евгения Андреевича Козлова**. Он кавалер трех боевых орденов - Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. В мирное время отмечен орденом Знак Почета. Капитан Козлов командовал саперной ротой. Войну начал в первые ее дни, закончил — в последний. Сапер-минер Евгений Козлов, обезвредивший тысячи немецких мин, в победную ночь 45-го... наступил на мину. Спасибо сапожнику: смастерил перед этим своему командиру сапоги на толстой подошве. Тем и спас ногу ротному...

Кавалер ордена Красной Звезды и других наград **Игорь Иванович Якушев**. Служил в реактивных войсках. Мы много слышали о гвардейских минометах — «катюшах». Но были еще и «Андрюши» — установки помощнее. Тяжелый труд — таскать на себе снаряды. Но, наверное, еще тяжелее слышать вой этих снарядов. Как бы не пытались гвардейцы прикрыть уши от этих душераздирающих звуков, многие глохли, становились инвалидами. Да и как тут не оглохнешь — воевать в составе пяти фронтов, начиная с августа 1942 года и кончая победой...

«Пехота — прошел сто, еще охота». Так шутя говорили в войну о матушке-пехоте. Едва ли найдешь такой род войск, который постоянно соприкасался с землей, жил в окопах, траншеях, блиндажах, землянках, под открытым небом в морозы, в слякоть, под палящим солнцем и под холодным светом луны, под постоянными обстрелами артиллерии, бомбежками, коварными минами, под свинцовыми струями автоматов и пулеметов.

Одним из многомиллионных представителей пехоты является **Александр Григорьевич Расковалов**. Бывший старшина, прошедший с боями от Прохоровки на Курской дуге до Праги. Его ратный путь отмечен орденом Славы III степени, медалью «За отвагу» и другими наградами. Дважды был ранен — в 1943 и 45 годах.

Александр Григорьевич вспоминает: «Война — это, прежде всего, тяжелый труд, особенно для пехоты и особенно в зимнее время. Позади десятки километров утомитель-

но пешего марша. Впереди — враг. Надо окапываться. Порой и спали в снежных окопах. Но что значит спать в снегу на морозе. Полчаса — и превратишься в мерзлый ком. Ставили дежурных, чтобы через каждые двадцать минут будили. Несмотря на все это, находили время отвести душу в бодрых, жизнерадостных песнях. Пели на маршах, пели на привалах...»

Ветеран войны и труда, бывший водитель автотракторного цеха **Василий Матвеевич Корнев** вспоминает: «Война застала меня на северо-западной границе. Для меня она началась 26 июня. Как ни странно, услышали сообщение о войне лишь на четвертый день. Дозорные с линии сообщили, что на заставу движутся вооруженные финские солдаты. А может быть и немцы были. Вооружены мы были трехлинейками. Враг же был вооружен отменно. Как бы там ни было, три дня мы успешно отражали атаки. А потом пришел приказ отойти, а заставу сжечь...

Застава волилась в состав 73-го пограничного полка, задачей которого была борьба с диверсионно-разведывательными группами врага и охрана нашего тыла. Закончили войну осенью 1944 года, когда вышли на место своей выжженной заставы».

Своими воспоминаниями делится ветеран **Николай Иванович Филистеев**. Война застала его в Кушве. Играли в волейбол на станции Гороблагодатская в пристанционном саду. Кто-то прибежал, сообщил: «Братцы, война!»

А ведь только наладилась жизнь после гражданской войны и разрухи. Крепость страны Советов уже испытали японцы на Хасане и на Халхин-Голе, на подступах к Ленинграду — белофинны. И снова — война...

Обреченности у жителей Кушвы не было, все верили в нашу конечную победу. И вот первая добрая весть: фашисты отброшены от Москвы на десятки километров. В тылу это вызвало трудовой подъем. На подъездных путях Кушвинского металлургического завода разгружалась разбитая немецкая техника, прибывшая на переплавку. «В свободное от работы время мы с Володей Бахтияровым — слесарем-арматурщиком — лазили и осматривали эти трофеи. Так хотелось на фронт, а меня не брали. 17 лет мне было. Мои отец и брат уже были на фронте. А я — нет. Стыдно было перед девчонками. Враг еще силен, лезет напролом к Сталинграду, а я пишу и пишу в военкомат и в горком комсомола заявление за заявлением»...

Наконец, Николай Иванович одел форму красноармейца. Группа добровольцев едет сначала в Еланские лагеря, а через несколько месяцев на Калининский фронт. В бою за Великими Луками Н. Филистеева тяжело ранили. Череда пяти госпиталей. Кунцево под Москвой. Переформировка. Степной фронт, Курская битва, Вена...

Своими воспоминаниями о войне поделился и **Андрей Ефимович Вотинцев**.

Он служил химиком-дегазатором. В каждом батальоне было два-три таких специалиста. На случай газовой атаки. Определяли газ по запахам и по звуку разрыва снарядов. Резкий взрыв — значит, осколочный снаряд, глухой — ядовитые газы может выпустить.

«17 октября 1942 года километрах в 15 от Дона на ростовском направлении завязался наступательный бой. Пробили две оборонительные линии немцев, а на третьей споткнулись. Со стороны наступающих, как обычно, потери большие. Во втором эшелоне противник наших окружил, многих забрал в плен. Нас осталось немного. Шта-

бисты, мы, химики, и еще кто-то. Забились в траншею, приготовили оружие, ждем немцев. Вот они подошли близко. Сосед мой, солдат, стрельнул в немцев из противотанкового ружья (ПТР). Просит подать ему патроны, а они на бровке траншеи лежали. Приподнял я голову, тут-то мне по макушке и врезало касательно. Еще бы на один-два миллиметра ниже и... Не успел очухаться, как рядом со мной разрывается снаряд. Осколки впиваются в руки, в левый бок (как решето) и ниже спины... В руке один из осколков так и остался на всю жизнь.

Атаку отбили. У меня поднялась температура. Глаза кровью залиты. Думаю, еще небольшой удар и мне хватит... Выбрался из траншеи, потихоньку плетусь в тыл. Слышу шум за спиной. Продрал кое-как глаза — бежит кто-то за мной. Немцы! Но ошибся. Это, оказывается, наши драпают. Поймал одного солдата за рукав, помоги, дескать, выйти. А он меня ударил по руке и дальше побежал...

Увидел пару лошадей. Наш солдат везет на передовую патроны. Помог на бричку забраться, довез до озера, показал направление и уехал. Вокруг озера идти не хотелось. Боль адская во всем теле. Пошел напрямик по тонкому льду. На противоположном берегу услышал русскую речь — свои! На счастье мое оказался здесь санитар из нашего полка, перевязал мои раны, вывел на КП батальона, куда собирали всех раненых»...

Такая немудреная история. Один трусливо убежал от раненого. Другие помогли. Всякие люди были на фронте.

Иван Филиппович Русских:

«Служил разведчиком под Москвой, участвовал в битве за Днепр, в операции «Багратион», брал Кенигсберг, воевал и с японцами. Награжден орденом Красной Звезды, четырьмя медалями «За отвагу» и др. В мирное время работал строителем. Приехал в 1986 году в Качканар к сыну будучи пенсионером».

Коротко и ясно.

Степан Иванович Питателев. Во время войны служил рядовым шофером при штабе полка. Был также связистом, линейным надсмотрщиком. Он вспоминает: «Много мы исколесили дорог и бездорожий Карелии. Много раз перестраивались. То на конно-вьючное снаряжение, то на лоточно-лыжное — зимой. После освобождения Заполярья мы были переброшены в Житомир. Наша часть была укрупнена в полк и именовалась 173-м гвардейским ордена Александра Невского минометным полком. Потом был рейд в Венгрию к озеру Балатон. Нас часто перебрасывали на разные направления. Были в Австрии, потом в Чехословакии, снова в Австрии, где я и закончил войну.

Медаль «За боевые заслуги» получил за бесперебойную работу связи НП с позицией батареи. Медаль «За отвагу» — за своевременное снабжение дивизиона боеприпасами, доставляя их автотранспортом. Орденом Красной Звезды награжден за досрочное выполнение командования по доставке военных грузов, за безотказную и безаварийную работу автотранспорта»...

Создание литературно-документальной книги — процесс сложный, сотканный порою из таких противоречивых узелков, которые, казалось бы, не развязать...

Родные братья. Оба — бывшие фронтовики, имеют боевые награды, воевали на

разных фронтах, но пути их на войне пересекались. Младший много лет трудился в нашем городе, старший — в соседнем. Выйдя на пенсию, старший тоже перебрался в Качканар.

Случайно увидел я в одном из документов, что старший брат за успехи в труде был награжден когда-то высшей правительственной наградой СССР. Может быть, думаю, ошибка. Бывает, что по рассеянности впишут в анкету вместо юбилейной Ленинской медали орден Ленина, или вместо ордена Красной Звезды орден Красного Знамени... Одним словом, в силу объективных причин к орденосцу я попасть не смог. Звоню младшему. Тот-то уж точно знает... «Да никакого ордена у него нет» — отвечает.

А ведь есть орден, есть!

Комментировать дальше эту историю, думается, смысла нет.

Был случай, когда во время визита к одному из бывших фронтовиков ко мне отнеслись, как бы это сказать... Не очень тактично и вежливо. Удостоверение личности даже проверили. Такое уж время. Но дело в другом. Мне-то и надо было всего лишь какую-нибудь фотографию из семейного альбома. И говорит мне хозяин: «Вы вот постоянно берете и берете фотки, но не возвращаете». Что мне было ответить ему? Я молчал и думал. Он меня видит впервые. Я его вижу впервые. И вот такая заявочка...

Некоторым кажется нереальным, что его имя появится в книге. «Да у меня всего одна медаль «За отвагу». Больше военных наград не имею. Не достоин». Отвечаю ветерану вопросительной иронией: «А может быть ты еще недостоин и потому, что имеешь ранение? Назло напишу».

Сажусь за письменный стол и пишу. «Назло» себе и ветерану...

Звоню на квартиру **Павла Николаевича Маслова** — единственного в Качканаре кавалера трех орденов Красной Звезды. Слышу горестную весть: «Скончался на днях Павел Николаевич». Выражаю сочувствие и прошу принести в городской совет ветеранов фотографию заслуженного воина. Принесли немедленно.

Только что закончил писать зарисовку о чете ветеранов войны **Мамонтовых. Виктор Васильевич Мамонтов** единственный в Качканаре кавалер двух орденов Славы... Случайно рукопись попадает на глаза товарищу: «Ты не совсем прав. Был еще один кавалер Славы двух степеней. Он дожил до 50-летия Победы и тихо скончался»...

Навожу справки. Рабочий одного из качканарских заводов ЖБИ **Василий Акимович Нестеров** был трудолюбивым и скромным человеком. Все знали, что он бывший фронтовик. Но мало кто знал, что Василий Акимович — на две трети Герой Советского Союза. Только так лично я определяю статут наследника Георгиевского креста — орден Славы.

Василий Акимович Нестеров начал войну в 1942 году пехотинцем, а закончил ее в столице Австрии Вене артиллеристом самого грозного оружия второй мировой войны — гвардейского миномета «катюши». Вечная память герою!

Звонит заведующая отделением детской поликлиники Галина Владимировна Новикова.

— Читала в «Руде» о том, что вы пишете книгу о ветеранах войны. Мой отец **Владимир Ильич Спиридонов** ушел из жизни пять лет назад. Он один из первых качканар-

цев. «Работал в «Качканаррудстрое». Воевал, награжден орденом Красной Звезды...

— Я, Галина Владимировна, хорошо знал вашего отца. Прекрасный был человек.

Вечная память Владимиру Ильичу Спиридонову!

Очередной звонок. Клавдия Степановна Балышева.

— Прошу вас... У меня есть книги, документы...

Срывается голос у Клавдии Степановны.

— Вас понял, Клавдия Степановна. Я очень уважал вашего мужа. Писал о нем когда-то. Мы часто встречались.

Николай Иванович Балышев. Кристальной чистоты был человек. Прекрасный собеседник. Много лет возглавлял городской совет ветеранов. Участник прорыва блокады Ленинграда. Кавалер двух орденов Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени и других боевых наград.

Вечная ему память!

И опять звонки, письма, беседы о тех, кого уже нет с нами. Но они живут в нашей памяти, в наших сердцах живут!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ! ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не могу не поведать грустную историю, связанную с созданием этой книги.

Книга о ветеранах-фронтовиках Качканара задумывалась к 50-летию Победы. Но Совет ветеранов не нашел для этого средств. Решили выпустить книгу к 51-й годовщине и согласно договора, рукопись была готова к 1 марта 1996 года. До 15 июня 1997 года она лежала без движения в типографии из-за отсутствия спонсора и средств для печатания книги.

Не была она напечатана и к 52-й годовщине по этой же причине.

Спасибо руководству горно-обогатительного комбината, пусть за запоздавшую, но помощь, оказанную Совету ветеранов для того, чтобы книга о ветеранах-фронтовиках Качканара вышла в свет.

Пусть читатель не удивляется, что немало строк в книге посвящено чеченским событиям. Ведь в то время, когда писалась книга, был самый пик братоубийственной войны, спровоцированной правящей кремлевской верхушкой, в результате которой погибло по неполным данным, более 100 тысяч человек. Во имя чего? И во имя кого? Естественно, что я не мог обойти молчанием эту тему. Иначе мои герои меня бы не поняли, не поняли бы и читатели.

Пусть читатели не удивляются также многочисленным траурным рамкам. За время вынужденной «лежки» рукописи прошло почти полтора года, за это время немало ветеранов ушло из жизни.

Слава живущим!

Вечная память ушедшим!

Ю. МЕДВЕДЕВ.
22 июня 1997 года.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глава 1.	На войне, как на войне	6
Глава 2.	Звонящая тишина	12
Глава 3.	Судьбы лихолетные	18
	В мясорубке войны	18
	Ушли и не вернулись	20
Глава 4.	Огонь партизанского костра	24
Глава 5.	В тринадцать мальчишеских лет	31
Глава 6.	Эта обыкновенная необыкновенная женщина	35
Глава 7.	Иного не было пути	40
Глава 8.	Я с милым познакомилась в Берлине	44
Глава 9.	Наследник солдатского «Геоργия»	47
Глава 10.	Они защищали Заполярье	50
Глава 11.	Звезда Станислава Екимова	52
Глава 12.	В снегах, войною опаленных...	63
Глава 13.	«Весталка»	67
Глава 14.	Под гусеницами танка	71
	Ночью в секрете	71
	В наступлении	72
	Сон в руку	74
	Гибель напарника	74
	Под гусеницами танка	75
	В медсанбат	76
Глава 15.	«Мы зарабатывали этот орден кровью»	78
Глава 16.	И все это было пройдено	80
Глава 17.		84
Глава 18.	Ветераны горяцкого поселка	87
	Ветераны войны Валериановска	88
Глава 19.	Строки из биографии	91
Глава 20.	Пропахали пол-Европы	93
Глава 21.	Кто с мечом к нам войдет...	95
Глава 22.	Наступит время подводить итоги...	97
Глава 23.	Когда бы не было войны	98
Глава 24.	Солдатская слава	102
Глава 25.	За мужество и отвагу	104
Глава 26.	Серебряный блеск подвига	107
Глава 27.	Без них мы не победили бы	109
Глава 28.	«Минуте молчания» — больше полвека	112
Глава 29.	Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд	117
Глава 30.	Здесь никогда не бывает пусто	122
Глава 31.	В запас не ушли	140
Глава 32.	Жуков с нами	141
Глава 33.	Слава живущим! Вечная память ушедшим!	143

Выражаю сердечную благодарность за помощь в подготовке книги К. К. Дерябину, Р. П. Швалевой, В. С. Беляеву, Л. Е. Сторожевой, К. Н. Лапшиной, С. Г. Екимову, К. Х. Яппарову, В. Е. Хоруженко, В. В. Смирнову, Н. Ф. Литвиненко, Р. Г. Васильевой.

Автор.

МЕДВЕДЕВ
Юрий Павлович

ОГНЕМ ОПАЛЕННЫЕ

Литературная публицистико-документальная повесть
о ветеранах Великой Отечественной войны Качканара.

Сдано в набор 27.06.97 г. Подписано в печать 29 августа 1997 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Шрифт Бастион.
Офсетная печать. Объем 9,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ 1474.

ЛР № 010317

Нижнестуринская типография
624350, г. Нижняя Тура, ул. Скорьнина, 15.

